

Олег Айрапетов

Крымская война

Популярный очерк

Москва
REGNUM
2017

УДК 327
ББК 63.3(2)52
А36

Айрапетов О.Р.
А36 Крымская война. Популярный очерк. — М : REGNUM, 2017. —
208 с. : ил.

ISBN 978-5-91150-036-8

Крымская война стала первым за многие десятилетия поражением Российской империи на принципиально важном для нее восточном направлении. Результатом поражения стало согласие Петербурга и Константинополя на демилитаризацию Черного моря, абсолютно невыгодную для России. Впрочем, это ограничение было недолгим. Гораздо более длительные последствия имел вынужденный отказ Петербурга от права покровительства православным подданным султана, завоеванное в XVIII веке.

История Крымской войны представлена в широком историческом контексте, с учетом самых различных факторов, влиявших на развитие событий: дипломатической, военной, финансовой истории событий, процесса принятия решений, политических интересов и возможностей основных участников процесса.

Для всех, кто интересуется историей внешней политики и дипломатии России, военной историей и Историей с большой буквы.

УДК 327
ББК 63.3(2)52

ISBN 978-5-91150-036-8

© Олег Айрапетов, 2017
© ИА REGNUM, 2017

Предисловие

Крымская война стала первым за многие десятилетия поражением Российской империи на принципиально важном для нее восточном направлении. Она стала и первым опытом столкновения с коалицией без единого союзника. Внешнеполитическая система, основанная на сохранении политического равновесия в Европе, не оправдала себя — русские границы практически повсюду оказались в угрожаемом положении. Нейтралитет соседей: Австрии, Пруссии, Швеции — был различным, но гарантировали его по большей части всего лишь значительные контингенты русской армии, развернутые по всему периметру европейских границ. Это было невиданное ранее военное напряжение. Противостоя на поле боя в Крыму и на Балтике двум первым морским державам Европы того времени, ведя войну с Турцией в Малой Азии и Закавказье, Россия вынуждена была учитывать возможность выступления против себя двух первоклассных европейских армий: австрийской и прусской, серьезными неприятным противником могла стать и Швеция. Трудно представить себе успешный исход войны при таких обстоятельствах, даже без учета технического превосходства англо-французских союзников.

Результатом поражения стало согласие Петербурга и Константинополя на демилитаризацию Черного моря, абсолютно невыгодную для России. Черноморский регион, игравший всё более заметную роль в экономике империи, стал абсолютно беззащитен для внешней угрозы,

почти две тыс. км побережья оказались открытыми для удара, который в отличие от удара на замерзающей Балтике, мог быть нанесен в любое время года.

Впрочем, это ограничение было недолгим. Оно просуществовало всего лишь с 1856 по 1870 год и ушло в небытие практически сразу же вслед за падением несущего звена так называемой Крымской системы — второй империи. Гораздо более длительные последствия имел вынужденный отказ Петербурга от права покровительства православным подданным султана, завоеванного в XVIII веке. Теперь всё это, равно как и судоходство по Дунаю, контроль над устьем этой великой реки, режим проливов Босфор и Дарданеллы, все эти важнейшие для России (разумеется, не только для нее одной) вопросы стали предметом заботы «европейского концерта» Великих Держав. Ничего хорошего это не сулило, особенно в конце 1850-х и начале 1860-х годов, когда ценность сохранения британского партнера всегда перевешивала в Париже возможные выгоды соглашения с Россией. Англо-французский союз стал решающим фактором, определившим судьбу Крымской войны. Впрочем, без этого союза такая война попросту была бы невозможной.

Между тем союз Лондона и Парижа многим современникам казался в принципе невозможным еще в 1852 году. Исторические противники в борьбе за господство в Европе, традиционные соперники в Мировом океане, в Африке, Леванте, Малой Азии, казалось бы, не могли и не должны

были стать союзниками. В конце концов, на пути такого партнерства лежала жертвенная тень великого дяди императора Наполеона III. Впрочем, в очередной раз очень скоро выяснилось, что в политике нет места сантиментам, а вечными в ней остаются только интересы. Русская дипломатия явно недооценила тот факт, что для Лондона союз с Францией оставался предпочтительнее, возможно, потому, что Париж уже не вызывал столь сильного опасения, как Петербург.

В конечном итоге борьба за сохранение Османской империи от претензий злого русского медведя сопровождалась первыми крупными внешними займами султанского правительства, а закончилась установлением финансовой зависимости Турции от англо-французского банковского капитала. Территориальное единство и политическая стабильность должника объединяли интересы его кредиторов и в немалой степени способствовали взаимопониманию Парижа и Лондона на Ближнем Востоке.

Для России путь к Крымской войне начался с первой фазой восточного кризиса — греческим восстанием. После колоссальных потрясений эпохи наполеоновских войн менее всего русская дипломатия думала об обострении положения в районе проливов, что неизбежно привело бы в движение добрую половину Европы. Но логика развития событий была неминуема. Характер подавления восстания, репрессии против иерархов православной церкви, закрытие выхода из Черного моря для русской торговли — всё это буквально выталкивало Россию к войне, которой так хотел избежать император Александр I. Его поиски возможности решения кризиса путем единого выступления Европы не увенчались успехом.

Гордиев узел был разрублен Николаем I. Начало независимости Греции было обеспечено, но наследие войны проявило себя с неожиданной стороны, став предлогом для начала турецко-египетского кризиса. Одна проблема сменяла другую, в отличие от греков мятежный египетский паша со своей армией реально угро-

жал изменить status quo в районе Проливов. В результате уникального стечения обстоятельств, сделавших невозможным выступление Англии и Франции, в распрю вмешалась Россия, внезапно для всех выступившая в поддержку Турции. Результатом этого стал Ункляр-Искелесский договор 1833 года, заключенный сроком на 8 лет. Русско-турецкий союз, сделавший режим судоходства предметом международного соглашения, стал постоянным раздражителем для Лондона и Парижа. Удержать достигнутый успех было невозможно, и после второй турецко-египетской войны пришлось согласиться на установление международного режима прохождения Проливов военными судами в мирное время.

После этого напряжение на Востоке лишь нарастало. Революционные потрясения 1848–1849 гг. породили у Николая I надежды на возможность преодоления разногласий с бывшим союзником по борьбе с Наполеоном — Англией — путем раздела наследства «больного человека», как называли тогда Турцию. Эти надежды оказались абсолютно необоснованными. Англия предпочитала приобретать, не делясь ни с кем. До последнего надеясь, что предложение Египта, бесценной позиции на пути в Индию и территории с преимущественно французским влиянием, будет достаточной компенсацией за сотрудничество на проливах, император зашел в тупик. Англо-французские отношения оказались не враждебными, русское влияние на Австрию — преувеличенным, возможности для опоры на Пруссию — ничтожно малыми и т. п.

Начавшаяся русско-турецкая война быстро переросла в войну России с коалицией, в войну на истощение без малейших шансов ударить по территориям Франции и Англии, при невозможности похода на Константинополь, и специфическими условиями театра военных действий в Малой Азии, где никакая победа не могла достичь уровня стратегического успеха по причине отдаленности от основных политических центров империи османов.

Франц Крюгер. Портрет Николая I

Автор предлагаемой вниманию читателя работы далек от желания обвинить во всем случившемся императора Николая или «коварный Альбион», или кого бы то ни было еще. История внешней политики, в отличие от истории дипломатии, с особенной остротой ставит перед нами задачу объяснения факта в его широком историческом контексте. В данном случае это означает необходимость учета самых различных факторов, влиявших на развитие событий: естественно, диплома-

тической, военной, финансовой истории событий, процесса принятия решений, политических интересов и возможностей основных участников процесса. Четкое и ясное понимание того, что могла и чего не могла добиться в этих условиях Россия, попытка объяснения тех шагов, которые были сделаны императорским правительством — вот поставленные перед этой работой задачи, и я буду в высшей степени удовлетворен, если ответы на поставленные мною вопросы вызовут интерес.

Расчеты и просчеты русской дипломатии после революций 1848–1849 гг.

Поводом к очередному витку Восточного кризиса стал спор о Святых местах, возбужденный Парижем еще в 1850 г. Президент Наполеон не был еще искушенным в восточном вопросе политиком и не предвидел сложностей. В этом году иерусалимский патриарх обратился к Порте за разрешением исправить главный купол храма Гроба Господня, а бельгийские миссионеры возбудили вопрос о возобновлении могил иерусалимских королей-крестоносцев. Этот вопрос сразу же привлек к себе внимание со стороны общественного мнения Франции. Желая получить поддержку со стороны церкви, принц-президент потребовал допуска католиков в некоторые из церквей, уже предоставленных Православной церкви, основываясь на положениях франко-турецкого договора от 1740 г. Статья 32 данного соглашения обеспечивала свободу обряда для католических духовных лиц «в местах, где они находятся издавна», статья 33 гарантировала владения католической церкви от покушений и податей. Французский исторический приоритет в Оттоманской империи был очевиден.

Первый и эталонный договором о постоянном дипломатическом представительстве и капитуляциях был подписан еще в 1535 г. (хотя впервые близкие к капитуляциям положения были зафиксированы еще в венецианско-оттоманском договоре 1521 г.). В 1678 г. был подписан англо-турецкий договор о посольстве и капитуляциях. Первый русско-турецкий договор по данному образцу был заключен только в 1700 г., он был пересмотрен после

Прутского похода Петра Великого и вновь подтвержден в 1720 г. Требования французов получили поддержку со стороны других католических государств: Бельгии, Австрии, Испании, Сардинии, Португалии и Неаполя. Таким образом, был получен желаемый результат — с самого начала французы стремились вызвать кризис, который приведет к изоляции Петербурга.

Абсолютное большинство христиан в Палестине было представлено православными — греками и арабами-христианами. Абсолютное большинство паломников к Святым местам в этот период приходило из России. Число католических паломников с конца XVIII века неизменно сокращалось. Первый серьезный удар по этой традиции нанесла французская революция 1789 г., европейская культура XIX столетия становилась всё более и более секуляризированной. Латинский (католический) Иерусалимский патриархат быстро превращался в фикцию. В самом Иерусалиме в это время постоянно проживало 12–15 тыс. чел., из них 3,5 тыс. были христианами: 2 тыс. — православными (преимущественно арабы), 1 тыс. — католиками, остальные были армянами, коптами, сирийцами. Ежегодно город посещало около 12 тыс. богомольцев, в основном из России, из Европы всего 80–100 чел.

Определенные изменения последовали в 40-х годах. В 1843 г. в Иерусалиме появилось французское консульство, что вызвало всеобщее удивление, так как французы сюда почти не приезжали. «На Востоке, — отмечал современник, — все убеждены в старшинстве России между

всеми франкскими государствами». В 1840 г. прусскими и английскими протестантами было учреждено объединенное епископство, которое активно приступило к миссионерской работе в Палестине. Вслед за этим активизировался и латинский патриарх, за короткое время им было основано около 20 католических орденов, началась активная миссионерская работа, прежде всего направленная не на мусульман (так как это было запрещено), а на православных. Особое внимание и протестанты, и католики традиционно уделяли образованию, строительству школ, в которых можно было получить вполне современные знания.

Константинопольский патриарх был заинтересован в русской поддержке, но при этом он опасался увеличения русского влияния на дела церкви, в которой при турецкой власти он мог пользоваться куда более значительной властью, чем иерархи в России или в Греческом королевстве. Более осторожную позицию занимали православные патриархи Востока — Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский, так как они в гораздо большей степени зависели от финансовой помощи из Москвы и Петербурга, а также от тысяч русских богомольцев, приходивших ежегодно на Святую Землю. Тем не менее и они не желали установления контроля над церковью со стороны далекой северной империи, тем более что в 1842 г. в Палестине была основана русская миссия, которая должна была вести делами паломников. Конечно же, это были противоречия между церквями-сестрами, каждая из которых была неизмеримо ближе друг другу, чем к католикам. В целом, отношения между церквями в Палестине были далеки от сердечных, но всё же они мирно сосуществовали. Французской дипломатии удалось спровоцировать конфликт.

Сделать это удалось не сразу. 7 (19) сентября 1851 г. Николай I в личном письме к султану призвал его к сохранению существующего порядка, что произвело в Константинополе сильное впечатление. Французский посол в Турции не был удо-

влетворен таким исходом и уже в октябре 1851 г. начал угрожать военно-морской демонстрацией. Угроза осталась нереализованной из-за государственного переворота в декабре того же года. 29 января (10 февраля) 1852 г. был издан фирман султана, в котором подтверждались права православной церкви. Одновременно был издан и другой фирман, по которому католики, наряду с греками и армянами, в виде уступки Франции, получали ключ от пещеры Рождества Христова в Вифлеемском храме и некоторые другие права в Святой Земле.

Николай I, вообще требовавший соблюдения status quo в Палестине, поначалу согласился с этим решением, но вслед за ним Османское правительство сделало новые уступки католической церкви. Францию не устраивало частичное решение вопроса, ее посол в Османской империи в знак протеста против январского фирмана покинул Константинополь и вернулся туда в мае 1852 г. на 90-пушечном винтовом линейном корабле «Шарлемань». Франция недвусмысленно угрожала блокадой проливов и нарушала положения Лондонской конвенции 1841 г. На протесты со стороны Петербурга Константинополь ответил оригинальным способом: приход французского линкора был объяснен приглашением со стороны капудан-паши — командующего турецким флотом. Новый паровой французский линейный корабль, таким образом, пришел в Золотой Рог всего лишь в качестве демонстрации нового типа судна.

Конфликт перестал быть спором конфессий — речь уже шла об авторитете покровительствующих им держав. Он сопровождался демонстрациями со стороны России и Франции. 12 (24) октября 1852 г. специальный эмиссар Порты, отправленный в Иерусалим, заявил, что султан принял решение отремонтировать купол храма Гроба Господня за свой счет, а работы будут вестись под наблюдением трех доверенных лиц от христианских общин: греческой, латинской и армянской. О каком-либо фирмане султана не было сказано ни слова, что вызвало рост подо-

Г. Брендекильде. Иерусалим с юго-востока. 1890

зрений и протесты и со стороны русских, и со стороны французов. 20 ноября 1852 г. министр иностранных дел Турции Фуад-эфенди в разговоре с австрийским послом охарактеризовал положение следующим образом: «Титов (Владимир Павлович, чрезвычайный посланник России в Турции — А.О.) заявил Порте, что он оставит Константинополь со всем посольством, если Порта позволит себе малейшее отступление от status quo, а Лавалет (Шарль-Жан-Мари — посол Франции в Турции — А.О.) угрожает блокадой Дарданелл французским флотом, если она сохранит status quo». Сам Фуад был горячим сторонником принятия требований Парижа. Он опасался не только действий французской эскадры у Дарданелл, но и возможной интервенции Франции в Сирии или Тунисе. Кроме того, по мнению министра, столкновение Франции и России в Палестине давало Турции шанс освободиться от влияния Петербурга на православных подданных султана.

В результате турецкие власти пошли на уступки католикам, которые получили

ключи от храма Рождества Господня в Вифлееме. 22 декабря 1852 г. католический патриарх Иерусалима водрузил там серебряную звезду, подаренную французским правительством. Символическое значение этого акта для влияния на Ближнем Востоке не поддается переоценке. В обстановке приближающегося кризиса всем трем его участникам были необходимы союзники. Нессельроде был категорически против дальнейшего развития противостояния, предвидя возможность объединения Турции и Франции при весьма неблагоприятных для России условиях. Канцлер рекомендовал не сообщать английскому правительству мысли Николая I о возможном падении Турции и подготовке к разделу турецкого наследства. Император придерживался другой точки зрения. Он был настроен весьма воинственно.

28 декабря 1852 г. (9 января 1853) Николай I в разговоре с британским послом в России Дж. Сеймуром вернулся к теме своей беседы с Робертом Пилем в 1844 г., вновь предлагая Лондону раздел Турции.

Дунайские княжества, Сербия и Болгария превратятся в самостоятельные государства, но под русским протекторатом, Великобритании предлагались Египет и Кандия (Крит), судьба Константинополя точно не была определена, но император заявил, что не планирует захвата этого города и не допустит его перехода ни к англичанам, ни к французам, ни к грекам. Иллюзии в отношении возможности найти общий язык с Лондоном в восточном вопросе были самым значительным просчетом Николая I. Турция действительно была «больным человеком», вокруг которого группировались доктора и наследники. Впрочем, первые иногда были заинтересованы в наследии больше, чем в лечении, а вторые подчас отнюдь не торопили кончину больного, скорее наоборот.

Многие государственные деятели Англии со скепсисом смотрели на перспективы сохранения Османской империи. Тем не менее в Лондоне отнюдь не собирались торопить события, приход которых в данный момент категорически не устраивал Великобританию. Сеймур, докладывая Росселю о беседе с Николаем I, с удовлетворением отметил, что *«суверен, который имеет несколько сотен тысяч штыков»*, не может принять решения без согласия с Лондоном. Британский дипломат выразил свою надежду на то, что Петербург не будет настаивать на соглашении о разделе, потому что если распад Турции действительно произойдет, то в таком случае Англия рискует остаться без права голоса. И первый, и второй случаи были как раз тем, чего хотели избежать английские государственные деятели. 14 января 1853 г. император вновь вернулся в разговоре с Сеймуром к теме возможного падения Турции и необходимости подготовки к этому событию. Посол поблагодарил Николая I за доверительный обмен мнениями, но при этом выразил свою уверенность в том, что Турция еще не находится при смерти и что его правительство не нуждается в союзниках на этот случай.

Великобритания торговала с Турцией и вообще не была заинтересована в раз-

деле «турецкого наследства». Вторая четверть XIX века была периодом резкого усиления англо-турецких торговых контактов. В то время как Пруссия, Австрия и Россия вводили протекционистские тарифы, защищая собственный внутренний рынок от импорта дешевых британских товаров (Россия впервые ввела его в 1822 г. и последовательно продолжала эту таможенную политику в 1825, 1830, 1831, 1841 гг. Только таможенный тариф 1850 г. создавал несколько более благоприятные условия для ввоза промышленной продукции). Турция оставалась очагом благоприятной торговли. К 1850 г. подданные этого государства покупали больше английских товаров, чем жители итальянских государств, Франции, России или Австрии. Если в 1825 г. ввоз английских товаров в Османскую империю составил 1.079.671 фунт, а вывоз — 1.207.172 фунта, то в 1852 г. британский импорт в эту страну равнялся 8.489.100 фунтам, а экспорт из нее — 2.252.283 фунтам. Обращает на себя внимание тот факт, что уже с 1830 г. Лондон добился значительного превосходства вывоза над ввозом (2.745.723 фунта против 1.726.065 фунтов) и далее только наращивал положительный баланс в свою пользу.

Важнейшим для Лондона вопросом была торговля хлебом. В 1846–1850 гг. Россия вывозила приблизительно 5 % собранного на ее полях хлеба. В основном это была высококачественная пшеница. В русском экспорте этого периода зерновой вывоз составлял 35 %, и основным его потребителем была Англия (37 %), вслед за которой шли германские государства (11 %) и Франция (10 %). В 1852 г. в Англию было ввезено из России 957.000 четвертей зерна (из них 706.000 четвертей — пшеницы). При этом от 1/3 до 1/4 всего зерна, поступавшего в Англию к 1850 г., приходилось на импорт из владений Турции. В основном этими импортерами были Дунайские княжества и Египет. В 1852 г. из этих территорий было ввезено 1.875.000 четвертей зерна, но при этом ввоз пшеницы из Дунайских княжеств составил 200.000 четвертей.

В 1842 г. через проливы прошло 250 британских торговых судов, в 1848 г. их количество увеличилось до 1397, а в 1852 г. — до 1741. До 1/3 всего судоходства по Дунаю также осуществлялось под британским флагом. Значительному подъему дунайского судоходства способствовало и объявление в 1848 г. Браилова портом свободной торговли, в 1837 г. этот режим был распространен и на Галац. В случае установления контроля над княжествами Россия контролировала бы более 50% ввоза пшеницы в Великобританию на начало 50-х гг. XIX в. (706.000 + 200.000 четвертей против 400.000 четвертей из Пруссии, 400.000 четвертей из США, 35.000 четвертей из Канады). Разумеется, что Лондон стремился не допустить возникновения подобной ситуации. Как отметил в своем донесении от 23 марта 1853 г. британский поверенный в делах в Турции, *«безопасность наших обширных коммерческих интересов более важна, чем европейская политика и сохранение мира»*.

Тем не менее известия о разговорах Сеймура с Николаем I поначалу не вызвали особой тревоги в правительстве Англии. 8 февраля 1853 г. Абердин признал, что эти беседы соответствовали заявлениям, сделанным в 1844 г., и, следовательно, они не предполагают немедленного перехода к действиям. Петербург по-прежнему был готов соотносить свои планы с Лондоном, и на Темзе по-прежнему не считали необходимым торопить события. Более того, в январе 1853 г. там отказались принять предложение Франции о заключении союза. Более того, отправка французской эскадры к Дарданеллам поначалу вызвала подозрение в Англии. Тем не менее эта подозрительность не привела к серьезным осложнениям в англо-французских отношениях. 8 (20) февраля 1853 г., на балу в Зимнем дворце, Николай I вновь подошел к Сеймуру и спросил его, какова реакция его правительства на сделанные предложения. На них последовал отказ, но в столь вежливой и обтекаемой форме, что он вызвал сожаление императора, вновь высказавшего свою уверенность в скором коллапсе Осман-

Егор Ботман. Портрет графа Карла Васильевича Нессельроде. 1860-е

ской империи и свою готовность ограничиться устным соглашением о взаимопонимании в Восточном вопросе.

9 (21) февраля Сеймур прочитал Нессельроде депешу Росселя, в которой содержалась благодарность королевы за искренний и дружественный обмен мыслями. Россель высказал свое мнение о том, что распад Турции может произойти «через двадцать, пятьдесят, сто лет» и потому в настоящее время соглашение о ее разделе преждевременно, так как оно может вызвать обострение как внутри Османской империи, так и вокруг нее. Кроме того, Лондон заявил об отсутствии желания овладеть Константинополем, и обещал поставить Петербург в известность, если в Англии возникнет готовность приступить к соглашению о разделе турецкого наследства.

Как показали дальнейшие события, император не понял или не захотел понять произошедшего. Совет Лондона обращаться с Турцией ласково вызвал у него замечание, что такое обращение применяется, *«но бесполезно, и именно это может вызвать войну и все ее последствия»*. 10 (22)

февраля он пригласил Сеймура в Зимний дворец для обсуждения депеши Росселя. Напомнив британскому дипломату о том, что в 1829 и в 1833 гг. именно он выступил сторонником сохранения Османской империи и даже ее защитником, Николай I высказал свое убеждение в том, что распад этого государства вполне возможен и близок, а также подчеркнул, что объединившиеся Англия и Россия смогут не принимать во внимание позицию Франции. При этом император счел необходимым особо отметить, что позиции России и Австрии в вопросе о Турции идентичны.

Определенные основания для этих слов у Николая I были. В 1852 г. на черногорско-турецкой границе произошел ряд столкновений, закончившихся взятием черногорцами небольшого турец-

кого укрепления. Против княжества была направлена 60-тысячная армия во главе с Омер-пашой. Инцидент грозил дорости до значительных размеров и охватить Боснию и пограничные районы Австрии. В защиту Черногории выступила Вена. В начале 1853 г. в Константинополь прибыло австрийское посольство, которое потребовало остановки военных действий. Этот демарш был полностью поддержан русской дипломатией: Николай I заявил, что в случае австро-турецкой войны окажет Вене союзническую помощь. В результате, столкнувшись с ультиматумом и концентрацией австрийских войск на границе, турки, несмотря на энергичную поддержку, оказанную им Францией, вынуждены были пойти на уступки и в конце февраля 1853 г. принять австрийские требования. Франц-Иосиф был

Теодор Фрер. Город Иерусалим. 1881

весьма удовлетворен поддержкой России, его министр иностранных дел неоднократно публично повторял, что кризис продемонстрировал «идентичность идей и политическую солидарность двух Императорских Кабинетов». Казалось, сотрудничеству России и Австрии ничего не угрожало. И всё же реальная картина была далека от той, которую видели (или хотели видеть) в Петербурге.

Николай I явно переоценил прочность своего влияния в Европе, так и не поняв значительных изменений, произошедших в том числе и благодаря постоянному усилению веса и влияния России на этом континенте. Политическое противостояние между Францией и Великобританией, столь характерное для середины и конца XVIII столетия, во многом завершилось после Венского

конгресса. Россия теряла то выигрышное положение, при котором ранее она находилась на периферии конфликтов между державами, боровшимися за господство на море и суше. Ранее она была желанным союзником практически для любой коалиции, которая складывалась в Европе, теперь она претендовала на первенство и потому объединяла основных участников европейского политического концерта против себя. Ни в Лондоне, ни в Париже, ни в Вене не желали перехода Константинополя и проливов под контроль России. Николай I по-прежнему рассчитывал на то, что англо-французские противоречия на Ближнем Востоке и прежде всего в Сирии и Египте исключают возможность политического объединения Лондона и Парижа, и не ожидал враждебного выступления Великобритании.

Луи Хаг по рисунку Дэвида Робертса. Мечеть Омара в Иерусалиме. 1839

Михаил Зичи. Николай I на строительных работах

Это был колоссальный просчет, впрочем, не меньший, чем надежда на консервативное единение с Веной и поддержку Австрии, которая уже «подвела» императора в 1852 г. в случае с официальным признанием титула императора за Наполеоном III. Министр иностранных дел Австрийской империи граф Буоль, сменивший на этом посту умершего Шварценберга, категорически противился всяким планам усиления России на Балканском полуострове, считая, что в таком случае само будущее империи Габсбургов будет поставлено под угрозу. Австрийцы опасались и того, что Франция может поддержать королевство Пьемонт в его планах объединения Италии и, следовательно, вытеснения австрийского присутствия с севера Апеннинского полуострова, сорванных фельдмаршалом Радецким в 1848 г. под Кустоццей. Лозунгом Вены в этот момент стала формула «самый худший мир лучше войны». Сам Буоль, с точки зрения его родственника и русского посла в Вене барона П. К. Мейендорфа, абсолютно не заслуживал доверия: «Мой шурин Буоль — величайший политический собачий отброс, которого когда-либо встречал и который вообще существует на свете».

Уже в начале января 1853 г. опасность столкновения Турции и России была достаточно высока. «Могущий быть в скором времени разрыв с Турцией, — писал в это время Николай I, — приводит меня к следующим соображениям. 1. Какую цель назначить нашим военным действиям? 2. Какими способами вероятнее можем мы достичь нашей цели? На первый вопрос отвечаю: чем разительнее, неожиданнее и решительнее нанесем удар, тем скорее положим конец борьбе. Но всякая медленность, нерешимость дает туркам время опомниться, приготовиться к обороне и вероятно французы успеют вмешаться в дело или флотом, или даже войсками, а всего вероятней присылкой офицеров, в каких турки нуждаются. Итак, быстрые приготовления, возможная тайна и решительность в действиях необходимы для успеха. На второй вопрос думаю, что сильная экспедиция с помощью флота, прямо в Босфор и Царьград, может всё решить весьма скоро. Если флот в состоянии поднять в один раз 16 т. чел. с 32 полевыми орудиями, с необходимым числом лошадей при двух сотнях казаков, то сего достаточно, чтобы при неожиданном появлении не только овладеть Босфором, но и самим Царьградом. Буде число войск может быть и еще усилено, — тем более условий к удаче».

«Турки с ума сходят, — писал вскоре после этого император Паскевичу — и вынуждают меня к посылке чрезвычайного посольства, для требования удовлетворения; но вместе с тем вынуждают и к некоторым предварительным мерам осторожности. Поэтому я теперь уже собираю резервные и запасные батальоны и батареи 5-го корпуса: ежели дело примет серьезный оборот, тогда не только приведу 5-й корпус в военное положение, но и 4-й, которому, вместе с 15-й дивизией, придется идти в княжества, для скорейшего занятия, покуда 13-я и 14-я дивизии сядут на флот для прямого действия на Босфор и Царьград... Но дай Бог, чтоб обошлось без этого, ибо решусь на то только в крайности. Зачать войну не долго, но кончить, и как кончить... Один Бог знает как».

Таким образом, император планировал в случае войны привести в действие против Турции те планы, которые были разработаны после 1833 г. для ее охраны. Между тем обстановка в проливах в 1853 г. совершенно не напоминала ту, которая имела место 20 годами ранее. Прежде всего, не было дружественной Турции, готовой принять русский десант. Успех его в любом случае зависел от времени, то есть от того, сможет ли русский флот перевезти достаточное количество войск и обеспечить захват Босфора, Константинополя и Дарданелл до прибытия в Мраморное море англо-французской эскадры.

Огюст де Форбен. Вид Иерусалима. XIX в.

1853 год. На пути к нежелательной войне. Миссия Меншикова

В начале 1853 г., после наметившегося уже успеха австрийского демарша по Черногории, Николай I отправил в Константинополь в качестве чрезвычайного посла генерал-адъютанта князя А. С. Меншикова. В письме к султану от 23 января (4 февраля) император сообщал о чувствах *«глубокой скорби и удивления»*, которые он испытал при новости о решении о Святых местах в Палестине и которые *«изустно»* должен был сообщить Меншиков. Ответственность за это решение Николай возлагал на *«неопытных или недоброжелательных министров»* султана. *«Льщу себя надеждой, — завершал Николай, — что, проникнутый справедливостью моих замечаний и искренностью моих слов, Ваше Величество с твердостью устранили вероломные и недоброжелательные внушения, посредством которых стремятся нарушить отношения дружбы и доброго соседства, столь благополучно донныне между нами существовавшие».*

Русская дипломатия оказалась в тупике. *«Чем более мы выказывали твердости в защите прав церкви, — писал один из первых ее историков, — тем более должен был затрагивать нас неуспех наших усилий. С тех пор, мы не могли оставаться под страхом поражения, не рискуя потерять на Востоке положение, созданное для нас историей и поддерживаемое не только симпатией, но и самим жизненным политическим интересом».* В миссии Меншикова это проявилось вполне очевидно. Выбор императора был обусловлен желанием видеть в после не только дипломата, но и лицо,

способное в случае необходимости руководить военными и военно-морскими операциями.

16 (28) февраля 1853 г. Меншиков прибыл в столицу Турции на пароходо-фрегате «Громоносец». Посол должен был добиться обнародования данных России фирманов без малейшего отступления от формальностей, признание привилегий Православной церкви должно было быть изложено в особой русско-турецкой конвенции, подтвержденной сенедом (то есть указом) султана, который признавал бы особое покровительство России православному населению Турции и вводил принцип пожизненного утверждения султаном решений церковных синодов об избрании православных патриархов (Константинопольского, Антиохийского, Александрийского, и Иерусалимского). Кроме того, Меншиков должен был предложить султану заключить оборонительный договор против Франции. Главной задачей миссии, согласно инструкции Нессельроде, было нанесение французскому правительству нравственного поражения. Недавно рожденная Вторая империя не могла себе этого позволить. 23 марта 1853 г. французский флот отплыл из Тулона по направлению к Греческому архипелагу и через несколько дней встал на якорь в Саламинской бухте.

Перед отъездом Меншиков получил указание императора — в случае, если турки проявят упорство, угрожать им признанием независимости Дунайских княжеств. О большем речь поначалу не шла. 9 (21) апреля Николай I отпра-

Франц Крюгер. Портрет князя А. С. Меншикова
в мундире Гвардейского Экипажа. 1851

вил собственноручное письмо Францу-Иосифу, в котором сообщал об отсутствии у него желания нанести последний удар по Османской империи: *«Я считаю ее сохранение гораздо более полезным для обеих наших Империй, чем всё то, что могло бы ее заменить после падения. Я думал так всегда, и нужно лишь, чтобы мне оставили возможность действовать в этом смысле, не подрывая чести и интересов России. Но, если турецкое правительство в своем ослеплении не поймет приводимых доводов и не даст мне гарантий за будущее, то я должен буду прибегнуть к оружию, несмотря на противодействия и препятствия, которые мне могут быть поставлены, так как это будет моим долгом. Невозможно в таком случае определить исход войны для Османской Империи, и если она падет по собственной вине, то я с полным доверием предупреджу тебя*

о том, что усмотрю в ближайшем будущем, и сообща с тобой мы предпримем средства к предупреждению катастрофы, которую, быть может, другие державы желали бы вызвать, но которую с Божьей помощью мы сумеем предотвратить, благодаря нашему общему интересу и общности наших взглядов и стремлений».

Поначалу Меншиков действовал достаточно решительно. Сразу после своего приезда на встрече с великим визирем он заявил, что не сможет вести переговоры с Фуадом-эфенди, так как не доверяет ему. Министр иностранных дел немедленно подал в отставку и был замещен другим чиновником. 24 февраля (8 марта) посол был официально принят султаном, вслед за чем на частной аудиенции князь передал Абдул-Меджиду личное письмо Николая I. *«Весьма далек я, — писал импе-*

Неизв. авт. Султан Оттоманской империи Абдул-Меджид I. 1850-е

ратор, — Высокий и державный друг, от намерения подвергнуть Ваше правительство распрям с другими державами, либо предложить Вам нарушение какого-либо условия, основанного на трактате, состоящем доныне в силе и обязательном для Турции. Но, с другой стороны, в нынешнем вопросе, я должен советовать Вам сохранение прав, освященных веками, признанных всеми Вашими славными предшественниками и подтвержденных Вами самими, в пользу Православной Церкви, которой догматы исповедуют многие из состоящих под Вашим владычеством христиан, а равно и наибольшая часть моих подданных. Если сохранение сих прав и документов, дарованных Вашею волею и верховной властью, повело бы к какому-либо замешательству, или если бы вследствие того Ваши владения были угрожаемы опасностью, то подобные события укрепили бы еще более

Ваш союз с нами и повели бы к соглашению, которое положило бы конец требованиям и притязаниям, несовместным с независимостью Вашего правительства и со внутренним спокойствием Вашей Империи».

Султан заявил о готовности устранения недоразумений, но на самом деле они только начинались. Отставка Фуада продемонстрировала уровень влияния России и вызвала сильнейшее недовольство других держав. Результаты не замедлили проявиться. В переговорах, которые посланец российского императора вел с турками с 4 (16) марта по 9 (21) мая 1853 г., Меншикову заочно, но весьма активно противостоял посол Великобритании лорд Стратфорд Каннинг — личный враг Николая, отказавшего ему в агремане в 1832 г. при назначении послом в Россию. В Лондоне у Каннинга была репутация

блестящего знатока Турции и противника кабинета Дж. Абердина в палате лордов. Таким образом, отправляя его в Константинополь, премьер-министр решал несколько задач одновременно.

Каннинг прибыл в столицу Порты 5 апреля и сразу же приступил к действиям, фактически управляя действиями турецкой стороны и подталкивая ее к срыву переговоров с Меншиковым. Возможно и не желая (как он сам утверждал), чтобы русско-турецкие отношения вошли в кризис, который закончится войной, этот британский дипломат сделал всё возможное для того, чтобы события развивались именно по этому сценарию. В любом случае его действия полностью соответствовали страхам и опасениям «туманного Альбиона».

Британский посол нисколько не симпатизировал Османской империи: в переписке с Пальмерстоном он называл особенности ее управления — тотальная коррупция в административном аппарате, беспорядок в государственных финансах, насилие и обман в каждой отрасли государственных доходов и т. п.

Для предвоенного периода состояние османских финансов действительно было не блестящим. Еще в 1839–1841 гг. один из наиболее активных сторонников политики танзимата Решид-паша попытался обсудить с британскими банкирами возможность внешнего займа. Главным условием его предоставления была передача кредиторам таможенных поступлений от Константинополя, Салоник и Смирны. Но финансисты потребовали и гарантий собственного управления средствами, на что правительство отказалось пойти. Финансовое положение Османской империи постоянно ухудшалось. В 1840 г. в Турции были введены бумажные облигации казначейства, выкупаемые через 8 лет, под 12,5% до 1844 г. и под 6% после. Несмотря на большой номинал, усложнявший широкое применение облигаций, это было введение бумажных денег в Турции.

Ситуация не выправилась. Объем бумажной денежной массы в Турции посто-

янно рос. В 1844 г. расходы империи составили 150 млн пиастров (из них на двор султана — 60 млн) при государственном долге в 349,5 млн пиастров. В 1848 г. Решид основал Константинопольский банк, но в 1851 г. он обанкротился, не выдержав соперничества с иностранными конкурентами. Из-за постоянного кризиса финансы постепенно подошли к опасной грани. Ряд неурожаев, восстание в Боснии, военные расходы — банк не смог вынести совокупности этих нагрузок. В том же г. Решиду удалось добиться подписания договора с Францией о выделении кредита в 55 млн франков, но визирь-реформатор вскоре был отправлен в отставку, султан отказался ратифицировать соглашение, и от него отказались (правда, Константинополю пришлось выплатить компенсацию в 2,2 млн франков). Турецкий дебют на международном банковском рынке был крайне неудачным, а отставка Решида законсервировала привычную финансовую политику, на которую так критически смотрел представитель Лондона.

Оценка, данная османскому государственному аппарату Стратфордом Каннингом, была верной в целом, и в деталях. Впрочем, это ничего не меняло в той политической линии, которой он придерживался. В этом не было ничего необычного для поведения дипломата Великобритании. Публично зывая к принципам, на деле он предпочитал вести дела исходя исключительно из соображений государственных интересов объединенного королевства. В этой стране, по словам русского посла барона Бруннова, опасались не столько сенеда о правах Православной церкви, сколько русского таможенного тарифа на проливах как результата усиления нашего влияния в Турции. Последнее, таким образом, могло поставить под угрозу уже не только английскую торговлю и не только в Дунайских княжествах, но и на Черном море, что было решительно неприемлемо для Лондона.

«Вот почему, — писал Бруннов Несельерде 26 мая (7 июня) 1853 г., — для Константинополя опасаются не столько

наших солдат, сколько наших таможенных чиновников. Если бы здесь надеялись, что политическая перемена в Турции была бы возможна без нанесения ущерба свободе торговли, то траур по великим оттоманам был бы скоро забыт... всё это более мелко, чем политично».

Не обращая внимания на подобные «мелочи», русская дипломатия, вслед за политикой, делала одну ошибку за другой. Николай I находился в плену своих иллюзий относительно возможности достичь согласия с Англией. 20 апреля он снова встретился с Сеймуром и вновь вернулся к разговору о «восточном вопросе». Император поблагодарил британского дипломата за возможность диалога между Петербургом и Лондоном и высказал свое удовлетворение тем, что обмен мыслями проходит в дружеской тональности. Действительно, в это время еще казалось, что действия Парижа в Турции остаются изолированными.

Англичане поначалу отказались отправить свою Средиземноморскую эскадру из Мальты вслед за французами. Ее состав в это время был относительно невелик: два 120-пушечных, два 90-пушечных и один 80-пушечный линейный корабль, один 50-пушечный фрегат, три 16-пушечных, два 14-пушечных, два 6-пушечных, два 2-пушечных и один 3-пушечный пароход. Такая сила не считалась достаточной, на первом этапе эскадра была только приведена в состояние повышенной готовности. Западная эскадра, базировавшаяся в Лиссабоне, имела в своем составе 92-пушечный и 90-пушечный линейные корабли, пять новейших винтовых фрегатов, имевших на борту 51, 36, 26, 17 и 15 орудий соответственно, и два 16-пушечных колесных пароходо-фрегата. Отправлять ее в Средиземное море не торопились, так как эта эскадра могла потребоваться и для действий на Балтике. В июне эти корабли были соединены с судами, охранявшими подступы к Британии. Что касается Средиземноморской эскадры, которой вскоре всё же пришлось приступить к действиям, то существенную поддержку (116-пушечный и 90 пу-

шечный линейные корабли и 91-пушечный винтовой линкор) она получила только осенью, когда на Балтийском море уже появился лед.

Тем не менее уже весной 1853 г. благоприятная позиция, занятая Лондоном в отношении Оттоманской империи, была достаточно чувствительной, во всяком случае — в Константинополе. Еще 19 (31) марта турки демонстрировали готовность пойти на уступки в основной части русских требований по вопросу о Святой Земле. Нерешенным оставался только вопрос о том, как должен выглядеть купол храма Рождества после ремонта. Вскоре, почувствовав и дипломатическую, и военную поддержку Великобритании и Франции, турецкое правительство не согласилось с предложениями Меншикова, даже когда они были предъявлены в ультимативной форме. Посол чувствовал неизбежность срыва переговоров, извещая императора и Нессельроде, что без поддержки русских требований силой невозможно ожидать их принятия турками. Его ожидания оправдались. 23 апреля (5 мая), в ответ на турецкие проволочки в переговорах, Меншиков вручил Порте ноту, требуя ответа по русским требованиям в течение пяти дней. Турки согласились пойти навстречу русской программе относительно Святых мест. Во всем остальном их уступчивость заканчивалась. По истечению срока на ультиматум был дан отказ.

Более всего в Константинополе испугались требования подписать сенед о пожизненном назначении четырех православных патриархов Оттоманской империи. Гарантом его действия должен был стать император Всероссийский. Подобный акт фактически создавал религиозную автономию для 12 млн подданных султана под покровительством иностранного монарха и поэтому был категорически неприемлем для турецких властей, тем более что в этот период они опасались начала нового восстания на Балканах. Меншиков испробовал все способы склонить турок к уступкам дипломатическими способами, включая личную аудиенцию

у султана, но эти попытки только лишь несколько затянули пребывание миссии в османской столице. С 1 (13) мая она уже постоянно пребывала на «Громоносец». 5 (17) мая 42 из 48 членов совета, собранного султаном, высказались против принятия русских требований, на следующий день Меншиков был извещен об этом решении.

Попытка в последний раз предложить паллиативное решение, сделанная послом 8 (20) мая, была сорвана Стратфордом Каннингом, к которому немедленно отправился за инструкциями великий визирь. 9 (21) мая 1853 г. «Громоносец» ушел из Константинополя в Одессу со всем составом русского посольства. Перед отходом корабля из Буюк-Дере Меншиков направил ноту на имя Рашид-паши: «В минуту отплытия из Константинополя,

нижеподписавшийся русский посол узнал, что Высокая Порта обнаруживает намерение объявить гарантию духовных прав духовенства восточной церкви, гарантию, ставящую таким образом в сомнение права его на прочие преимущества, которыми оно пользуется. Не вникая в причины такой меры, нижеподписавшийся считает себя обязанным довести до сведения Его Превосходительства, г. министра иностранных дел, что всякого рода акт, которым объявлялась бы неприкосновенность духовных прав православного вероисповедания, и вместе с тем умалялись бы прочие права, преимущества и льготы его духовенства, неотъемлемные с древнейших времен по сей день, будет принят императорским кабинетом за действие, враждебное России и ее религии».

Николай I не хотел войны. Император был чрезвычайно разочарован резуль-

Эдуард Хильдебрандт. Вид на район Пера и Константинополь. 1852

татами переговоров. «Князь доносит, — писал он 17 (29) мая Паскевичу, — что не успел в требуемом, благодаря интригам Стратфорд Каннинга, он воротился в Одессу и велел миссии за ним следовать! — Итак, вот плоды образа действий, на который я так неохотно согласился, быв вперед уверен, что ни к чему не приведет и только прибавит важности неуспеху по торжественности, данной посылке Меншикова. Ежели бы, как я хотел, поступили мы, как австрийцы, **стращая** (разр. авт. — А.О.), вероятно, имели бы тот же успех, что они. — Последствием — война. Однако, прежде чем приступить к действиям, заняв Княжества, — дабы всем доказать, сколько я до крайности желаю избежать войны, — решаюсь послать последнее требование туркам удовлетворить меня в 8-дневный срок, ежели нет, то объявляю войну. Сходно условленному с тобой образу действий, хочу прежде ограничиться занятием Княжеств, и без боя, ежели турки к нам не выйдут на левый берег Дуная. Так буду ждать, что занятие это произведет. Ежели они поддадутся, требовать буду **сверх того** (разр. авт. — А.О.) части издержек по вооружению и до того не покину Княжеств. Но, буде турки будут упорствовать, со своей стороны велю блокировать Босфор и брать турецкие суда в Черном море; и предложу Австрии, со своей стороны, занять Эрцеговину (то есть Герцеговину — А.О.) и Сербию. Ежели и это не подействует, тогда полагаю объявить независимость Княжеств, Сербии и Эрцеговины — и тогда вряд ли Турецкая Империя устоит; и, вероятно, будут везде бунты христиан, и настанет последний час Оттоманской Империи. — Переходить Дунай не намерен; разве Империя рушится, да и тогда скорее пошлю флот, для чего держу его в готовности, и 13-я и 14-я дивизии остаются в сборе в Севастополе и Одессе. — Покуда хочу полагать, что Каннинг действовал по-своему, не согласно данной ему инструкции от своего правительства, что скоро откроется. Но ежели правительство одобряет его действия, то это было бы величайшее вероломство».

В этот день, 17 (29) мая, «Громоносец» вместе с миссией Меншикова пришел из Одессы в Севастополь. Несмотря на пасмурную погоду, на Графской пристани толпилась масса людей города. Настроения, как вспоминал один из офицеров, стоящих там, были весьма приподнятыми: «Все ждали объявления войны и потому спешили к пароходу узнать последние новости». Тем временем последний вопрос, ответа на который еще ожидал император, разъяснили не слова или дипломатическая переписка с Лондоном, а действия. Турки почувствовали себя в безопасности и отвергли последнее предложение России о примирении, отправленное от имени ее императора султану. 19 (31) мая Нессельроде известил министра иностранных дел Турции о том, что Меншиков будет ожидать в Одессе принятия своего последнего проекта в течение 8 дней, в противном случае Россия в залог своих требований приступит к оккупации Дунайских княжеств.

По совету Каннинга патриарху Константинопольскому 4 июня был направлен фирман, дающий ему право ходатайствовать перед Портой по поводу всякого нарушения религиозных прав его паствы. По мнению британского дипломата, это должно было склонить общественное мнение Европы в пользу султана. В начале июня Каннинг пытался даже убедить греческого и армянского патриархов, чтобы в ответ на фирман и последующий прием у визиря они принесли благодарственные адреса султану, обещая молиться за успехи турецкого оружия. Патриарх Константинопольский согласился на благодарственный адрес, но отказался упомянуть в нем о такого рода молитвах, армянский обещал во всем следовать примеру греков. Фактически это был шантаж резней, но представителю прогрессивной Англии не было никакого дела до судьбы двух христианских общин, когда речь шла о борьбе с консервативной Россией.

Весна и лето 1853 года. Расклад сил

Спор о Святых местах в Палестине закончился принципиальным противостоянием России и Франции, результатом которого стала политическая изоляция России. В дело всё больше начала вмешиваться Англия. Этап дипломатической игры, когда это вмешательство было относительно незаметным, закончился с неудачным завершением миссии генерал-адъютанта князя А. С. Меншикова в Константинополе. В конце мая опасность войны начала резко расти.

17 (29) мая последовал приказ выйти в море для наблюдения за движением турецкого флота небольшой русской эскадре из двух фрегатов и трех бригов. Предпринимать враждебные действия самостоятельно их командирам запрещалось, но их корабли должны были быть в постоянной готовности к нападению турок и держать орудия заряженными.

31 мая (12 июня) английская эскадра вошла в Безикскую бухту у входа в Дарданелльский пролив. Каннинг получил право в случае необходимости приказать ввести ее в проливы. Вскоре за англичанами последовали и французские корабли: три 120-пушечных, два 90-пушечных винтовых, два 80-пушечных линкора и пять 16-пушечных пароходов. Для того чтобы появление западных флагов в Черном море не произошло внезапно, в крейсирование между Босфором и Севастополем были направлены русский фрегат и корвет. Инструкция категорически запрещала их командирам использование силы, иначе как «в неизбежных только обстоятель-

ствах, ибо Вы должны помнить, что войны не объявлено, и дела могут быть еще улажены желаемым Государем Императором миролюбивым образом».

Со своей стороны Лондон и Париж явно опасались русского десанта на Босфор: агентура британского посольства на юге России докладывала о подготовке транспортов, продовольствия и сборе войск в портовых городах. Самым быстрым решением проблемы в случае начала войны Николай I считал внезапную высадку десанта на Босфоре и занятие Константинополя. Достаточной для этого силой, с точки зрения императора, были бы 16 тыс. чел. при 32 орудиях в первом эшелоне. Захват турецкой столицы в случае удачи десанта должен был быть подкреплён быстрым движением русских войск через Балканы. В июне 1853 г. в Севастополе готовился десантный отряд в составе 15652 рядовых, 2032 унтер-офицеров, 202 обер-офицеров, 26 штаб-офицеров, 5 генералов при 16 тяжелых и 16 легких орудиях.

По плану, эти силы должны были войти в передовой отряд численностью около 25 тыс. чел., а вместе с IV Пехотным корпусом для экспедиции выделялось около 75 тыс. чел. при 144 орудиях. Черноморский флот мог позволить себе быструю перевозку авангарда: чуть позже ему потребовалось всего лишь несколько дней и 12 линейных кораблей, два фрегата, два корвета, семь пароходов и 11 транспортов для перевозки дивизии из Крыма на Кавказ. По ведомости перевозочных средств Черноморского флота на февраль

Алексей Боголюбов. Русская эскадра в пути. 1880-е

1853 г., при условии оставления крейсеров у побережья Кавказа (отказаться от этого было невозможно) боевой и перевозочный отряды могли перевезти 24 батальона пехоты, один стрелковый батальон, один саперный батальон, шесть батарей артиллерии и 200 казаков с лошадьми. В состав IV корпуса входили три пехотные дивизии, легкая кавалерийская, конно-артиллерийская и три полевых артиллерийских бригады, три донских казачьих полка с донской конно-артиллерийской батареей, саперный и стрелковый батальоны, три подвижных запасных парка, понтонный парк, жандармская команда. О одновременной перевозке всех сил десантного отряда и речи не могло быть. Фактор времени приобретал весьма важное, если не решающее значение.

Между тем за несколько месяцев обстановка на проливах начала меняться в весьма неблагоприятном для России направлении. При участии англий-

ских инструкторов началось приведение в порядок укреплений Босфора — они представляли из себя восемь фортов на европейском берегу и пять — на азиатском. В их гарнизоны входило 3800 чел., на позициях стояло 305 орудий. По мнению англичан, турецкие укрепления были устаревшими, а орудия на них — разнокалиберными, старыми и лишенными прицелов. Форты не имели прикрытия с тыла и подходы с суши охраняли на европейском берегу 20 тыс. чел., а на азиатском — четыре тыс. чел. Оборону поддерживали четыре линкора, пять фрегатов, четыре вспомогательных корабля и два парохода. Они имели 800 орудий, в большинстве — среднего калибра. В августе к ним добавилось 10 тыс. чел., три линкора, четыре фрегата и два парохода, присланных вице-королем Египта, и четыре фрегата и пароход, отправленные на помощь своему суверену беям Туниса. Очевидно, что сил одной

русской дивизии (или двух) было явно недостаточно для прочного занятия Босфора, опыт Ункьяр-Искелесси вряд ли мог пригодиться. Перевозка на дружественный берег и десантирование на враждебный предполагали совершенно различные виды действия флота.

Миссию Меншикова в Константинополь сопровождал штаб, возглавляемый вице-адмиралом В. А. Корниловым и генерал-майором А. А. Непокойчицким. Оба этих высших военных чина и ряд сопровождавших их офицеров использовали пребывание в миссии для рекогносцировочной деятельности в районе Босфора, а также посетили Смирну и Пирей для того, чтобы убедиться, что число французских и английских кораблей в этих портах не превышает обыкновенного. По мнению князя, Порты не в состоянии была выслать в море более пяти военных кораблей, а в Константинополе, по его данным, находилось не более 30 тыс. солдат при 144 орудиях. 19 (31) марта 1853 г. Корнилов подал записку на имя Великого Князя Константина Николаевича для следующего доклада на Высочайшее имя, в которой был подведен итог этой поездки. Турецкий флот, по мнению адмирала, был совершенно не готов для действий в море, но вполне мог бы быть с успехом применен в качестве плавучих батарей для поддержки береговых укреплений Босфора, тем более что у турок имелись и большие пароходы.

Определенные шансы на успех у русского десанта, по мнению Корнилова, всё же были, но при обязательном условии соблюдения секретности: *«В заключение повторю, что без самой глубокой тайны покушение на Босфор признаю совершенно невозможным, ибо природа всё сделала для берегов пролива, так что малейшее толковое распоряжение весьма затруднит амбаркацию, а общий говор о приготовлениях в России десанта, естественно, для этой цели, начинает волновать турок, чему лучшим доказательством служит воздвигаемая с большою поспешностью батарея выше Анатоли-Кавака и отливаемые в Топхане орудия для укреплений Босфора».*

Уже в мае 1853 г. главный флотский эксперт в целом скептически оценивал возможность успеха атаки проливов. Против проекта десанта категорически сразу же выступил Паскевич, хотя фельдмаршал и высказал сожаление по поводу невозможности его реализации. В развитие своих первых предложений император предлагал и измененный вариант действий: для бесперебойного снабжения десантного отряда на Босфоре предлагалось предварительно занять с моря Бургас, к которому позже должна была подойти по суше русская армия силами одного корпуса — 45 тыс. чел., из которых 34 тыс. должна была составить пехота. И даже в случае успешного осуществления и первого, и второго шага, было очевидно, что прочно удастся занять только Босфор. Последующий успех в направлении Константинополя казался сомнительным.

Паскевич указывал на недостаточность численности войск, выделенных для действий на Балканах, и справедливо опасался и растянутых коммуникаций, которые легко было бы отсечь, и недооценки способности турок к сопротивлению. Фельдмаршал предлагал даже рассмотреть возможность создания вооруженных ополчений христиан Балканского полуострова для совместных действий с русскими войсками.

После появления союзного флота у Дарданелл в успех экспедиции на Босфор не верил и Меншиков. Еще в июне 1853 г. он по-прежнему надеялся на то, что большой войны удастся избежать, если только сохранить достоинство и нужный тон в переговорах с турками.

В конце концов выбор был сделан в пользу укрепления сил на Кавказе. 17–24 сентября (29 сентября — 6 октября) 1853 г. эскадра Черноморского флота под командованием вице-адмирала П. С. Нахимова перевезла 13-ю пехотную дивизию и две легкие батареи из 13-й артиллерийской бригады — 16393 чел. — на побережье Кавказа — в Сухум и Анакрию. Войска перевозились на 12 линкорах, двух фрегатах, двух корветах, 11 транспортах

и семи пароходах с запасом продовольствия и фуража на 12 дней, с необходимыми боеприпасами и т. д. Одновременно два фрегата и два корвета приступили к перевозке из Одессы в Севастополь восьми тыс. чел. Эта перевозка проводилась в два рейса и закончилась 2 (14) октября. Переброска войск прошла в полном порядке, без каких-либо потерь и тревог и значительно укрепила положение Кавказской армии. Решение было принято Петербургом под влиянием сильнейших опасений, шедших от наместника Кавказа кн. М. С. Воронцова. По его словам, в резерве под Тифлисом имелось не более четырех батальонов.

Прибытие значительных подкреплений усилило Кавказскую армию, в составе которой числилось 128 батальонов пехоты, 11 эскадронов регулярной кавалерии, 52 полка казаков и местной конной милиции, 23 батареи с 232 орудиями. Из этой массы войск весной 1853 г. собственно в Закавказье находилось всего 19,5 батальонов, два дивизиона Нижегородских драгун и небольшая часть иррегулярной кавалерии. В случае начала войны этого было очевидно недостаточно даже для обороны, и перевозка дивизии значительно усилила возможности русской армии в этом районе.

В 1842 г. был отдан приказ о временном прекращении активных действий на Кавказе. На следующий год активизировался Шамиль. Русские войска понесли тяжелые потери. Восстановить престиж должен был поход на резиденцию имама — Дарго. Аул был взят без боя, противник не стал защищать его и нести потери в заведомо проигрышных для себя условиях. Наоборот, Шамиль сумел использовать все плюсы создавшейся ситуации.

Возвращение русских войск оказалось сложнее, чем ожидало командование. При отходе по узким горным дорогам пришлось под огнем прорываться через многочисленные завалы, устроенные горцами. Движение стало чередой бесконечных штурмов и отражений атак по растянувшимся колоннам. Горцы про-

рывались даже к штабу наместника, под конец возникла угроза полного окружения и пленения отряда. На исходе было и продовольствие, и боеприпасы. Воронцов категорически отказался бросить раненых и обоз и прорываться налегке. Только подкрепление, пришедшее навстречу отряду, спасло ситуацию. Наместник, несмотря на преклонный возраст, целый день ездил верхом, находился на виду у подчиненных, был весел и шутил, что поднимало дух и солдат, и офицеров. Тем не менее в результате так называемой сухарной или Даргинской экспедиции 1845 г. было потеряно около пяти тыс. чел. и три орудия.

После этого Воронцов вернулся от бессмысленной стратегии сокрушения Шамиля путем взятия его «столиц» к правильной осаде гор — строительству дорог, вырубанию просек и установлению прочного контроля над занятыми территориями. Это требовало значительного напряжения сил. Из 270-тысячного состава Кавказской армии в 1853–1854 гг. около 200 тыс. было задействовано против горцев и только 70 тыс. — против внешнего врага.

Все вышеперечисленные обстоятельства объясняли колебания императора в отношении атаки Босфора, а вскоре ситуация в очередной раз изменилась. Приход в Безик англо-французского флота окончательно исключал возможность осуществления десантной операции в районе турецкой столицы. Оставалась лишь одна возможность демонстрации силы, которая, как казалось, не делала еще войну неизбежной. Уже 3 (15) июня Нессельроде приказал русскому генеральному консулу в Молдавии и Валахии известить правящих там господарей, что при вступлении русских войск они должны прекратить всякую связь с султаном, а поступающая ему дань будет направляться в распоряжение императорского правительства. Сопротивления не ожидалось.

«Повеление вступить в княжества я вероятно получу на днях, — писал Паскевичу генерал князь М. Д. Горчаков, — ибо Порта отказала в нашем последнем предложении.

О турках я не думаю и не забочусь: что они со мной сделают? Но сердце мое обливается льдом из опасения, что прекрасные войска, которые мне дали, могут подвергнуться истреблению молдавских лихорадок».

9 (21) июня Меншиков заверял Горчакова, что «турки не атакуют Вас, а согласно с Вашим выражением, останутся по той стороне Дуная в созерцательном положении. Так советовал им лорд Редклиф, говоря: *«Не мешайте занятию княжеств, оставайтесь спокойны и выиграте его».* Неудивительно, что Горчаков предвидел возможность войны с Англией и Францией, которая резко усложнила бы его положение в Молдавии и Валахии. Именно этого вмешательства опасался и Нессельроде, до последнего момента надеявшийся, что войны удастся избежать. Однако его надежды не оправдались.

14 (26) июня 1853 г. Николай I подписал Манифест «О движении российских войск в Придунайские Княжества». В нем говорилось о необходимости защиты прав и преимуществ Православной Церкви, нарушаемых в Турции. *«Старания Наши удержать Порту от подобных действий оказались тщетными, и даже торжественно данное Нам самим Султаном слово, было вскоре вероломно нарушено, — говорилось в этом документе. — Истоичив все убеждения и с ними все меры миролюбивого удовлетворения справедливых наших требований, признали Мы необходимым двинуть войска Наши в Придунайские Княжества, дабы показать Порте, к чему может привести ее упорство. Но и теперь не намерены Мы начинать войны; занятием Княжеств Мы хотим иметь в руках наших такой залог, который во всяком случае ручался Нам в восстановлении наших прав. Не завоеваний ищем Мы: в них Россия не нуждается. Мы ищем удовлетворения справедливого права, столь явно нарушенного. Мы и теперь*

готовы остановить движение наших войск, если Оттоманская Порта обяжется свято соблюдать неприкосновенность Православной Церкви. Но если упорство и ослепление хотят противного, тогда, призвав Бога на помощь, Ему предоставим решить спор Наш, и с полной надеждой на Всемогущую Десницу, пойдём вперед — за веру Православную».

В июне 1853 г. на южной границе России имелось около 129 тыс. чел. при 304 орудиях, из них для действий на Дунае можно было выделить около 90 тыс. чел. при 208 орудиях. Для их поддержки войскам была передана Дунайская флотилия: два парохода, 27 канонерских лодок, две баржи и два бота, вооруженных 89 орудиями и 116 фальконетами.

22 июня (4 июля) армия М. Д. Горчакова перешла через Прут и быстро заняла Молдавию и Валахию. Местные войска насчитывали около 20 тыс. чел. Если не считать вместе с составом речной флотилии, пожарными, пограничной стражей, эта цифра была меньше. Пехота составила около восьми батальонов при 14 орудиях. Ее немедленно присоединили к русским частям, о чем вскоре пришлось пожалеть. Низкий уровень дисциплины и воинского духа привел к тому, что Горчаков приказал вывести их в тыл и ни в коем случае не вводить в бой с турками. Особого доверия молдавовалахские отряды не вызвали и по другой причине. Русскую армию встречали с цветами, но эти восторги были ложными. Местная интеллигенция в целом негативно относилась к русским, не забыв участия России в подавлении движения 1848 г., при этом турок ненавидели гораздо сильнее и искреннее, потому что боялись неизбежной при их вступлении в княжества резни. Турецкая армия под командованием Омер-паши в это время медленно подтягивалась к Дунаю.

1853 год.

Русско-турецкая война началась

Весной и летом 1853 г. Николай I вплотную подошел к войне с Османской империей. Ввод русских войск в Молдавию и Валахию сделал ее почти неизбежной. Спор о Святых местах в Палестине дошел до почти неконтролируемого уже развития событий. Петербург был в одном шаге от решений, принятие которых означало бы столкновение с Парижем и Лондоном. Этот шаг отделял Россию от нежелательной войны с трудно предсказуемыми последствиями. Расчет на изоляцию Франции уже был, очевидно, утрачен, но вера в поддержку Австрии еще сохранялась.

20 июня (2 июля) император отправил Францу-Иосифу письмо, в котором извещал его о том, что в случае начала большой войны с участием англичан и французов, *«я не смогу более удерживать в покое болгар, греков и прочие народности, нетерпеливые и пришедшие в отчаяние. Весьма возможно, что они все восстанут, а флоты бессильны против них. Последствием будет падение в Европе Османской Империи даже без помощи нашего оружия. Я желал бы, если это событие наступит, заранее знать твои виды и намерения. Я повторяю то, что ты уже знаешь: я не желаю завоеваний, и я это торжественно объявил в моем манифесте России. Этим всё сказано (разр. авт. — А.О.)»*. Для будущих государств Балкан, в случае распада Османской империи, предлагался совместный русско-австрийский протекторат, но до вступления в войну Франции и Англии переход через Дунай не предполагался. *«Достигнув Дуная, мы будем ждать, — писал Николай*

Паскевичу, — что предпримут турки; долго им оставаться в этом положении мудрено, ибо оно им разорительно; ничтожность правительства делается всё яснее, даже для самих турок, и надо опасаться революции. Словом, если войны и не будет, предвижу я скорое падение Турции».

Император ошибочно оценил возможные варианты развития событий не только в отношении Турции, где оккупация княжеств вызвала очень бурную реакцию. Правительство с трудом контролировало эмоции. В Австрии русские действия были подвергнуты самой жесткой критике. Париж и Лондон дали знать Вене, что в случае начала большой войны и поддержки России со стороны Австрии они не будут противодействовать возможным революциям в северной Италии, Венгрии и Польше. Эти предупреждения сразу же привели к желательным для англо-французского союза последствиям. В циркуляре русского Министерства иностранных дел, изданном после вступления нашей армии в Дунайские княжества, было объявлено, что Россия не имеет цели разрушения Турции и немедленно прекратит оккупацию княжеств, как только будут удовлетворены ее требования. Кроме того, там содержались и уверения в том, что Россия не начнет первой военные действия и не станет побуждать христианских подданных султана к мятежу против своего монарха.

2 (14) июля султан обратился с протестом к державам, готовым выступить за принцип целостности турецких владений. Общественное мнение Европы было

Карл Пиратский. Император Николай I и Великий князь Александр в Санкт-Петербурге. 1843

настроено против России. Турецкий демарш стал основанием для созыва в Вене конференции по вопросу русско-турецкого конфликта. В этот момент турки, наконец, стали прислушиваться к советам польской эмиграции и решили создать казачью бригаду под польским командованием. 2 полка по 6 эскадронов в каждом должны были стать нуклеусом новой армии, в том числе и привлекать к военной службе добровольцев из христианских подданных султана. Бригаду возглавил М. Чайковский (Садык-паша). Он же выступил инициатором создания этой части. Как отмечал Чайковский, «я хотел этим воскресить запорожское войско, которое, служа турецкому падишаху, самому верному и единственному союзнику Польши, не переставало быть войском Речи Посполитой и короля польского». Садыку удалось собрать до 1,5 тыс. человек — людей самого разного происхождения и судеб, с которыми он мечтал дойти до Киева. Гигантские планы остались на бумаге.

В тот же день, когда султан обратился с протестом к Европе, Паскевич подал на Высочайшее имя докладную записку относительно возможных действий. Фельдмаршал особо отметил единство европейских держав против России, как и то, что оно вряд ли будет нарушено. Способом давления на Турцию он считал занятие Дунайских княжеств. «Заняв княжества, мы не начинаем войны, — писал он. — Посему нет необходимости переходить теперь же Дунай или начинать самим военные действия. Если же турки решили бы на левый берег, то, без сомнения, их следует отбросить, но и тогда еще подумать, идти ли вперед или остановиться: ибо едва ли мы будем готовы для перехода через Балканы. Разумеется, если бы удалось разбить или разогнать их армию, так, чтобы всё пространство перед нами очистилось — тогда, конечно, пользоваться обстоятельствами и идти вперед». Тем временем возникла перспектива дипломатического решения назревавшего конфликта.

31 июля 1853 г. Великобритания, Франция, Австрия и Пруссия приняли в Вене редакцию ноты, представлявшую компромисс между русской и турецкой позициями: «Его Величество султан в самом сердечном желании возобновить между собой и Его Величеством Императором Всероссийским отношения добрососедства и полного согласия, которые были, к несчастью, испорчены недавними и тяжелыми осложнениями, принял серьезную задачу изыскать средства к уничтожению следов сего разногласия. Блистательная Порта, узнав о таком императорском решении из верховного ираде от... поздравляет себя с возможностью сообщить его графу Нессельроде.

Если во все времена Императоры России проявляли свою деятельную заботливость о сохранении прав и привилегий православной греческой церкви в Оттоманской Империи, то султаны не отказывались никогда освящать их торжественными актами, свидетельствующими об их древнем и постоянном благожелательстве по отношению к их христианским подданным. Ныне царствующий Его Величество Султан Абдул-Меджид, воодушевленный тем же расположением и желая дать Его Величеству Императору России личное свидетельство своей искренней друж-

бы, руководствуется своим безграничным доверием к выдающимся достоинствам своего Августейшего друга и союзника и изволил уделить серьезное внимание представлениям, сделанным князем Меншиковым Блистательной Порте.

Вследствие этого нижеподписавшийся получил приказание объявить нижеследующим, что правительство Его Величества султана останется верным букве и духу положений Кучук-Кайнарджийского и Адрианопольского трактатов, которые касаются покровительства христианского культа и которые Его Величество считает долгом своей чести соблюдать навсегда; охранять от всякого ущерба, будь то ныне, будь в будущем, пользование религиозными привилегиями, предоставленными августейшими предками Его Величества восточной православной церкви и подтвержденными им самим и, кроме того, дать в духе высокой справедливости, греческому исповеданию участие в преимуществах, предоставленных другим христианским исповеданиям особыми конвенциями или распоряжениями. Наконец, так как императорский фирман, только что данный греческому патриарху и духовенству, заключает подтверждение их религиозных привилегий и должен быть рассматриваем, как новое доказатель-

Карта театра военных действий Крымской войны

ство благородных чувств султана, и так как объявление этого фирмана должно навсегда рассеять всякое опасение по отношению к обряду, являющемуся исповеданием Его Величества Императора России, то я счастлив возложенной на меня обязанностью сделать настоящее заявление...»

Нота завершалась обещанием сохранения status quo в Святой Земле и предоставления русским консульствам в Сирии и Палестине прав особого надзора над благотворительными учреждениями, предназначенными для русских паломников. Нессельроде считал этот документ вполне приемлемым, несмотря на то, что *«проект не вполне отвечает последним столь умеренным требованиям князя Меншикова...»*

Барон Мейендорф докладывал, что нота позволит создать условия для мирного выхода из кризиса. Николай I сомневался в том, что это произойдет, и ожидал подвоха со стороны европейской дипломатии. Тем не менее русское правительство согласилось принять документ при условии, что в него не будет внесено изменений. Опасения императора оказались вполне обоснованными. Турция, побуждаемая Каннингом, потребовала весьма существенных перемен в тексте, подчеркивавших миролюбие и веротерпимость султанского правительства в отношении собственных подданных.

Достаточно отметить, что в начале документа предлагалась следующая фраза: *«Если во все времена императоры России свидетельствовали о своей деятельной заботливости о культе греческой православной церкви, то султаны никогда не переставали охранять права и привилегии, которые они даровали в разное время этому культу и этой церкви в Османской Империи, и не переставали освящать их новыми торжественными актами...»* Вслед за этим следовала редакция текста, исключавшая ссылку на права России, основанные на предыдущих русско-турецких договорах.

В Петербурге совершенно верно истолковали результаты работы, проведенной Каннингом с турецкими дипломатами. *«Исключение и добавление*

слов, — отметил Нессельроде, — *введенных сюда с подчеркнутой щепетильностью, имеют явную цель отменить Кайнарджийский трактат, делая вид, будто они его подтверждают»*. Представители Англии, Франции и Австрии сделали вид, что ничего не случилось. По их мнению, правки были малозначительными. Николай I считал недопустимым согласиться на изменение документа после его принятия. 26 августа (7 сентября) русский канцлер известил страны, отправившие редакцию ноты, что Россия ожидала проявления требовательности не только по отношению к ней, но и к Турции, и не позволит ставить ее таким образом перед свершившимся фактом.

В Турции росла убежденность в поддержке со стороны Англии и Франции, а вместе с ней и воинственные настроения. На чрезвычайном заседании дивана, собранном 14 (26) сентября, 172 его участника высказалось за объявление войны России. Перед обсуждением великий визирь заявил в присутствии султана, что в случае, если большинство выскажется за мир, а не за войну, он немедленно подаст в отставку. После этого Решид-паша превратился в народного героя, за здоровье которого возносились публичные молитвы. В тот же день Абдул-Меджид выдвинул ультиматум, требуя очистить Дунайские княжества.

26 сентября (8 октября) турецкий главнокомандующий Омер-паша отправил письмо на имя русского главнокомандующего, требуя в 15 дней вывести войска из княжеств. Через два дня генерал-адъютант князь М. Д. Горчаков в своем ответе сослался на отсутствие у него полномочий для переговоров или подобного рода решений. Последовал разрыв русско-турецких отношений. Турция объявила войну России.

В сентябре 1853 г., надеясь еще на поддержку со стороны Франца-Иосифа, Николай I, сопровождаемый Нессельроде, отправился на маневры австрийской армии в Ольмюц. Результатом встречи двух императоров и совещаний сопровождавших их канцлеров стала австрийская нота,

излагавшая позицию России. Дипломатическим представителям держав в Константинополе предлагалось сделать заявление о том, что принятие Венской ноты в неизменном варианте не ущемляет суверенных прав султана, а Россия не стремится к вмешательству во внутренние дела Порты. Австрия гарантировала свой нейтралитет на случай русско-турецкой войны. По завершению маневров в Варшаву на встречу с Николаем I приехали Франц-Иосиф и Фридрих-Вильгельм IV. После этого император всероссийский посетил резиденцию короля Прусского в Сан-Суси, где его ждало разочарование. Берлин отказался присоединиться к ольмюцкой ноте, а Англия и Франция не приняли ее условия. 8 (20) октября их представители в Константинополе отдали приказ о переходе своих эскадр из Безикской бухты в Босфор, что и было выполнено 27 октября (8 ноября) 1853 г.

20 октября (1 ноября) 1853 г. Николай I подписал Манифест «О войне с Оттоманской Портою». В нем говорилось о том, что Россия не хотела этой войны и пыталась избежать ее, действуя вме-

сте с другими европейскими державами. *«Ожидания Наши не оправдались, — заявлял император. — Тщетно даже главные Европейские Державы старались своими увещаниями поколебать закоренелое упорство Турецкого Правительства. На миролюбивые усилия Европы, на Наше долготерпение, оно ответствовало объявлением войны и прокламацией, исполненной изветов против России. Наконец, приняв мятежников всех стран в рядах своих войск, Порта открыла уже военные действия на Дунае. Россия вызвана на брань: ей остается, — возложив упование на Бога, — прибегнуть к силе оружия, дабы побудить Порту к соблюдению трактатов и к удовлетворению за те оскорбления, коими отвечала она на самые умеренные Наши требования и на законную заботливость Нашу о защите на Востоке Православной Веры, исповедуемой и народом Русским!»*

Началась война. *«Как и когда она кончится, — отметил 22 октября (3 ноября) Николай I, — знает один Бог милосердный. Будем ли иметь дело с одними турками или встретимся с англичанами и французами. Как бы ни было, пойдем своим путем, готовы на всё, и не отступим».*

Крымская война как война с Турцией. Первые столкновения на море и суше

Крымская война поначалу, с октября 1853 г. по апрель 1854 г., ничем не отличалась от обычной уже практики русско-турецких войн. Она традиционно велась в Закавказье, на Дунае и в Черном море. Первые столкновения были неудачными для русской армии. В частности, начало военных действий оказалось полностью неожиданным для Наместника Кавказа ген. князя М. С. Воронцова. В результате в начале войны инициатива в Закавказье принадлежала противнику — русские части были растянуты «в ниточку» по границам и постам. По немногочисленным гарнизонам русской Черноморской береговой линии — по побережью Предкавказья, Кавказа и Закавказья — находилось 25 отдельных укреплений и фортов. Противник решил воспользоваться разбросанностью наших сил еще до того, как была объявлена война.

Уже в июне со стороны турецкой Аджарии начались набеги, что вызвало необходимость подтянуть к границе воинские части. Пограничное пространство от Ахалкалаки до Александрополя (совр. Гюмри, Армения), где находились богатые села духоборов-переселенцев и армянские деревни, давно было лакомой приманкой для башибузуков. Уже с конца августа курды и турки начали тревожить эти села набегами, похищать скот и людей. Деревни христиан у границы стали пустеть, они отходили ближе к крепостям и в крупные поселения.

В октябре, когда немногочисленные русские посты были оттянуты к крепо-

стям, действия противника стали активнее. В ночь с 15 на 16 (с 27 на 28) октября 1853 г. около пяти тысяч турок атаковали укрепление 2-го разряда — пост Св. Николая на русско-турецкой границе, где стояло две неполных роты с двумя орудиями. После 9-часового героического сопротивления пост был взят, оставшиеся в живых, в том числе священник, женщины и дети, были зверски замучены, чиновник таможенного карантина распят и расстрелян.

31 октября (12 ноября) турки силами около 30 тыс. регулярной пехоты и кавалерии при 40 орудиях перешли через русскую границу и захватили селение Баяндур, где устроили резню. Сопротивление им оказало местное армянское население во главе со священником. Прибывшие русские войска прикрывали отступление местных жителей и понесли значительные потери — 77 казаков было ранено и убито. По приказу генерала князя В. О. Бебутова 2(14) ноября турок атаковал отряд генерал-майора князя И. Д. Орбелиани. Имея шесть тысяч человек при 28 орудиях, Орбелиани разгромил турок. Потеряв около 1 тыс. чел. убитыми, противник откатился назад. Русские потери равнялись 125 убитыми и 300 ранеными, в основном от артиллерийского огня. Орбелиани излишне долго держал войска под огнем противника, прежде чем решиться на атаку. Бебутов и Орбелиани действовали по собственной инициативе, так как Манифест об объявлении войны был получен русскими властями в Закавказье только 6 (18) ноября.

Русский план войны с Турцией делился на пять этапов:

- переправа через Дунай;
- осада крепости Силистрия;
- утверждение в северной части Болгарии, осада и взятие Варны;
- переход через Балканы;
- движение к Адрианополю и Константинополю;
- овладение частью Анатолии по Босфору и Дарданеллам.

Предусматривалось тесное взаимодействие армии и флота, ввиду чего великий князь Константин Николаевич предложил сохранить и возможность высадки десанта на Босфоре. Последнее предложение не было принято императором. Полное уничтожение Османской империи не входило в планы Николая I, и он не хотел обострять обстановку в районе турецкой столицы, что, кстати, могло вызвать и вмешательство других государств в русско-турецкую войну. Их эскадры с 27 октября (8 ноября) уже стояли на Босфоре.

Без десанта перспектива быстрого достижения успеха на основном театре войны была весьма сомнительной. На Балканах к началу войны турки имели до 130 тыс. чел., из которых 30 тыс. под командованием Омер-паши стояли в Шумле, 30 тыс. — в Адрианополе, а остальные войска были рассредоточены по правому берегу Дуная от Виддина до устья реки. Примерно половина этих сил состояла из регулярной армии (низама), остальные части были представлены ополчением (редифом) и иррегулярными отрядами башибузуков.

21 октября (2 ноября) 1853 г. турки перешли через Дунай у Туртукая и заняли Ольгеницу — карантинное укрепление в 50 верстах от Бухареста. 23 октября (4 ноября) шеститысячный русский отряд атаковал турок в этом укреплении. Атака

была рассчитана на взятие Ольгеницы под вечер, так как удержать ее днем под огнем турецкой артиллерии с противоположного высокого берега Дуная было бы невозможно. Штурм имел успех, но в последний момент, когда противник начал уже свозить свою артиллерию к переправе, был дан отбой, и войска возвратились назад, потеряв при этом 236 чел. убитыми и 725 ранеными. Относительно велики были потери среди офицеров: пять обер-офицеров было убито, девять штаб-офицеров и 30 обер-офицеров ранено. После боя последовало высочайшее разрешение офицерам носить шинели под цвет и форму солдатских, только с галунными погонами.

Не доведенная до логического конца операция превратилась в победу противника, о которой немедленно раструбила европейская пресса, видевшая Омера уже вступающим в Бухарест. Впрочем, ничего подобного не произошло, турки сами понесли немалые потери и не желали более рисковать. 31 октября (12 ноября) они сожгли карантин и вернулись на правый берег Дуная, уничтожив переправу. Успехи противника ограничились этими незначительными делами.

Русский Черноморский флот накануне войны насчитывал: три 120-пушечных и 11 84-пушечных линейных кораблей; восемь фрегатов; четыре корвета; 14 пароходов — всего 55 судов, которые могли перевезти до 30 тыс. чел. десанта в один рейс. Перед войной планировали разобрать часть ветхих судов, переделать два линейных корабля в винтовые и заложить еще два винтовых линкора. От строительных планов пришлось отказаться с началом военных действий.

Турецкий флот имел в своем составе 78 судов, которые имели около 3 тыс. орудий на борту: один 130-пушечный, один 120-пушечный, три 84-пушечных линейных корабля; один 70-пушечный, шесть 60- и 44-пушечных фрегатов; два 22-пушечных корвета; шесть 18-пушечных бригов; семь 20-пушечных фрегатов, один винтовой пароход, пять пароходо-фрегатов, 10 пароходов разной величины, 16 шхун, тендеров и транспортов.

Сражение при Ольтенице. 4 ноября 1853 г.

С 1833 г. резко выросло качество кораблей, экипажей и артиллерии, но способности командиров оставались стабильно низкими. И по количеству, и по качеству превосходство было на стороне Черноморского флота.

8 (20) октября эскадра Нахимова получила приказ выйти в крейсерство в поиск противника между Крымом и турецким побережьем. Утром 11 (23) октября четыре линейных корабля, один фрегат и один бриг вышли в море. Перед их уходом в Севастополе были получены неофициальные сведения о том, что турецким судам было приказано атаковать после 9 (21) октября русских, если они встретятся им в меньших силах, и что в Батум из Константинополя было послано три пароходо-фрегата. Нахимову поначалу запрещалось начинать военные действия первым. 18 (30) октября, уже находясь в плавании, он вновь получил переданный через вице-адмирала В. А. Корнилова высочайший приказ временно воздержаться от атак. *«Нечего делать, будем ждать у моря погоды»*, — отреагировал на эту новость Нахимов.

В Черное море была отправлена и турецкая эскадра, состоявшая из семи фрегатов, двух корветов, двух пароходов и двух транспортов. Перед ней ставились в основном крейсерские задачи и прежде всего — вблизи побережья Кавказа. Существовала опасность повторения высадки неприятельского десанта в Абхазии, на этот раз в Сухуме. Используя преимущество в ходе, турецкие суда могли легко избежать столкновения с русскими линейными кораблями, а в случае необходимости — укрыться под прикрытием береговых батарей. Именно это и сделал турецкий адмирал Осман-паша, введя свои корабли в укрепленную гавань гор. Синоп.

23 октября (4 ноября), получив известие о переправе турок у Ольтеницы, генерал-адъютант князь А. С. Меншиков разрешил Нахимову начать военные действия на море. 1 (13) ноября пароход «Бессарабия», сопровождаемый фрегатом «Коварна», подошел к эскадре. По причине плохой погоды новость была передана семафором. Нахимов известил эскадру: *«Война объявлена, турецкий флот вышел в море, отслужить молебен и поздравить команду»*.

Алексей Боголюбов. Ночное нападение на 44-пушечный фрегат «Флора» с 5 на 6 ноября 1853 года. 1857

5 (17) ноября произошло первое морское сражение этой войны и первый в истории бой парусов. 11-пушечный русский пароходо-фрегат «Владимир» под командованием капитана 2-го ранга Г. И. Бутакова, находясь в крейсерском плавании в районе Босфора, атаковал турецко-египетский 10-пушечный пароход «Перваз-Бахри». После более чем трехчасового боя турки сдались, корабль был полностью разгромлен, однако его машины не пострадали, а гребные колеса вполне могли действовать. Захваченный корабль был взят на буксир «Владимиром» и 7 (19) ноября приведен в качестве трофея в Севастополь. 9 (21) ноября русский парусный фрегат «Флора» был атакован тремя турецкими пароходо-фрегатами, которым не удалось использовать свое преимущество. Противнику пришлось отступить.

8 (20) ноября корабли Нахимова попали в сильный шторм, и он был вынужден отправить в Севастополь для ремонта два линейных корабля, фрегат и пароход, направленный ему незадолго до этого. В результате в эскадре осталось только лишь три линкора. С этими

силами 11 (23) ноября Нахимов блокировал турок в Синопе и остался в море, ожидая прихода подкрепления. 12 (24) ноября из Севастополя вышла эскадра контр-адмирала Ф. М. Новосильского — три линейных корабля и фрегат. При выходе в море напротив Херсонесского маяка по приказу Корнилова был поднят сигнал: *«Государь Император ожидает победы, а Россия всегдашней славы своего оружия»*. Эскадра ответила единодушным *«Ура!»* 16 (28) ноября эти корабли соединились с эскадрой Нахимова. В тот же день прибыл и еще один фрегат — с письмом от Меншикова. Тот сообщал вице-адмиралу о нежелательности атак портовых городов для того, чтобы избежать негативной реакции Англии и Франции. С другой стороны, уничтожение эскадры Осман-паши было также необходимо, так как ее успех под Сухумом мог поставить под угрозу русский контроль над Абхазией. Колебания Меншикова были легко объяснимы. Николай I со дня на день ожидал разрыва с Парижем и Лондоном и считал, что *«крайняя осторожность необходима, чтобы быть готовыми на всё»*.

Вне зависимости от инструкций, логика военных действий исключала возможность учета внешнеполитических нюансов. 18 (30) ноября 1853 г. русская эскадра одержала решительную победу в Синопской бухте. Имея шесть линейных кораблей и два фрегата с всего 788 орудиями, Нахимов атаковал своими линкорами турецкие суда, имевшие 474 орудия. Преимущество русских в артиллерии компенсировались наличием у турок шести береговых батарей с 38 орудиями, часть из которых имела возможность стрелять калеными ядрами. Всё это, как казалось, исключало возможность атаки с моря. Кроме того, русские корабли проигрывали во времени: они должны были войти в бухту и встать на якорь под огнем противника. Приказ Нахимова заканчивался словами: *«Государь император и Россия ожидает славных подвигов от Черноморского флота. От вас зависит оправдать ожидания»*.

Команды русского флота действовали, как на учениях, — слаженно, дисциплинированно, эффективно. В течение трехчасового боя эскадра Осман-паши была

разбита, сам он попал в плен. Уничтожен был и фрегат «Фазли-Аллах» (бывший русский «Рафаил» — единственный русский корабль, захваченный турками летом 1829 г.). По приказу Николая I от 4 (16) июня 1829 г. корабль этот, в случае если его отобьют от противника, должен был быть предан огню, что и было исполнено в Синопе. Уничтожения избежал всего лишь один пароходно-фрегат «Таиф», которым командовал английский советник контр-адмирал А. Слейд, который накануне рекомендовал Осман-паше избежать боя. Этот 20-пушечный корабль в самом начале боя покинул место сражения и направился в Константинополь. Используя превосходство пара над парусом, «Таиф» ушел от погони наблюдавших за входом в гавань фрегатов «Кулевча» и «Кагул». Не смогли догнать его и пришедшие к Синопу с опозданием из-за плохой погоды русские пароходы.

Потери на кораблях противника составили 2700 чел. (из 4200 чел. экипажа). Вместе с турецкой эскадрой погиб и десант, общие потери турок равнялись приблизительно 4000 чел.

Алексей Боголюбов. Бой пароходно-фрегата «Владимир» с турецко-египетским военным пароходом «Перваз-Бахри» 5 ноября 1853 года. 1850-е

Алексей Боголюбов. Бой 44-пушечного фрегата «Флора» с тремя турецкими пароходами у мыса Пицунда 9 ноября 1854 года. 1854

Русская эскадра потерь в корабельном составе не имела, на кораблях погибло 37 и было ранено 233 чел. Тем не менее потери, которые понесли русские суда от артиллерийского огня противника, были достаточно велики. Особенно пострадали флагман «Императрица Мария» и «Три Святителя». Только 20 ноября (2 декабря), после проведения необходимых ремонтных работ, эскадра в состоянии была покинуть рейд Синопа. При этом повреждения в парусном вооружении были столь значительными, что четыре линейных корабля: «Императрица Мария», «Три Святителя», «Ростислав» и «Великий Князь Константин» отправились в Севастополь буксируемые пароходами. Там их ждал торжественный прием — весь город вышел встречать эскадру.

Неудачи преследовали турецкую армию. Ее попытки перейти в наступление провалились везде. В Закавказье русские силы были чрезвычайно немногочисленны: две пехотные дивизии, одна Кавказская гренадерская бригада (всего 25 батальонов), драгунский полк (10 эскадронов), 21 казачья сотня, 78,5 сотен

местной милиции и 62 орудия. Немногочисленные войска не могли прикрыть ни сложной протяженной границы, ни основных пунктов опоры и снабжения. Александропольская крепость, служившая главным центром снабжения армии, была заложена в 1829 г. и не была вооружена полностью. На ее верхах стояло 120 орудий, что было на 100 меньше требуемого по проекту. Гарнизон составлял всего один батальон.

Всего этого было мало, особенно для выполнения задач, поставленных перед наместником Николаем I. Император изложил их в письме от 6 (18) октября 1853 г.: *«Не зная, как ты распределил войска, полагаю, со своей стороны, что ты не пренебрег составить отряд для прикрытия Риона, дабы всякая попытка от стороны Батума, где, как слышно, у турок большие силы, могла встретить должный отпор и тем уничтожить всякую попытку возмутить Абхазию. Думаю, что это необходимо, признав эту сторону нашей границы за слабейшую, ибо ни Николаевский редут, ни Потин не суть преграды предприимчивому неприятелю. За сим, выждав первые нападения ту-*

рок, желаю я, чтобы ты непременно перешел в наступление, направляясь на Карс, и овладел оным, равно как и Ардаганом (разр. авт. — А.О.). Можно надеяться, что, ежели турки осмелятся встретить тебя в поле, ты их разобьешь; за сим покорение Карса и Ардагана, кажется, не может быть труднее, чем было в 1829 г.». Выполнить удалось только первую часть поставленной перед ним задачи.

14 (26) ноября турецкая армия — восемь тысяч регулярной пехоты, три тысячи кавалерии и семь тысяч пешего и конного ополчения при 13 орудиях — была разбита под Ахалцихом семитысячным отрядом генерал-лейтенанта князя И. М. Андронникова. Трофеями русских войск стали 11 орудий, пять знамен, 18 значков, 42 бочонка пороха, 160 тыс. ружейных патронов, большие запасы продовольствия, весь турецкий лагерь. Это было только начало. *«Имею счастье опять поздравить Ваше*

Императорское Величество с победою, одержанною 19 ноября над турками, на правом берегу Арпачая, — доложил 24 ноября (6 декабря) 1853 г. императору М. С. Воронцову, — храбрými войсками Вашего Величества, под начальством ген. — л. кн. Бебутова. Главный турецкий корпус, под предводительством сераскира Абди-паши, отступивший в ночь с 13 на 14 ноября от Баяндур к Карсу, и опять занявший сильную позицию у Башкадыкляра, был разбит на голову, причем взято 24 орудия, много знамен и весь лагерь». Башкадыклар — позиция неподалеку от Карса, где 19 ноября (1 декабря) 1853 г. турецкая Анатолийская армия — 20 тыс. регулярной пехоты, 3000 регулярной кавалерии, 14 тыс. курдов и племенных ополченцев при 46 орудиях — была разгромлена войсками Кавказского корпуса (семь тыс. пехоты, 2800 кавалерии при 32 орудиях) под командованием генерал-лейтенанта кн. В. О. Бебутова.

Иван Айвазовский. Синопский бой. 1853

Турки были уверены в своей победе — перед началом сражения паша приказал заготовить веревки, чтобы вязать пленных. В результате боя они потеряли два лагеря, 24 орудия и огромное количество холодного и огнестрельного оружия и боеприпасов, свыше шести тыс. чел. убитыми и ранеными. Русские потери убитыми составили 317 чел., ранеными и контуженными — 977 чел. Остатки разбитой армии бежали в Карс, иррегулярные отряды добрались туда первыми и устроили грабеж. Вообще, курды активного участия в бое не приняли и грабили даже бегущих с поля турок. Для подкрепления гарнизона, стабилизации положения на подступах к этой важнейшей крепости, а также восстановления порядка в ней турки были вынуждены срочно стянуть в город около 12 тыс. чел., собрав к концу декабря 1853 г. около 25 тыс. чел при 30 орудиях. После осенней кампании турецкая армия была уже не способна к активным действиям в Закавказье в период зимы 1853–1854 гг. Ни регулярные части турок, ни курды, ни башибузуки не осмелились потревожить русскую границу. Неудивительно, что известия о победе вызывали в тылу бурную радость — жители Тифлиса собирались у дома наместника, чтобы продемонстрировать ее.

Опасность действительно была велика. Турецкие части отнюдь не были слабыми. *«Турецкая армия, — писал через 10 дней после сражения капитан Р. А. Фадеев, — совершенно противно тому, как нам ее описывали, была в отличном состоянии, никак не хуже прусской или австрийской: хорошо обученное, отлично обмундированное и храброе войско, под начальством знающих и решительных офицеров».* Анатолийская армия, вспоминал один из офицеров, воевавших с ней, *«была бесспорно лучшая из всех турецких войск, дравшихся против нас на Дунае и в Крыму. В состав ее вошли исключительно лишь полки, участвовавшие в непрерывных экспедициях про-*

тиву курдов, лазов и других воинственных племен, обитающих в Турции. Сверх того, она была усилена еще гвардейскими полками, составленными из людей самого воинственного племени — арабистанцев. Пехота их была довольно стойкая и все движения исполняла правильно и отчетливо, даже под огнем наших орудий. Артиллерия их была тоже далеко не плоха». Регулярная кавалерия не отличалась качеством, но этот недостаток полностью компенсировался наличием прекрасной иррегулярной конницы. Победа была достигнута исключительно благодаря высоким боевым качествам и спайке кавказских войск. Офицеры Действующего Корпуса поднесли после сражения Бебутову серебряную чернильницу с надписью: *«Хвала и честь тебе, герой, за твое доверие к войскам, а войска оправдали твое доверие».* Однако даже этих блестящих качеств было недостаточно для продолжения кампании и выполнения планов императора относительно Карса.

Из-за неподготовленности интендантской части, отсутствия тяжелой артиллерии и инженерных средств Бебутов после Башкадыклара решил не углубляться на территорию противника и вернуться в Александрополь. Даже энергичное преследование было невозможно: войска были измучены боем, к тому же на следующий день выпал обильный снег. Кроме того, часть своих немногочисленных войск генерал должен был выделить для охраны каравана с ранеными, пленными и трофеями. Оставшихся сил было совершенно недостаточно для развития успеха. *«С шестью батальонами я ходил в 1846 г. против Шамиля и расколотил его, — писал генерал брату 17 (29) января 1854 г., — а теперь стара шутка: в настоящую войну нельзя рисковать. Карс приведен в лучшее оборонительное состояние, фельдмаршал (имеется в виду И. Ф. Паскевич — А. О.) весьма основательно изволил рассуждать, что в три дня этой крепости взять невозможно, да и нечем было приступить к осаде оной, ибо ни войск, ни снарядов не имелось».*

КАРТА
ДЛЯ ОБЪЯСНЕНИЯ ДЕЙСТВИЙ РУССКИХ ВОЙСКЪ ВЪ ВОСТОЧНУЮ ВОЙНУ
1853-1856 ГОДОВЪ

Карта Кавказского театра военных действий в ходе Крымской войны 1853–1856 годов

A CONSULTATION ABOUT THE STATE OF TURKEY.

Война с Турцией перерастает в войну с Англией и Францией

Следующий раз после Закавказья наступление противника было отражено уже на Дунае. 21 ноября (2 декабря) 1853 г. М. Д. Горчаков изложил свои планы на кампанию следующего года. Он ожидал, что турки сосредоточат здесь от 120 до 150 тыс. чел. и, кроме того, что союзники высадят десант у Константинополя, чтобы сорвать возможное движение русских войск на столицу Османской империи, или у Варны, чтобы не допустить перехода ими Балкан.

Потеря господства на Черном море была безусловной, что требовало перехода через Дунай и удара по туркам. Для начала осуществления этих планов Горчаков считал необходимым очистить от неприятеля Малую Валахию. Разумеется, что для осуществления этих планов необходимо было укрепить незначительные силы, действовавшие в этом районе, и начать сосредоточение всего необходимого для строительства переправы в районе Галаца. Противник тем временем не стоял на месте. Его кавалерия несколько раз пыталась атаковать русские посты, но без особого успеха.

В ночь на 25 декабря 1853 г. (6 января 1854 г.) 18-тысячная турецкая армия при 18 орудиях атаковала в Малой Валахии изолированный русский пост в Четати, в котором находился Тобольский полк — всего две с половиной тысячи солдат с шестью орудиями под командованием полковника А. К. Баумгартена, — и после многочасового боя атака была отражена. Бой носил исключительно упорный характер, и от поражения тобольцев в са-

мый критический момент спас подошедший на помощь Одесский полк, который привел по собственной инициативе генерал-майор К. А. Бельгард. В результате его действий резко ослабел натиск турецкой пехоты в решающий момент атаки. Баумгартен признался, что если бы не поддержка, через полчаса Тобольский полк был бы уничтожен. Об интенсивности боя можно судить по тому, что шинель Бельгарда была пробита пулями в 11 местах. Подкрепление увеличило русские силы до четырех тысяч человек. Турки потеряли около трех тыс. чел и шесть орудий, русские — 22 офицера и 813 солдат убитыми и одного генерала, 32 офицера и 1161 солдата ранеными. Значительные потери в русском отряде — около 50%, которые в основном пришлось на Тобольский полк, — чуть было не привели его к гибели, но катастрофы удалось избежать.

Все эти новости никак не настраивали европейских политиков на положительный лад. Более того, они ставили под вопрос перспективы удачного самостоятельного ведения войны Турцией. Но наибольшее раздражение вызвала новость о разгроме турецкого флота. Первое известие о Синопе было получено в турецкой столице 2 декабря 1853 г., когда «Таиф» прошел через Босфор к Константинополю. Вице-адмирал Дж. Дондас — командующий британской эскадрой — предложил немедленно выйти в Черное море для перехвата и уничтожения русской эскадры. Стратфорд Каннинг поначалу согласился, но потом передумал, приняв предложение французского посла

генерала А. Барагэ д'Илье для начала выслать несколько пароходов для разведки обстановки на море и уточнения последствий сражения в Синопе. Оба дипломата не решались санкционировать применение силы без объявления войны. В конце концов Стратфорд заявил, что она станет возможной только в случае русского десанта в районе проливов.

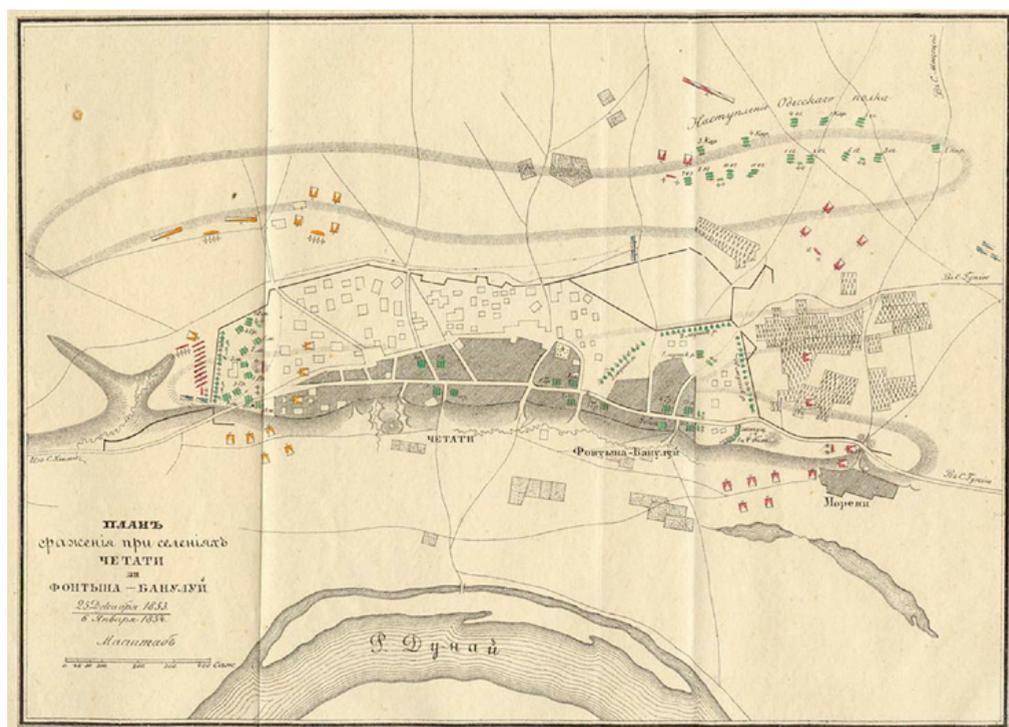
Тем временем поражения армии султана и особенно разгром турецкого флота вызвали настоящий взрыв возмущения в Париже и Лондоне. Раздражение британского общественного мнения было тем более сильным, что русский успех был одержан на море: как отмечал саксонский посол в Лондоне, *«национальное тщеславие этих современных венецианцев ничем так не раздражается, как морскими битвами»*. Активно выступил и император французов, немедленно призвавший королеву Викторию к вводу союзных эс-

кадр в Черное море для нейтрализации действий русского флота. Негодование общественного мнения и правительств Франции и Англии усиливалось тем, что туркам было нанесено поражение на море буквально под носом у англо-французской эскадры, стоявшей на Босфоре для того, чтобы выполнить обязательство, данное туркам: *«Защитать Константинополь, либо всякую другую местность Турции, как в Европе, так и в Азии, подверженную нападению»*.

Естественно, что это негодование искусно дирижировалось. В просвещенной Европе тогда сочувствовали только туркам. Французская и английская печать единодушно назвали русскую победу *«резней в Синопе»*. Естественно, что резня на посту Св. Николая не вызвала никакого возмущения в европейских газетах. Более того, ее объявили «боевым подвигом» турецких войск. Тот очевидный факт, что шла война, и в действиях Черноморского

Василий Максудов. Сражение при Четати 25 декабря 1853 года. 1861

План сражения при селениях Четати и Фонтына-Булулуй 25 декабря 1853 года. 1861

флота не было ничего, противоречившего ее обычаям и законам, никем не брался в рассмотрение. Россия вынуждена была расплачиваться в том числе и за политику умолчания многолетнего воспитания европейской и в первую очередь англо-французской прессой русофобских настроений у своего читателя. 7 (19) декабря 1853 г. М. П. Погодин подал на высочайшее имя записку, в которой, в частности, говорилось о Европе следующее: *«На месте закона они видят везде произвол. Наше молчание, глубокое, могильное, утверждает их в нелепых мнениях. Они не могут понять, чтоб можно было такие капитальные обвинения оставлять без возражения, и потому считают их положительными и истинными. Как же Вы хотите, чтобы мы нашли себе у этой категории сочувствие? Чему может она сочувствовать? Вот вред, происшедший от нашего пренебрежения общим мнением! Мы имели бы многих на своей стороне, если бы старались не только быть, но и казаться правыми»*. В ответ на этот пассаж император собственноручно написал: *«Величественное молчание на общий лай*

приличнее сильной державе, чем журнальная перебранка».

В ночь с 3 на 4 января 1854 г. англо-французская эскадра: 18 линейных кораблей, фрегат и 12 пароходов — вошла в Черное море. На следующий день под ее прикрытием из Босфора вышли пять турецких пароходов, взяв курс на Батум и Трапезунд. Они везли 1000 солдат и 500 бочек с порохом. Всего в Черном море находилось 37 британских судов с 1329 орудиями и 26 французских — с 1120 орудиями. Поначалу задача союзного флота ограничивалась крейсерованием: атака Севастополя с моря исключалась его командованием вообще по причине неприступности береговых укреплений крепости.

25 декабря 1853 г. (6 января 1854 г.) к Севастополю подошел английский пароход «Ретрибьюшн». Формально целью его визита было известие о вводе союзников в Черное море, на самом деле это была рекогносцировка морского фронта русской базы. Пароход под прикрытием тумана подошел к Николаевской батарее,

где был остановлен холостым выстрелом. Войти на внутренний рейд ему не дали, сославшись на необходимость соблюдения двухнедельного карантина. Капитан не захотел выдерживать его, но и не торопился с уходом.

Сдав депешу с известием о выходе англо-французской эскадры из Босфора и обменявшись салютами, «Ретрибьюшн» ушел в море после того, как его офицеры сделали съемку батарей и фортов. Докладывая о случившемся Паскевичу, Меншиков писал: *«Численный перевес дружественных туркам флотов слишком значителен, чтобы позволить нам дать генеральное сражение в открытом море, но если они намерены атаковать нас здесь, мы совершенно готовы принять их и исполнены желания сразиться с ними»*. Основные черты будущей кампании были изложены четко. Со своей стороны, союзники были уверены: при условии быстрых и энергичных действий достаточно будет относительно небольшого десанта — около 25 тыс. чел. — чтобы Севастополь пал.

Тем временем Порты приняла предложения, сделанные ей 13 января 1854 г. от лица Парижа, Лондона, Вены и Берлина, и заявила о своей готовности пойти на мирные переговоры при посредничестве Великих держав при соблюдении четырех основных условий: 1) немедленная эвакуация Дунайских Княжеств; 2) восстановление положений русско-турецких договоров; 3) сохранение привилегий христианам на основе гарантий, данных Россией и другими державами; 4) принятие русских предложений относительно Храма Господня. Буоль активно убеждал Петербург принять эти условия и даже, демонстрируя свою «верность» русскому союзнику, пошел столь далеко, что 17 января 1854 г. заявил протест относительно ввода англо-французской эскадры в Черное море. В Париже и Лондоне сразу верно оценили австрийский демарш и не придали ему особого значения.

В Константинополе полным ходом шла подготовка укреплений и армии на случай русской атаки. 15 января 1854 г. Барагэ д'Илье докладывал маршалу Сент-

Арно о том, что французские инженеры полностью обеспечили оборону Босфора и подступов к турецкой столице со стороны Балкан. Прибытие экспедиционных войск обеспечивало этот укрепленный лагерь необходимого качества гарнизона (уровень подготовки турецких войск оставался еще невысоким). В общем, в Париже могли уже не опасаться за судьбу проливов. Это немедленно отразилось на тональности переписки с Петербургом.

«Синопское происшествие, — писал 29 января 1854 г. Наполеон III Николаю I, — было для нас и оскорбительно, и неожиданно. Не важно то, хотели ли турки или нет перевезти военные запасы на русские берега (выделено мною — А.О.). Дело в том, что русские корабли напали в водах Турции на суда турецкие, стоявшие спокойно в турецком порте. Они истребили их, несмотря на обещание не вести войны наступательной, несмотря на близость наших эскадр. В этом случае оскорбление нанесено было не политике нашей, а нашей военной чести. Пушечные выстрелы Синопа грустно отозвались в сердцах всех тех, кто в Англии и во Франции живо чувствуют национальное достоинство. Воскликнули единогласно: «Союзники наши должны быть уважаемы везде, куда могут достигнуть наши выстрелы!» Посему дано было нашим эскадрам предписание войти в Черное море и, если нужно, силою препятствовать повторению подобного события. Посему послано было Санкт-Петербургскому Кабинету общее объявление с извещением его, что если мы станем препятствовать туркам к перенесению наступательной войны на берега, принадлежащие России, то будем покровительствовать снабжению их войск на их собственной земле. *«Что же касается русского флота, то, препятствуя ему в плавании по Черному морю, мы поставляем его в иное положение, ибо надлежало на время продолжения войны сохранить залог равносильный владениям турецким, занятым русскими, и облегчить таким образом заключением мира, имея способ к обоюдному обмену»*.

Мирный выход из кризиса, по мнению императора французов, предполагал вывод русских войск из Дунайских княжеств, последующий вывод союзных

флотов из Черного моря, и обсуждение русско-турецкого соглашения на конференции четырех Великих держав. Лондон и Париж уже приняли решение вмешаться в русско-турецкую войну и именно поэтому нуждались в каком-либо, пусть и демагогическом, моральном обосновании своих будущих действий. Шовинистические настроения в Англии и Франции достигли высокого накала, противники войны были в явном меньшинстве, к тому же их упрекали в том, что они были подкуплены Петербургом. Военные приготовления и расходы на них были единодушно и почти без дебатов поддержаны парламентом. *«Для чего же они хотят войны? — писал в это время Погодин. — Для того, чтобы поддержать Турцию, как говорят они, — это есть нелепость. Их посланники, их путешественники, их ученые представляли им в продолжение последних даже двадцати лет множество доказательств, что Турция умирает и что оживить ее нет никаких человеческих средств. Следовательно, стремление поддержать Турцию есть предлог, но отнюдь не цель. Они хотят войны, чтобы унижить Россию и ослабить ее влияние на востоке».*

28 января (9 февраля) 1854 г. Николай I ответил следующими словами на письмо императора французов *«<...> По Моему мнению, если б Франция и Англия желали мира, как Я, им следовало, во что бы то ни стало препятствовать сему объявлению войны (Турцией — А.О.), или, когда война была уже объявлена, употребить старания, чтобы она ограничилась тесными пределами, которыми Я хотел оградить ее на Дунае, чтоб Я не был насильно выведен из чисто оборонительной системы, которую желал сохранять. Но с той поры, как позволили туркам напасть на азиатские наши границы, захватить один из пограничных постов (даже до срока, назначенного для открытия военных действий), обложить Ахалцих и опустошить Армянскую Область, с тех пор, как дали турецкому флагу свободу перевозить на наши берега войска, оружие и снаряды, можно ли было, по здравому смыслу, надеяться, что мы спокойно будем ожидать последствий таких покушений? Не следовало ли предполагать, что мы употребим*

все средства для воспрепятствованию этому? Затем случилось синопское дело. Оно было неминуемым последствием положения, принятого, обеими державами (то есть Францией и Англией — А.О.), конечно, не могло им показаться непредвиденным. <...> Я узнал от Вас впервые (ибо в словесных объявлениях, сделанных Мне здесь, этого сказано не было), что, покровительствуя снабжению припасами турецких войск на собственной их земле, обе державы решились препятствовать нашему плаванью по Черному морю, то есть вероятно, снабжению припасами собственных наших берегов. Предоставляю на суд Вашего Величества, облегчается ли этим, как Вы говорите, заключение мира, и дозволено ли Мне при этом выборе одного из двух предложений не только рассуждать, но и помыслить на одно мгновение о Ваших предложениях перемирия, о немедленном оставлении Княжеств и о вступлении в переговоры с Портою для заключения конвенции, которая потом была бы представлена конференции четырех держав. Сами Вы, Государь, если б Вы были на Моем месте, неужели согласились бы принять такое положение? Могло ли бы чувство народной чести Вам то позволить? Смело отвечаю: нет! Итак, дайте мне право мыслить, как Вы. На что бы Ваше Величество не решились, Я не отступлю ни пред какою угрозою. Доверяю Богу и Моему праву, и Россия, ручаюсь в том, явится в 1854 г. такую же, как была в 1812-м.

Если, при всем том, Ваше Величество с меньшим равнодушием к Моей чести возвратитесь чистосердечно к нашей программе, если Вы подадите Мне от сердца Вашу руку, как Я Вам предлагаю Свою в эти последние минуты, Я охотно забуду всё, что в прошедшем могло быть для Меня оскорбительным. Тогда, Государь, но только тогда, нам можно будет вступить в суждения и, может быть, согласиться. Пусть Ваш флот ограничится удержанием турок от доставления новых сил на позорище войны. Охотно обещаю, что им нечего будет страшиться Моих нападений. Пусть они пришлют ко Мне уполномоченного для переговоров. Я приму его с надлежащим приличием. Условия Мои известны в Вене. Вот единственное основание, на которое Мне позволено вести переговоры...»

Схожая по содержанию переписка состоялась несколько ранее и между Петербургом и Лондоном. Очевидная правота слов русского монарха не могла быть услышана: в ней попросту никто не нуждался, и поэтому их просто некому было слышать.

Между тем в начале войны Россия могла быть уверена лишь в одном — в своей изоляции. Австрийский посол в Турции вскоре точно заметил: *«То, что по отношению к Турции называют Восточным вопросом есть только вопрос между Россией и остальной Европой»*. Еще в ноябре 1853 г. Николай I весьма скептически смотрел на своих потенциальных союзников: *«Австрии трудно: много забот по Италии и Венгрии, этим извинить только можно ее нейтралитет; Пруссия всё дрожит Франции и Англии. Вот наши союзники, и то хорошо, что по крайней ме-*

ре не пристаю́т к врагам». Тем не менее император еще не полностью расстался со своими иллюзиями в отношении Франца-Иосифа. 28 января 1854 г. в Вену с личным письмом от императора прибыл генерал-адъютант граф А. Ф. Орлов. Тонкий и тактичный дипломат, он должен был призвать Франца-Иосифа к сотрудничеству на Балканах. Петербург предлагал Вене гарантию ее владений, а взамен ожидал дружественного нейтралитета в русско-турецкой войне. В случае распада Турции предлагался совместный русско-австрийский протекторат над теми государствами, которые могут образоваться на Балканах. Надежды Николая I на поддержку Австрии сразу же не подтвердились, его предложения были отвергнуты. Австрийцы считали, что общий протекторат оказался бы для них призрачным.

Гаспар Губо. Вид Севастополя

2 февраля 1854 г. Петербург отказался принять условия русско-турецкого примирения, разработанные Великими державами. Со своей стороны Николай I предложил султану прямые переговоры в Петербурге или в ставке русского главнокомандующего при условии сохранения положений Кючук-Кайнарджийского и последующих русско-турецких договоров, четкого определения религиозных прав христианских подданных султана, вслед за чем станет возможной эвакуация Княжеств при обязательном восстановлении в них собственного управления, нормализации права предоставления убежища в отношении революционеров и политических агитаторов. 6 февраля Орлов покинул Вену. Сразу после его отъезда на австрийскую границу с Дунайскими княжествами было выдвинуто 50 тыс. австрийских войск. Это была безусловная угроза флангу русской армии, находившейся в Дунайских княжествах. Отныне она не могла предпринять наступления вглубь Балканского полуострова без риска быть отсеченной от России австрийцами. 15 февраля союзники предъявили России ультиматум об очищении Дунайских княжеств, оставленный без ответа. Последовал разрыв дипломатических отношений.

9 (21) февраля 1854 г. в качестве реакции на враждебные действия Лондона и Парижа последовал манифест Николая I «О прекращении политических сношений с Англией и Францией». Хотя это и не было еще формальным объявлением войны, текст документа не оставлял сомнений в том, что она не за горами:

«Английское и французское правительства вступились за Турцию, и появление соединенных их флотов у Царьграда послужило важным поощрением к ее упорству. Наконец обе западные державы, без предварительного объявления войны, ввели свои флоты в Черное море, провозгласив намерение защищать турок и препятствовать нашим военным судам в свободном плавании для обороны берегов наших.»

После столь неслыханного между просвещенными государствами образа действия, мы отозвали наши посольства из Англии и Франции и прервали всякие политические сношения с сими державами.

Итак, против России, сражающейся за Православие, рядом с врагами Христианства становятся Англия и Франция!

Но Россия не изменит святому своему призванию; и если на пределы ее нападут враги, то Мы готовы встретить их с твердостью, завещанною нам предками. Мы и ныне не тот ли народ русский, о доблестях коего свидетельствуют достопамятные события 1812 года? Да поможет нам Всевышний доказать сие на деле! В этом уповании, подвизаясь за угнетенных братьев, исповедующих веру Христову, единым сердцем вся России воззовем:

«Господь наш! Избавитель наш! Кого убоялся! Да воскреснет Бог и расточатся врази Его!»

12 марта в Константинополе был подписан договор о военном союзе между Турцией, Англией и Францией, по которому Лондон и Париж обязывались предоставить военную помощь Порте и вывести свои войска и флот из ее владений через 40 дней после заключения мира.

Уильям Симпсон. Севастополь с моря. Рисунок с палубы фрегата «Сидон». Февраль 1855

TE DEUM!

Судьба Финляндии, Польши, Грузии и Крыма

После вмешательства в русско-турецкую войну Англии и Франции коалиция против России приобрела весьма опасное для Петербурга очертание. Тем не менее союзники не торопились перейти от слов к делу — им необходимо было сконцентрироваться и по возможности расширить свои ряды. Огромное значение для окончания войны с самого начала приобретали возможные действия тех, кто на этом этапе оставался еще нейтральным. Иначе говоря, в войне Восточной и Западной Европы за влияние на Балканах и в Малой Азии решающим становилось мнение Центральной Европы того времени — Германского союза. Его ведущие государства отнюдь не были единодушны ни в антипатиях к России ни в симпатиях к Парижу и Лондону. Они колебались.

Тем временем в действиях на Дунае начал намечаться перелом.

Еще в ноябре 1853 г. Горчаков просил Военного министра об отправке в Южную армию инженер-генерала К. А. Шильдера. *«Сделайте милость, пришлите мне Шильдера. Я готов дать за него целую дивизию»*. Неоднократные просьбы Горчакова сочли вполне основательными. 29 декабря 1853 г. (10 января 1854 г.), описывая свое видение кампании Горчакову, Паскевич писал: *«Силистрия, вероятно, сильно укреплена; но она нам необходима. Не могу не упомянуть здесь еще раз о важности сей крепости, ибо она более всего дает возможность неприятелю угрожать нашему центру. Притом непременно следует очистить плавание по Дунаю для продоволь-*

ствия и для дальнейших действий, каких бы ни было, оборонительных или наступательных. Осады крепостей для нас теперь не так трудны, как бывало в прежние войны. Когда наши инженеры думали, что сделали всё возможное, когда подходили к крепости на 300 сажень и никто и не думал им противоречить. Генерал Шильдер будет Вам в сем случае отличным помощником; да я уверен, что и он найдет много хороших себе помощников между офицерами, воспитывавшимися в инженерном училище. Слава Богу, с учреждением сего заведения, мы не отстанем теперь от иностранцев».

6 (18) января 1854 г. Шильдер выехал из Варшавы на Дунай, куда он и прибыл в начале февраля. Очень скоро его присутствие почувствовали турки, быстро потерявшие инициативу и особенно — в низовьях Дуная. Уже 30 января (11 февраля) в результате блестяще организованных генералом действий артиллерии под Рущуком были уничтожены основные силы турецкой речной флотилии. Семь русских орудий, действуя против 92 орудий противника, потопили один пароход и семь судов, шесть больших судов сели на мель, и 22 менее крупных корабля получили значительные повреждения.

11 (23) марта русские войска перешли реку у Галаца, отбив попытки противника сбросить их в реку, потери при переправе были ничтожны — около 800 чел. ранеными и убитыми. На следующий день началось обложение крепости Силистрия. В течение нескольких дней были взяты Тульча, Исакча, Мачин и Бабадаг, разбитые турецкие войска поспешно отступили

ли к Базарджику, Варне и Шумле. Осада началась весьма энергично. Присутствие храброго и деятельного Шильдера весьма воодушевляло войска.

Новости с нижнего Дуная вызвали у французского главнокомандующего Сент-Арно весьма серьезные опасения. Он давно и серьезно болел, но перспектива войны в скором будущем придала маршалу сил. *«Омер-паша принужден сосредоточиться под Шумлой. — писал Сент-Арно своему брату 19 апреля. — Если русские сделают решительный шаг, они могут поставить нас в затруднение, быстро прибыв к Адрианополю и найдя столицу открытой... У меня кровь стынет в жилах. Сколько потерянного времени, и как всё медленно идет!»*

Все эти успехи тем не менее носили частный характер и не могли привести к изменению общей обстановки в пользу нашей армии. Между тем назревала большая война, в которой Россия не могла рассчитывать на помощь союзников. Коммуникации русской армии в Дунайских княжествах могли оказаться под угрозой флангового удара из Трансильвании. Именно поэтому переправа через Дунай не привела к тем быстрым действиям, которых так опасался Сент-Арно. 12 (24) марта Горчаков получил инструкции от Паскевича: не переходить Дунай, а если переправа уже состоялась, не двигаться далее Мачина и приступить к эвакуации Малой Валахии, а также к вывозу раненых и больных и, кроме того, излишних тяжестей в Бессарабию и далее — в Киевскую, Подольскую и Херсонскую губернии.

Ставка Николая I на Австрию как на ведущее государство Германского союза, сделанная в 1848–1849 гг., не оправдала себя. Что касается Пруссии, то Фридрих-Вильгельм IV явно не желал втягиваться в конфликт ни в каком виде. В письме к Николаю I 29 января 1854 г. он сформулировал свое отношение к войне: *«Мой нейтралитет не есть и не будет ни неопределенный, ни шаткий, но «суверенный». Это необходимо как для Пруссии, так и для Австрии и всей Германии — по моему убеждению. Этот суверенный нейтралитет будет охранять Вашу западную границу... Он обеспечит за Вами сво-*

боду действия и предупредить от всяких тормов Ваши военные действия».

20 марта 1854 г., получив известие о том, что султан издал очередной закон, направленный на развитие положений Гюльханейского хатт-и шерифа, Фридрих-Вильгельм IV обратился к Николаю I с письмом, предлагая использовать это событие как повод к прекращению войны с Турцией и к предотвращению войны с Францией и Англией, предложив отозвать русские армии от Дуная, а европейские флоты от Босфора. После этого, по мнению короля, России будет обеспечена безоговорочная поддержка Пруссии и Австрии, а Франция немедленно покинет своего британского союзника. Король ошибался от начала до конца. Лондон и Париж не собирались отступать, а султан — проводить реформы на благо своих христианских подданных. Император в своем ответном письме от 15 (27) марта 1854 г. справедливо заметил, что готов будет отступить, когда ему скажут, *«какие гарантии получены державами (на пользу христиан) и когда по общему соглашению будет определено, в какой срок одновременно союзные флоты покинут не только Черное море, но также Босфор и Дарданеллы».*

Недоверие Николая I было вполне оправданным. Долго ждать подтверждения правоты его слов не пришлось. 27 и 28 марта Англия и Франция объявили России войну. В их столицах это вызвало взрыв радости — общественное мнение ожидало быстрой и легкой победы. Офицеры британской армии обещали «пройти по русским как по траве». Война, имевшая целью защиту Турции, быстро приобретала во Франции и Англии характер крестового похода. Пресса и парламенты в обеих странах были настроены весьма воинственно.

Английское общество ожидало в любом случае решительной и, желательно, быстрой победы. В воздухе витала идея Армагеддона — последнего боя добра со злом, в котором, разумеется, победит демократия и прогресс, олицетворением которых была, естественно, Англия и только она. Последними добродетеля-

ми с союзницей в Лондоне делиться явно не хотели, хотя французам было суждено стать вскоре основной ударной силой союза. Коалиция обладала значительными силами и возможностью выбора направления главного удара, не опасаясь ответа практически нигде, за исключением азиатской Турции, откуда Россия не могла угрожать ни одному из жизненно важных центров своих противников.

Французская армия насчитывала в своих рядах 456 батальонов, 360 эскадронов, всего 430 тыс. чел. и 1182 орудия; английская (без учета англо-индийской) — 103 батальона, 90 эскадронов, всего 150 тыс. чел. и 312 орудий; турецкая (без учета иррегулярных сил) — 150 батальонов, 131 эскадрон, всего 290 тыс. чел. и 372 орудия. В январе и марте 1854 г., воодушевленный несомненной близостью полной победы, Пальмерстон сформулировал свое видение британских целей войны:

«Таковым должен быть результат нашей войны с Россией:

1. *Аланды и Финляндия возвращаются Швеции;*

2. *Польша восстанавливается в своих старых границах как независимое государство;*

3. *Устье Дуная возвращается Турции, пока не будет достигнуто некое согласие о допуске Австрии в Черное море;*

4. *Крым должен быть взят и русский Черноморский флот захвачен или уничтожен.*

Крым передается Турции в обмен на Молдавию, или Севастополь стирается с лица земли, а доки и арсеналы уничтожаются; Черкессия становится независимой, а Грузия объединяется с Черкессией или аннексируется Турцией».

Абердин, ознакомившись с предложениями, предупредил, что это программа для 30-летней войны. Глава правительства был более скромнен в действиях и планах: он, например, был готов способствовать втягиванию Швеции в коалицию, но предлагать шведам «Финляндию и даже Аланды как взятку» не собирался. Вне зависимости от того, насколько реальны

были мечты Пальмерстона, нельзя не отметить, что задачи британской политики, перечисленные им, были далеки от декларируемого Лондоном в начале войны принципа защиты status quo на проливах. Важно отметить, что это была не декларативная, а вполне искренняя программа, предназначенная не для публичной демагогии, а собственно для тех, кто делал политику Англии и союзной ей Франции. Это был план полного и решительного сокрушения Российской империи. Позже Пальмерстон добавил к ней проект обмена Ломбардии и Венеции на Молдавию и Валахию с целью привлечения Австрии к союзу. Значительной поддержки эти конструкции в правительстве Великобритании поначалу не получили, но зато их поддержал Наполеон III, и они остались основой военной программы Пальмерстона вплоть до 1856 г.

Внешнеполитическое положение России постоянно ухудшалось. Вслед за Веной и Берлин отказался подписать предложенный им Петербургом договор о нейтралитете. К концу марта 1854 г. Австрия увеличила свою армию в Трансильвании уже до 150 тыс. чел. 9 апреля представителями Австрии, Пруссии, Англии и Франции в Вене был подписан протокол, подтверждавший, что не только Турция, но и Франция вместе с Англией находятся в войне с Россией. *«Нижеподписавшиеся, — гласил документ, — заявляют в эту торжественную минуту, что их правительства остаются согласными по двум вопросам — охранения неприкосновенности Османской империи, существенным условием которой является эвакуация Дунайских княжеств, и столь близкого чувствам султана уравнения гражданских и религиозных прав христианских подданных Порты, вполне согласованного с независимостью и суверенитетом султана. Территориальная неприкосновенность Османской империи остается условием sine qua non всякого договора, имеющего восстановить мир между воюющими державами; правительства, представляемые нижеподписавшимися, обязуются совместно искать гарантии, которые связывали бы существование этой Империи с общеевропей-*

ским равновесием, и выражают готовность договориться о наиболее соответствующих средствах для достижения цели своего соглашения. Правительства, представляемые нижеподписавшимися, взаимно обязуются не входить без предварительного общего совещания ни в какое окончательное соглашение, которое было бы противно изложенным выше началам, с Императорским российским двором и ни с какой державой».

11 (23) апреля 1854 г. был обнародован Высочайший манифест «О войне с Англиею и Франциею». В нем Николай I возлагал ответственность за последствия ввода русских войск в Молдавию и Валахию на Лондон и Париж: *«Мы не искали и не ищем завоеваний, ни преобладающего в Турции влияния, сверх того, которое по существующим договорам принадлежит России. Тогда же встретили мы сперва недоверчивость. А вскоре и тайное противоборство французского и английского правительств, стремившихся превратным толкованием намерений наших ввести Порту в заблуждение. Наконец, сбросив всякую личину, Англия и Франция объявили, что несогласие наше с Турцией есть дело в глазах их второстепенное; но что общая их цель — обессилить Россию, отторгнуть у нее часть ее областей и низвести Отечество наше с той степени могущества, на которую оно возведено Всевышнею десницею».*

В правоте слов русского императора, уже предупреждавшего, что его страна в 1854 г. готова повторить свой подвиг 1812 г., никто не сомневался ни в России, ни в Европе, и поэтому ни в Лондоне, ни в Париже не собирались повторять ошибок Наполеона I. Союзники не планировали вторжение вглубь Российской империи. Они предпочитали не ставить под угрозу линию своего снабжения. С другой стороны, в отличие от ситуации 1812 г., Россия не имела союзников, а на нейтралитет ее соседей невозможно было положиться.

Под жестким австрийским давлением 20 апреля 1854 г. король Прусский пошел на заключение с Веной наступательного и оборонительного союза. Формально два государства обязались

гарантировать свои германские и негерманские владения от любого нападения (ст. 1);

защищать права, интересы и территорию Германии (ст. 2);

привести часть своих вооруженных сил в состояние полной боевой готовности (ст. 3);

пригласить все государства Германского союза присоединиться к этому соглашению (ст. 4);

не заключать с другими государствами договора, противоречащего принципам данного соглашения (ст. 5).

По дополнительному соглашению Пруссия обязалась в случае необходимости сконцентрировать в течение 36 дней 100-тысячную армию (1/3 — в Восточной Пруссии и 2/3 — в Познани и под Бреславлем), а в случае необходимости — удвоить эти силы.

С самого начала Берлин затягивал подписание этого договора, но, согласившись на него, добился включения менявшей весьма многое оговорки: договор вступал в силу только в том случае, если будут затронуты «общегерманские интересы». Кроме того, в прилагающейся к договору конвенции в качестве *casus belli* были указаны включение в состав Российской империи Дунайских княжеств или перехода русской армии через Балканы. По мнению Фридриха-Вильгельма IV, оба этих случая были абсолютно невозможны, что и было причиной его согласия подписать договор. Во всяком случае именно так он и объяснил свое поведение перед русским императором. *«Мой дорогой шурина, — говорил в это время о короле Прусском Николай I, — ложится каждый вечер в кровать как русский и встает каждое утро как англичанин».*

21 февраля (5 марта) 1854 г. Главнокомандующим всеми войсками на Дунае был назначен генерал-фельдмаршал князь И. Ф. Паскевич. Император счел необходимым поторопить своего «отца-командира» с развитием успеха, достигнутого после перехода Дуная. Активные действия, по мнению Николая I, должны были оттянуть часть союзных сил от русских границ. *«Всё несомненно зависит от расположения ав-*

стрийцев; кажется, есть надежда, что они нас не атакуют, — писал он главнокомандующему 22 марта (3 апреля). — *Ежели будем в этом уверены, то не надо, кажется, терять времени и немедленно готовиться приступить к осаде Силистрии, главной цели кампании 1854 г... Прошу, отец-командир, вникнуть в эту мысль и дать твои приказания Горчакову в этом смысле, ежели ты не противен сему. Упусти мы воспользоваться теперешним успехом и его впечатлением на турок, подобного удобства не встретим вперед надолго. Теперь только, ради Бога, не будем терять времени; надо воспользоваться теперешним положением, и время дорого!*» Сам фельдмаршал считал, что при сложившихся обстоятельствах — угрозе со стороны Австрии и возможности десанта союзников в глубоким тылу «...в настоящем положении против Турции идти вперед и думать нельзя».

3 (15) апреля Паскевич прибыл в Фокшаны. Здесь его ждало письмо Мейендорфа из Вены. Русский посол просил фельдмаршала воздержаться от переправы у Виддина, так как в таком случае он не ручался за поведение австрийцев, которые вполне могли вмешаться в военные действия. Иначе говоря, Паскевича предупреждали о том, что могут сбыться самые худшие его ожидания. Он был убежден, что никакие русские действия за Дунаем и даже само удержание Дунайских княжеств в принципе невозможны до того, как будет гарантирован нейтралитет Австрии. Поэтому, несмотря на весьма категоричные распоряжения, которые фельдмаршал получил от императора, с самого начала своего командования на Дунае он действовал вопреки им. Уже 5 (17) апреля Паскевич отдал распоряжение об отводе русских войск из Малой Валахии, где они легко могли быть отсечены в случае выступления из Трансильвании австрийской армии. Провинция перешла под контроль турок, которые не решились преследовать отступавших.

Николай I продолжал убеждать фельдмаршала действовать энергично, призывая его не опасаться австрийской угрозы, для компенсации которой он считал достаточным сил IV Пехотного корпуса с при-

данной ему кавалерией. По данным, которые имелись у Паскевича, австрийцам для завершения сбора сил требовалось от 5 до 6 недель. Этого могло хватить для взятия Силистрии (Паскевич считал, что ее можно взять за 3 недели, Шильдер — даже за 2), которую, в случае выступления Австрии, пришлось бы оставить, но совершенно недостаточно для окончательного перелома ситуации на Балканах.

12 (24) апреля фельдмаршал прибыл под осажденную Силистрию. Успех или неудача при осаде этой крепости были весьма важны и для России, и для ее противников. Император торопил его, требуя покончить с осадой до июня. Русская победа означала бы значительный моральный успех, необходимый при начале военных действий для воздействия на колеблющиеся правительства нейтральных государств. Кроме того, взятие основной турецкой крепости на нижнем Дунае до подхода основных сил союзников на Балканы резко улучшило бы положение русской армии.

Паскевич не спешил приступить к активной осаде, и сделал это только по приказу императора. Шильдера очень раздражала манера поведения командующего, и он торопился приступить к действиям. Численность гарнизона крепости равнялась приблизительно 16 тыс. чел., на вооружении ее укреплений стояло 120 орудий. В распоряжении Паскевича было до 90 000 чел. при 266 орудиях. В случае успеха он предполагал скрыть половину турецких укреплений и затем действовать оборонительно, в зависимости от действий англичан и французов. В перспективу восстаний турецких христиан он не особенно верил. Кроме того, русский главнокомандующий прекрасно понимал и опасность неопределенности, которую несла с собой наблюдательная армия австрийцев на границе с Дунайскими княжествами. Еще до приезда он выступил категорически против наступательных действий на Балканах. *«Хорошо ли было идти вперед, — писал он, — ожидая каждую минуту разрыва с Австрией, находящейся у нас на фланге и даже в тылу с 200 000 армией?»*

1851

Осада Силистрии, борьба за союзников и морские коммуникации

После формального образования коалиции против России возникла небольшая пауза. Англия и Франция еще не были готовы к масштабным действиям — им необходимо было время для сбора сил и их переброски в восточное Средиземноморье. До того, как мощь армий Лондона и Парижа могла стать действительным фактором на Балканах, у России оставалась еще возможность достижения успехов, которые могли бы повлиять на ход войны, привлечь к ней союзников или повлиять на колеблющихся друзей в нужном для Петербурга направлении. Среди последних наиболее важное значение имела позиция Австрии. После подавления революции 1848–1849 гг. эта страна рассматривалась дипломатией Николая I в качестве основного партнера России на Балканах и в Германии. Друг, в поддержке которого не сомневались и на помощь которого рассчитывали, с самого начала конфликта начал склоняться в неожиданную для Петербурга сторону. Из возможной опоры Австрия начала превращаться препятствие или, точнее, в опасность для коммуникаций русской армии на Дунае. При таких условиях о глубоком проникновении за эту реку, не говоря уже о Балканах, и речи быть не могло.

В 1849 г. фельдмаршал И. Ф. Паскевич сформулировал принцип: «*Дорога в Константинополь лежит через Вену*». Теперь эта истина подтверждалась на практике. Кроме необходимости оглядываться на австрийцев, главнокомандующий не был уверен и в том, что с имеющи-

мися у него силами можно с успехом одновременно осаждать Силистрию и наступать на турецкую армию. В то, что Омер-паша сам начнет наступление и предоставит возможность генерального сражения до подхода англо-французов, фельдмаршал не верил. Император был возмущен и требовал идти вперед, не считаясь с опасностью австрийской угрозы, и не упускать «драгоценного времени». Из Трансильвании австрийцы могли достичь Ясс за 4–5 переходов, в то время как русским войскам только из Бухареста и Браилова требовалось для этого 14 и 9 усиленных переходов соответственно. При этом для перехода в эти города из-за Дуная и из различных районов Валахии за Серет потребовалось бы дополнительно от 10 до 20 переходов. Опасность окружения была слишком велика.

С самого начала войны начала сказываться техническая отсталость русских Вооруженных Сил, несопоставимость промышленного и финансового потенциала России и союзников. Уже в 1853 г. финансовое положение страны резко осложнилось. Доходы Империи составили 227.471.501 руб., а расходы — 336.298.884 руб. Таким образом, дефицит равнялся почти половине дохода государства — 108.829.383 руб. Львиную его долю составили военные расходы — 98.540.438 руб., или 40 % всех доходов страны. В 1854 г. сумма доходов составила 242.380.000 руб., а расходов (включая сверхсметные ассигнования) — 389.312.000 руб. Дефицит бюджета вырос

до 146.932.000 руб. Большая часть военных расходов России, естественно, шла на армию. Например, в 1853 г. на нужды Военного министерства было потрачено 82.533.764 руб., в то время как Морское министерство получило 16.006.674 руб. Русский флот не имел ни малейшей возможности сравняться силами с флотами основных морских держав того времени. Если армия не могла обеспечить быстрого успеха, то у флота не было такой возможности даже умозрительно. Он мог вести исключительно оборонительные действия.

Английский флот перед войной имел 18 парусных и парусно-винтовых линейных кораблей и 43 корабля второго ранга, французский — соответственно 12 и 17 таких кораблей. Превосходство на море сразу же перешло к союзникам. Преимущество в паровых судах было особенно впечатляющим: только англичане имели 12 паровых линейных кораблей, пять паровых фрегатов, 14 паровых корветов, четыре паровых шлюпа. Списочный состав Балтийского флота насчитывал 255 единиц, включая транспорты, малые и гребные суда, 12 пароходов и 11 пароходо-фрегатов, все 25 линейных кораблей флота были парусными, из них только один — «Россия» — был 120-пушечным. Дальний переход вне пределов Балтики могли совершить только 11 линейных кораблей — все они были старой постройки и для боевых действий в удалении от своих баз не годились. В 1852 г. на Балтике приступили к строительству четырех первых винтовых фрегатов, однако выполнить эту программу не удалось. Машины заказывались в Англии, и до начала войны успели получить только одну, остальные были конфискованы.

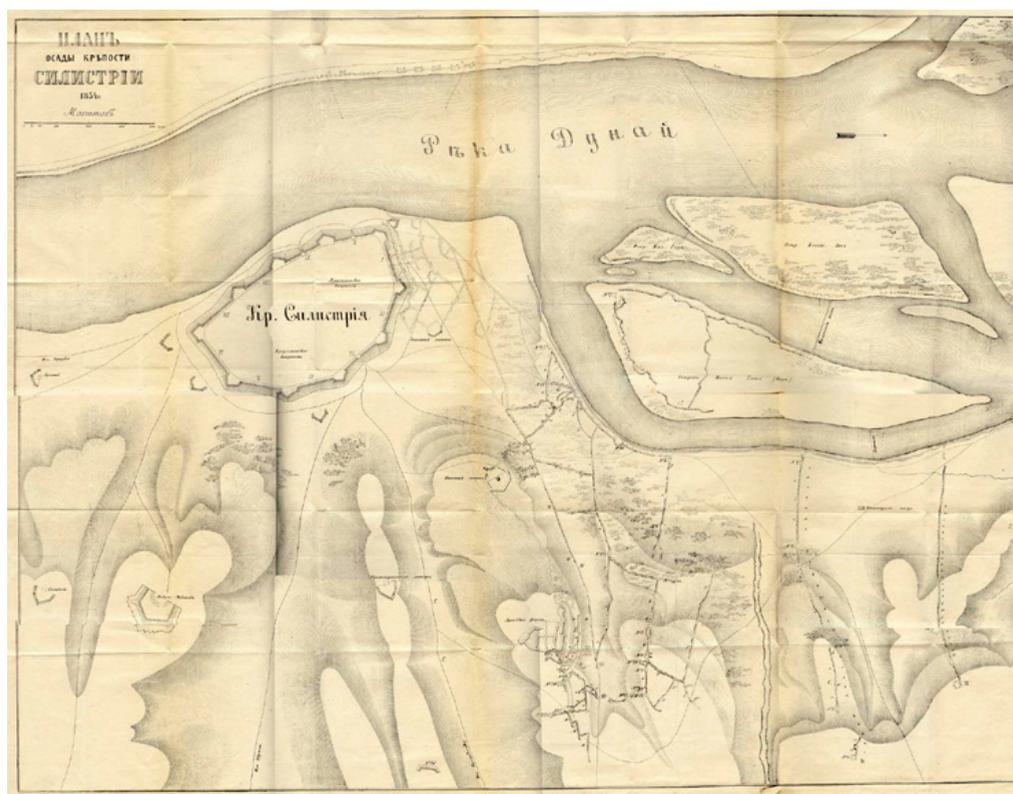
Россия могла рассчитывать на симпатии и поддержку христианского населения Балкан, но именно это беспокоило Лондон и Париж. Не имея угрозы со стороны русского флота в Атлантике, союзники сумели обеспечить решающее превосходство на основном театре военных действий — на Черном море и в Крыму. Свои действия в восточном Средизем-

номорье они начали с поддержки туркам в подавлении греческих (преимущественно) восстаний в Эпире, Фессалии, Македонии и Халкидике. Население здесь было преимущественно христианским. В Фессалии, например, по французским данным на 1850 год, из 350 тыс. населения только 70 тыс. были турками. В 40-е годы XIX в. греко-турецкие отношения постоянно ухудшались, в 1847 г. дело дошло до формального разрыва. Королевство вызывало у союзников серьезные опасения и подозрения. После «дела Пасифико»¹ и блокады греческого побережья английским флотом в 1850 г. англофобия и франкофобия в греческом обществе резко возросли. Русская дипломатия оказала поддержку Афинам во время противостояния с Англией, а позже способствовала преодолению схизмы между Синодом Элладской церкви и патриархом Константинопольским. Всё это усилило рост симпатий к России в Греции.

После поездки вице-адмирала Корнилова в Афины в марте 1853 г., которую он совершил из Константинополя, где находился при Меншикове, сомнения союзников относительно Греции лишь усилились. В январе 1854 г. в горном районе Радовицы, который турки плохо контролировали, начались антитурецкие выступления. Они вызвали огромный резонанс в королевстве, особенно потому, что на их подавление были брошены отряды албанцев. Движение в поддержку христиан было столь сильным, что правительство Греции уже не в состоянии было осуществлять прочный контроль над страной и границей. Поскольку король

---

¹ Дон Пасифико или Давид Бонифаций Пасифико — португальский еврей, занимавший пост консула Португалии в Марокко и Греции, затем уволенный по обвинению в злоупотреблениях, после чего перешел в британское подданство. На Пасху 1847 г. его дом в Афинах был разгромлен, и Пасифико выставил претензию к правительству Греции на чудовищную сумму в 886736 драхм. Британское правительство поддержало эти требования, добавив к ним и ряд других, на общую сумму в 7,5 млн драхм. В 1849–1850 гг. британская эскадра блокировала побережье Греции, захватила до 100 греческих судов и заставила Афины принять требования Лондона, правда, в сильно усеченном виде.

Модест Богданович. План осады крепости Силистрия в 1854 году. 1876

предполагал лично возглавить армию в случае войны, Николай I даже назначил своего представителя при греческом командующем. Правда, в Афины он так и не поехал.

Менее чем за год международная обстановка претерпела значительные изменения. В 1853 г. могло показаться, что во главе континентальной политики Европы находится Россия, противостоящая изолированной Франции и опирающаяся если не на союз, то на соглашение с Англией. Весной 1854 г. изолированной была Россия, а Франция и Англия возглавляли Европу, опираясь на явный уже союз. 10 марта 1854 г. греко-турецкие отношения были разорваны. 9 апреля представители Англии, Франции, Австрии и Пруссии подписали протокол о мерах в отношении Греции. 11 апреля союзниками была установлена блокада побережья, а 13 мая англо-французская эскадра с десантом вошла в гавань Пирея. Греческий флот: два корвета, один бриг, один паро-

ход, семь шхун, три тендера, три канонерские лодки и одна галера — фактически перешел в распоряжение союзников. 27 мая 1855 г. был подписан греко-турецкий договор о торговле и навигации, восстановлены дипломатические отношения. Оккупация Пирея фактически стала постоянной, союзники удерживали город вплоть до февраля 1857 г. Англо-французы оставили Грецию по требованию России, начав эвакуацию 19 февраля 1857 г., они покинули территориальные воды королевства 27 февраля того же года.

В 1854 г. контроль над подступами к Дарданеллам был непременным условием свободы действий союзников за Босфором. 10 турецких фортов здесь, по мнению англичан, находились в весьма удовлетворительном состоянии, их 300 орудий были вполне современными, однако форты на азиатской стороне пролива были укреплены с тыла. Командование британской Средиземноморской эскадры, очевидно памятуя о неудаче адмирала

Дакворта в 1806 г., считало занятие турецких фортов на Дарданеллах войсками союзников первым шагом на пути к будущей кампании против России. Такой же точки зрения придерживался и Наполеон III, который с осени 1853 г. работал над планами высадки десанта в Крыму. В конце февраля 1854 г. 10 британских пехотных полков были отозваны из колоний и перевезены на Мальту. В марте они заняли позиции на Галлиполи.

Одновременно Англией и Францией были предприняты и действия для контроля над Зундом и Бельтами, то есть датскими проливами. Наполеон III одобрил план формирования экспедиции на Балтику 25 февраля 1854 г., то есть приблизительно за месяц до объявления войны. Французы начали подготавливать корабли и их экипажи, собирать зимнюю одежду и т. п. Британцы также приступили к действиям заранее. 11 марта 1854 г. на Балтику была отправлена эскадра адмирала

Ч. Непира. Ее ударной частью были пять паровых линейных кораблей (131; 120; 101; 91 и 80 пушек), четыре паровых 60-пушечных бомбардирских корабля, четыре винтовых (51; 47; 34 и 30 пушек) и три колесных 16-пушечных фрегата. Всего в состав эскадры входило 44 вымпела — 2200 орудий, 22 тыс. матросов и солдат морской пехоты и офицеров.

Перед эскадрой первоначально ставилась задача повлиять на Данию, где, естественно, были сильны антианглийские (после 1801 и 1807 гг.) и прорусские (после 1848 г.) настроения, и захватить инициативу на Балтике, пока северная часть ее еще была скована льдом и русские корабли в Свеаборге и Кронштадте не могли выйти в море. Адмиралтейство торопило Непира: в Лондоне опасались, что если русский Балтийский флот подойдет к Копенгагену раньше английского, то возможен будет даже переход Дании на сторону России.

Богдан Виллевальде. Осада Силистрии

Несмотря на значительный корабельный состав, британская эскадра имела ряд существенных недостатков, самым главным из которых была недостаточная обученность экипажей. Казалось, что у англичан было гораздо больше средств, чем у французов, которые также испытывали кадровый голод. Между тем лучшие кадры королевского флота были отправлены на Черное море, и экипажи Балтийской эскадры поначалу формировались без особого разбора из добровольцев.

Личный состав флота вырос с 45 до 67 тыс. чел., что значительно меньше показателей наполеоновских войн (тогда состав флота был увеличен на 100 тыс. чел.), но это достижение далось с огромным трудом. Опытные моряки из торгового флота не шли на военную службу на условиях правительства — они выжидали установления особой премии. Ее так и не ввели, зато начали практиковать «добровольно-принудительный» метод вербовки. *«В результате, — вспоминал современник, — во флот попали люди, совершенно незнакомые с морем, например, мясники, приказчики, извозчики и просто оборванцы. По счастью, в числе записавшихся были старые моряки, служившие такелажниками на судостроительных заводах, и нижние чины пограничной стражи, но многие из них были слишком стары, чтобы идти в такое тяжелое плавание, а некоторые до сих пор ни разу не бывали в море, и это были всё же лучшие люди. Большая часть офицеров не имела должного опыта, из гардемарин же ни одного нельзя было поставить на вахту. Таков был состав эскадры».*

В мирное время для обучения команды военного корабля в английском флоте требовалось 12 месяцев, в военное — шесть, но и такой возможности у Немира не было. Когда он попросил разрешения для начала обучить вверенный ему флот, Адмиралтейство предложило ему в ответ выйти в отставку. Другой проблемой эскадры было отсутствие канонерских лодок — в Англии в это время достраивалось и довооружалось всего 17 паровых кораблей этого класса. Тем не менее от Балтийской эскадры ждали очень многого. Адмиралу устроили прощальный банкет в лондонском «Клубе реформ», где его провожали весьма воинственными речами, которые потом с удовольствием подхватила пресса. Самому Немиру приписывалось обещание быть «в Кронштадте, или в аду». «Таймс» провожала его следующим кровожадно-залихватским напутствием: *«Сэр Ч. Немир отправляется с целью нанести возможно более сильный урон русским, разнести на куски дюжину или две линейных кораблей и пару крепостей, возможно будет несколько тысяч убитых или раненых, и таков результат, который мы ожидаем».*

Действия союзного флота на Балтике и Черном море не заставили себя ждать, однако их результаты оказались довольно скромными. Публика была весьма недовольна. Как всегда, завышенные ожидания общественного мнения обрушились на голову его вчерашних идиологов. В негодовании не были замечены основные достижения этого периода — балканский тыл будущей кампании в Крыму

Первые действия флота союзников и их последствия

Флот был идиолом Великобритании, символом ее политического могущества, господство на море — альфой и омегой британской политики и стратегии. Каждая война, которую начинал Лондон, вызывала особые ожидания относительно будущих действий флота. Господство в Мировом океане позволяло выбрать время и место удара, морские коммуникации давали возможность наиболее быстрой концентрации сил. Неудивительно, что военные действия, которые начали союзники против России, начались на морских театрах.

Первые столкновения произошли на Черном море. Одним из важнейших пунктов снабжения Дунайской армии была Одесса. В январе и феврале 1854 г. здесь резко активизировалась торговля хлебом. Всего за два месяца обороты порта составили 18.775.491 руб. серебром (вывоз товаров — 13.257.325 руб., монеты — 280.856 руб.; ввоз товаров — 4.652.126 руб., монеты — 585.184 руб.). Только пшеницы было вывезено 621.060 четвертей на сумму 5.941.079 руб., ржи — 138.224 четвертей на 855.171 руб. и т. д. Хлеб в основном вывозился во Францию и Англию. В конце февраля торговля была остановлена. К началу марта в Одессе было сосредоточено около 611.000 четвертей (78.208 тонн) хлеба.

Город с моря прикрывало шесть батарей с 48 старыми орудиями, большая часть из которых была бесполезна для борьбы с флотом. Гарнизон города состоял из 15 батальонов, 16 эскадронов и четырех сотен с 36 полевыми орудия-

ми, войсками командовал генерал-адъютант барон Д.Е. фон Остен-Сакен. 1 (13) апреля 1854 г. сюда подошел британский пароход «Фьюри», который спустил на воду шлюпку под белым флагом. Капитан интересовался, находится ли еще в городе британский консул, но вместо того, чтобы получить ответ, англичане начали рекогносцировку рейда. В ответ на злоупотребление парламентским флагом был открыт предупредительный огонь. Русская батарея быстро добилась попадания, «Фьюри» ретировался. Эти события стали предлогом для союзной экзекуции. 10 (22) апреля 1854 г. англо-французская эскадра в составе 9 пароходов-фрегатов и одного фрегата подвергла бомбардировке Одессу.

К этому времени город активно укреплялся, но успели построить всего лишь шесть батарей, на вооружении которых стояло 48 орудий. На передовой позиции, на оконечности практического мола у самого входа в одесскую гавань, стояла батарея № 6 с четырьмя 24-фунтовыми орудиями времен Петра Великого.

Сначала союзники потребовали удовлетворения за «небывалое нападение», не разъяснив, в чем оно заключалось. 21 апреля командующие флотами потребовали капитуляции города до захода солнца, а на утро следующего дня начался обстрел. В течение шести часов 350 тяжелым по преимуществу орудиям (68 и 96 фунтовым) противника противостояли всего лишь те, что стояли на батарее № 6: обстрел велся с дистанции, не позволявшей участвовать в дуэли другим береговым батареям. Из строя од-

FELLOW-FEELING—THE BOMBARDMENT OF ODESSA.

“BOMBARDMENT OF ODESSA! DEAR ME, THIS WILL BE VERY DISAGREEABLE TO MY IMPERIAL FRIEND.”

Nicholas. “BOMBARDMENT OF ODESSA! CONFOUND IT! THIS VERY ANNOYING TO DEAR OLD ABERDEEN.”

Джон Лич. Сочувствие — Бомбардировка Одессы. Из журнала «Punch». 1855

но за другим были выведены все орудия батареи на молу. Последовавшая за этим попытка канонерок высадить десант была встречена картечным залпом четырех полевых орудий и закончилась полной неудачей. После этого англо-французы начали бомбардировку гавани с внешнего рейда — еще шесть часов они обстреливали торговые суда, стоящие в порту, но зайти в него так и не решились.

В результате было сожжено девять купеческих судов, ранено и убито 50 солдат и восемь мирных жителей, ядром поврежден угол постамента памятника герцогу Ришелье. Значительного урона городу удалось избежать: большая часть неприятельских бомб не взорвалась. Союзники потеряли около 30 человек, четыре поврежденных фрегата были отправлены для починки в Варну. Это был первый бой русских войск с союзниками. Его

результаты заставили англо-французов остерегаться огня русских батарей. 30 апреля (12 мая) к окраинам Одессы вновь подошел английский 16-пушечный пароходо-фрегат «Тигр». В тумане корабль сел на мель у берега. Казачьи разъезды заметили это и подняли тревогу. Фрегат был быстро расстрелян подошедшей русской батареей, а экипаж — 25 офицеров и 200 матросов — сдался в плен. Одесситы с охотой кормили «басурман», изголодавшихся за ночь, проведенную в воде, и так не сумевших в очередной раз подвергнуть их город обстрелу. Умершие от ран были похоронены с соблюдением всех воинских почестей, пленным разрешили переписку с родственниками. Позже они были высланы в Москву, Петербург и Рязань.

1 апреля эскадра Немира подошла к Копенгагену, где ее ожидал вежливый, но холодный прием. За исключением тор-

говцев, получивших заказы на снабжение кораблей и экипажей, никто не симпатизировал англичанам: слишком сильны были воспоминания о бомбардировках датской столицы и о помощи, оказанной Россией в 1848–1849 г. Дания заняла позицию нейтралитета, столь строгого, насколько ей позволяли ее скромные собственные силы. Впрочем, слишком сильное давление на нее также не оказывали, так как это могло вызвать раздражение среди общественности Скандинавского полуострова. Британский флот отчаянно нуждался в благожелательном отношении к себе, так как для действий на Балтике ему требовались дружеские гавани, где он мог получить уголь и воду. 21 апреля корабли Непира подошли к Стокгольму, где адмирал встретился с королем Швеции Оскаром I. Лондон рассчитывал на возможное вмешательство этого государства в войну, так как оно обладало немалыми морскими силами. В 1853 г. в составе шведского флота насчитывалось 10 линейных кораблей, шесть фрегатов, четыре корвета, три брига, девять пароходов и 100 канонерских лодок, семь бомбардирских лодок, 125 иолов — с 1300 орудиями на борту.

Непир, у которого не хватало обученных экипажей и у которого не было судов, способных действовать на мелководье, в трудных навигационных условиях

Финского и Ботнического заливов, нуждался в поддержке. Эта нужда станет тем более очевидной, если учесть, что к началу кампании в России было построено 192 гребные канонерские лодки. Это были суда с небольшой осадкой и мощной артиллерией. Шведские канонерки были бы весьма кстати союзникам. Королевству была предложена ежемесячная субсидия в 200 000 фунтов в обмен на 50-тысячную армию, которая должна была начать действовать вместе с союзным флотом. Англия и Франция должны были поровну разделить выплаты Стокгольму, однако в Лондоне не хотели возвращаться к обременительной практике субсидий. Там предпочитали предоставить Швеции займ, в результате вопрос о форме финансовой помощи не был окончательно решен до июля 1854 г., когда в конце концов победила французская точка зрения.

Либеральная пресса Швеции и наследник престола активно поддерживали союзников и не скрывали своих антипатий по отношению к «наследственному врагу» — России. Французское посольство пошло гораздо дальше англичан, сразу же предложив Стокгольму возвращение Финляндии и Аландских островов. С точки зрения союзников, выгоды от вступления королевства были очевидны. Оскар I не был в этом уверен. Первоначально на все щедрые предложения со-

Освальд Бирли. Бомарзунд 15 августа 1854 года. 1854

План укреплений Бомарзунда

юзников последовал отказ. «Ни я, ни мой народ не стремимся к завоеваниям, — ответил британскому адмиралу шведский король, — даже к завоеванию Аландских островов, пока нейтралитет Швеции обеспечен». В мае к судам Непира добавилась и французская эскадра — 31 корабль с 1308 орудиями на борту. Объединенные силы начали захват всех русских судов на море, включая и рыбацьи шлюпки.

После Швеции союзников ждало еще одно разочарование: их надежды на то, что появление их флота вызовет подъем антирусского движения в Финляндии, оказались построенными на песке. Обстрелы побережья, блокада, прекратившая морскую торговлю, и захват рыбацких судов несколько не добавили популярности англичанам и французам. Военный эффект был почти незаметным, успехи или неудачи союзников имели скорее морально-политическое значение.

12 мая английские корабли обстреляли незащищенную Либаву и уничтожили

находившиеся там купеческие суда. 22 мая был обстрелян Гангут, где в мирное время стояли русские канонерки. С началом войны они были выведены оттуда, но оставшиеся береговые батареи заставили англичан отойти. Гораздо более успешным был ряд нападений на незащищенные города на побережье Ботнического залива. Однако и эти действия быстро стали небезопасными. 10 июня десант с двух британских фрегатов попал под огонь русской пехоты и финских ополченцев и ушел, потеряв орудие, флаг и 50 человек убитыми, ранеными и пленными.

Последняя неудача резко свела на нет эффект демонстрации враждебного флага в русских территориальных водах и была весьма болезненно воспринята как командованием эскадры, так и Лондоном. В июне 1854 г. к Непиру подошло подкрепление — 23 французских корабля, на борту которых стояло 1250 орудий. На этих судах на Балтику пришла и французская пехота — дивизия генерала А. Ба-

рагэ д'Илье. Англо-французская эскадра в мае-июне предприняла ряд разведывательных акций у Свеаборга и Кронштадта, воздерживаясь от серьезных действий, к которым она была не готова.

Русские крепости также были не в лучшем состоянии. Свеаборг с 1808 г. почти не укреплялся и в 1854 г. был далеко не в лучшем состоянии. Гарнизон был незначителен и недостаточен для обслуживания имевшейся артиллерии. В лучшем состоянии был Кронштадт: к апрелю крепость практически закончила подготовку к обороне, ее гарнизон насчитывал 43 штаб-офицера и 329 обер-офицера, 17.110 нижних чинов, на верках стояло 769 орудий. Флот союзников оказался бессилен. Обстрелы показали бесполезность морской артиллерии против гранитных укреплений, запас снарядов на нескольких кораблях был близок к концу.

12 (24) июня англо-французы показались на подступах к Кронштадту. Ничем серьезным их пребывание в виду русской крепости не было отмечено. В Петербурге и окрестностях приход союзников вызвал небывалый ажиотаж — снимались дачи с видом на море, публика стремилась попасть на те участки побережья, откуда можно было увидеть в подзорную трубу корабли противника, два раза в неделю к Кронштадту из столицы выходили пароходы с любопытными наблюдателями. Адмирал Томас Кохрейн, лорд Дандональд решил выйти из тупика путем применения нового оружия. Он предложил использовать серные бомбы для обстрела русских батарей удушающими снарядами, но командование эскадрой вынуждено было отказаться от этих планов по причине технической сложности их применения.

Союзники смогли использовать свое господство на море и временное присутствие французской пехоты только при атаке Бомарзунда — недостроенной на 80% русской крепости на Аландских островах, из которой по непонятным причинам не был выведен ее небольшой гарнизон. Он состоял из 42 офицеров и 1942 нижних чинов, среди которых было много

ссылных и штрафных. Крепость состояла из небольшого форта с 66 орудиями и трех башен с 46 орудиями. Уход соединенной эскадры из Балтики без каких-либо результатов весьма негативно сказался бы на авторитете Англии и Франции, и эта цель представляла удобный выход из тупика. Французская дивизия насчитывала 9000 чел. — этого, по словам Непира, было слишком много для Аланд и слишком мало для чего-либо другого. 2 августа у архипелага собралась английская эскадра, транспорты с французами подошли 5 августа, а утром 8-го началась высадка десанта.

Крепость не была рассчитана на оборону со стороны суши. Атака осуществлялась под прикрытием морской артиллерии с 31 корабля. Имея превосходство в артиллерии — около 800 против 112 — союзники превосходили гарнизон и в мощности, и дальностью орудий. 16 августа крепость была полуразрушена, ее запасы боеприпасов почти исчерпаны. Барагэ д'Илье представил коменданту генерал-майору Я. А. Бодиско ультиматум — в случае штурма гарнизон будет полностью уничтожен. Оказавшись в безвыходном положении, Бодиско капитулировал 16 августа. Приказ о сдаче был столь необычен для русской армии, что солдаты и офицеры гарнизона поначалу отказались выполнять его. В гарнизоне пошли слухи о том, что Бодиско сделал этот шаг под влиянием жены, что не придавало его распоряжениям веса настоящего приказа. Толковать о предательстве начали и в столице. Все эти разговоры не имели под собой основания — после войны следствие по сдаче Бомарзунда оправдало Бодиско.

Итак, крепость сдалась. Союзники понимали бессмысленность этой победы с военной точки зрения и попытались использовать ее в политическом отношении: Швеции было предложено ввести на острова свой гарнизон. На это приглашение последовал отказ. Особого впечатления на шведское правительство частный успех союзников не произвел, наоборот, их кампания на Балтике убедила сторонников сохранения нейтралитета

в ограниченных возможностях союзных сил. Между тем в королевстве общественное мнение проявляло всё большее внимание к проблеме Финляндии. Идеи реванша были чрезвычайно популярны среди общественности, свидетельством чего была масса появившихся газетных статей и брошюр. Отзывы в Финляндии эта кампания не получила. Ее население оказалось вполне лояльно русской короне.

Тогда в дело вступила французская дипломатия, которой, в конце концов, удалось заключить договор со Стокгольмом. В случае вступления в войну Австрии, размещения в королевстве 10-тысячного корпуса союзников, гарантий присоединения Финляндии и ежемесячной выплаты субсидии в 100 тыс. фунтов Оскар I был готов присоединиться к коалиции. Условия соглашения были одобрены британским правительством, хотя было очевидно, что Швеция не выступит ранее очевидной победы союзников и гарантии неограниченной поддержки. Никакого значения в войне этот успех французской дипломатии не имел. Вводить шведский гарнизон на Аланды король отказался. Он не сомневался, что русские выбьют его войска оттуда, когда море замерзнет. Убедившись, что Австрия не собирается вступать в войну, а германские государства — противятся планам ее расширения, Стокгольм вернулся к своей первоначальной позиции, то есть к сохранению нейтралитета. Немаловажную роль сыграл и тот факт, что шведские военные не ожидали значительных достижений от англо-французского флота, не приспособленного к действиям в шхерах, и, кроме того, понимали, что в сентябре союзные корабли уйдут к своим берегам, а море замерзнет, что сделает возможным новый переход русской армии через Ботнический залив. Барагэ был готов гарантировать оставление на зиму в королевстве своих сил, но, по мнению Оскара I, этого было явно недостаточно.

После долгих споров и рекогносцировок союзное командование выяснило, что не имеет достаточных сил для действий против Ревеля, Кронштадта или

Свеаборга. В результате англо-французы не стали дожидаться зимы, когда на острова по льду могла перейти русская армия. 14 сентября они покинули Аландские воды, а 27 сентября — Балтику. Главным итогом кампании 1854 г. на Балтике был сам факт сдачи русской крепости как демонстрация успеха англо-французских войск, что использовалось Парижем и Лондоном для расширения давления на нейтральные государства с целью привлечения их к коалиции. С другой стороны, очевидный разрыв между ожидаемыми и реальными результатами действий британского флота сделал необходимым поиск козла отпущения, и таковой был найден в лице Немира. 22 ноября 1854 г., после возвращения в Англию, он получил

приказ спустить свой флаг, и был отправлен в отставку. Его морская карьера была закончена. «Пришел, увидел и не победил. — Писала об адмирале английская пресса. — Он хотел продеть кольцо сквозь ноздри грозному Левиафану и вместо кита поймал салакушку. Русские смеются, и мы смешны в самом деле».

Одновременно с действиями Непира в мае–июне 1854 г. в Варну были перевезены французская (около 40 тыс. чел.) и английская (около 20 тыс. чел.) экспедиционные армии. Это сосредоточение должно было одновременно решить несколько задач: поддержать Турцию, обеспечить безопасность дальних подступов к Константинополю и проливам, повли-

ять на Австрию, чтобы обеспечить ее выступление в Дунайских княжествах.

Действия союзников на Балканах происходили при весьма благоприятных для них внешнеполитических обстоятельствах. 9 (21) февраля 1854 г. министр иностранных дел Австрии Буоль в частной беседе с П. К. Мейендорфом заявил о том, что готов заключить союз с Францией, так как ее политика более консервативная, чем политика России. В Вене, как всегда, предпочитали придерживаться принципа сохранения территориальной целостности Оттоманской империи.

Лейтенант Браун. Завершающая атака на Бомарзунд с севера. 16 августа 1854

Вчерашние друзья — худшие враги

Крымская война как война России с коалицией началась, и почти сразу же стало понятно, насколько ошибалась русская дипломатия, рассчитывая сначала на поддержку Австрии, а затем — на ее нейтралитет. В ситуации, когда противник, владея контролем над морями, имел свободу выбора места и времени нанесения удара и не должен был заботиться о защите собственных границ, поведение Вены полностью меняло стратегическое положение России. Одно дело — выжидать удар противника, имея свободу маневра резервами, и совсем другое — необходимость охранять большую часть своих сухопутных границ в Европе (а потом и все эти границы), учитывая двусмысленное поведение соседей. Ключевую роль среди них поначалу играла спасенная русской помощью в 1849 г. Австрия.

Уже 1 (13) марта 1854 г. русский посол в Вене сообщил в Петербург, что через шесть недель на военное положение будут переведены войска в Венгрии, Банате, на военной границе и в Галиции — всего около 150 тыс. чел. 15 мая 1854 г. император Франц-Иосиф подписал рескрипт о мобилизации корпусов, расположенных в Галиции. Численность этих войск первоначально должна была быть доведена до 75 тыс. чел. при 140 орудиях. Одновременно мобилизация распространялась на венгерские пехотные полки, кроме того, под знамена призывались 95 тыс. рекрут срока 1855 г. Возникла сила, дальнейшее поведение которой было трудно предсказать.

Австрийский МИД в кризисной ситуации прежде всего старался определить потенциального победителя и поэтому не торопился примкнуть к какой-либо из сторон явно. Тем не менее мобилизация австрийской армии продолжилась, но теперь дополнительные 90 тыс. чел. сосредотачивались на русской границе — в Галиции и Буковине. В июне 1854 г. Австрия заключила две конвенции с Турцией. Первая предоставляла ей право на временное занятие Албании, Боснии и Черногории. Вторая приглашала ее оккупировать Дунайские княжества.

3 июня Вена потребовала от России очистить Дунайские княжества, где основные силы русской армии были скованы осадой Силистрии. Это был шаг, который дался Вене с трудом. Принимая его, Франц-Иосиф надеялся на поддержку со стороны членов Германского союза, однако вскоре он убедился в безосновательности своих расчетов. Уже в конце мая австрийцы потребовали от Пруссии выполнения обязательств по оборонительному договору от 20 апреля и начала мобилизации 200-тысячной армии в середине июня — с тем, чтобы она была завершена в конце июля 1854 г. Причина активности Вены была проста: Буоль готовился представить России ультиматум об очищении княжеств.

Русский посол в Австрии не верил в то, что Австрия решится выступить без поддержки Пруссии и германских государств, считая, что Вена ограничится демонстрациями. Его убеждение поддерживалось и почти единодушным

нежеланием австрийских военных вмешиваться в эту войну. Берлин не торопился выполнять требования Габсбургов, зато 3 июня представители средних государств Германского союза собрались в городе Бамберг (Бавария), где они приняли коллективную ноту, направленную правительствам Австрии и Пруссии. «Бамбергеры» требовали сохранения европейского баланса сил, свободы плавания по Дунаю и остальным рекам, впадающим в Черное море, сохранения неприкосновенности королевства Греческого (это был протест против оккупации союзниками Пирея), устранения Турции из Европы (за исключением Константинополя и Румелии), увеличения территории Греции за счет Эпира, Фессалии и большей части Македонии, создания объединенного государства, в состав которого вошли бы Босния, Герцеговина, Сербия, Болгария и Черногория, сохранения независимости Дунайских княжеств. Это была программа во всех отношениях враждебная планам Вены, но дружественная Берлину и Петербургу. Тем не менее 3 июня Буоль информировал Петербург о том, что Австрия придает особое значение прекращению русских наступательных действий за Дунаем, и ждет указаний на срок окончания оккупации Княжеств.

Ожидая подобного развития событий, Паскевич крайне вяло вел осаду Силистрии. 90 тыс. солдат при 266 орудиях практически простаивали. Крепость даже не была блокирована и к ней подходили подкрепления и обозы. Подобный образ действий вызывал откровенное недоумение и недовольство в русской армии. 22 апреля (4 мая) 1854 г. командующий изложил свое мнение о возможных действиях в письме к императору: *«Австрия и Пруссия заключили с Англией и Францией известный трактат, с целью заставить нас очистить Княжества... Княжества мы занимать не можем, если австрийцы с 60 000 появятся у нас в тылу. Мы должны будем тогда их оставить по принуждению, имея на плечах сто тысяч французов и турков. На болгар надежды не много. Между Балканами и Дунаем болгары угнетенные и не вооруженные; они,*

как негры, привыкли к рабству. В Балканах и далее, как говорят, они самостоятельнее; но между ними нет единства и мало оружия. Чтобы соединить и вооружить их надобно время и наше там присутствие. От сербов при нынешнем князе ожидать нечего: можно набрать 2 или 3 тысячи (des corps francs), но не более; а мы раздражим только Австрию. В Турции ожидали бунта вследствие нововведений, но до сих пор это не подтверждается. Итак, при сих обстоятельствах, ежели думать, нам полезнее предупредить вопросы Австрии и объявить, что теперь, будучи за Дунаем и угрожая туркам, мы добровольно очищаем Княжества и оставляем на попечение Европы обеспечение прав христиан Турецкой империи. Таким образом, мы отнимем у германских держав предлог к войне с нами. Злость Австрии так велика, что может быть, она предъявит новые к нам претензии; но Пруссия, вероятно, тем удовольствуется. Австрия же без Пруссии не посмеет объявить нам войны, когда мы со 170 000 будем за Прутом на фланге Галиции. Вероятнее всего, что она ничего не предпримет».

16 (28) мая Паскевич предпринял штурм вынесенного за линию основных укреплений форта Араб-табия. Русские окопы подошли к нему на 300 метров. Успешно начатая и сопровождавшаяся успехом атака закончилась неудачей. Командовавший ей генерал был убит, а его преемник неверно оценил обстановку. В результате уже в тот момент, когда русские войска преодолели ров и заняли амбразуры, прозвучал сигнал к отступлению, и штурмующие колонны вернулись, потеряв 933 чел. ранеными и убитыми. Неудача русских существенно подняла мораль осажденного гарнизона.

Между тем осада продолжалась. Саперные работы, которые возглавили инженер-генерал К. А. Шильдер и его ученик подполковник Э. И. Тотлебен, шли очень удачно. Положение Силистрии было весьма тяжелым. В конце мая ее комендант известил Константинополь, что не сможет продержаться более 10–15 дней. Эта новость вызвала панику, сераскир ожидал появления русских у стен турецкой столицы через два

Фридрих Ранделл. Иван Паскевич. 1840-е

месяца после падения крепости. Между тем подобных планов у Паскевича не было. 1 (13) июня он уехал в Яссы, сославшись на болезнь и последствия контузии. В тот же день был смертельно ранен Шильдер. Осадные работы практически остановились. За день до этого тяжелые потери в бою с иррегулярной турецкой кавалерией под Каракулом в Малой Валахии понес Александрийский 5-й гусарский полк, при отходе было потеряно четыре орудия.

11 (23) июня, после ампутации правой ноги, генерал Шильдер умер. Это был тяжелый удар для русской армии. *«Потеря Шильдера, — писал император Горчакову, — меня крайне огорчила; такого второго не будет, и по знанию, и по храбрости».* Впрочем, судьба кампании за Дунаем была уже решена. При отсутствии возможности движения за Балканы Паскевич считал взятие Силистрии абсолютно бесполезным. Еще 1 (13) июня он получил условное согласие императора на снятие осады и в тот же день приказал М. Д. Горчакову отступать. Подготовка к движению проходила, когда Паскевич уже начал получать сообщения о том, что австрийцы готовятся выступить. *«Еще раз, дай Бог, — писал он Горчакову 6 (18) июня, — что-*

бы успели хорошо отойти». Как всегда, отступление русских войск сопровождалось исходом около 5 тысяч болгарских семейств, опасавшихся резни, которую могли устроить турки. Люди уходили со скотом и пожитками, под прикрытием русской пехоты, защищавшей этот исход. Турки не преследовали.

9 (21) июня 1854 г. Горчаков начал подготовку к отходу. 14 (26) июня русские войска завершили переход на левый берег Дуная. Осада Силистрии обошлась Дунайской армии в 2500 чел. убитыми и ранеными. 15 (27) июля Горчаков начал отвод войск из Валахии и Молдавии. Николай I торопил отход Дунайской армии за Прут. При отступлении нередко случалось, что русские и австрийские пикеты находились один напротив другого. Русским войскам был отдан строгий приказ, запрещавший открывать огонь первыми. На случай, если это сделают вчерашние союзники, были готовы планы активных действий. Как отмечали австрийцы уже после войны, армия, отступая, была постоянно готова контратаковать. Это останавливало от соблазнов. Император всё же опасался вторжения австрийских войск в Подолию, где им абсолютно нечего было тогда противопоставить.

Исчезновение линии противостояния на Дунае автоматически усилило опасность для Крыма. 30 июня (12 июля) Меншиков, ссылаясь на информацию, полученную из Петербурга, Варшавы и Вены, сообщил Горчакову о том, что *«главные силы англо-французов направляются против Севастополя как к главной цели войны, состоящей в намерении истребить здешнее адмиралтейство и уничтожить черноморский флот. И приказание, и долг повелевают мне защищать их до последней капли крови, но вместе с тем предвижу, что буду раздавлен, и без успеха, если неприятель высадится в числе 50-ти или 60-ти тысяч человек, не включая сюда турок или тунисцев. Следовательно, главная забота должна быть о том, чтобы не допустить неприятеля с такими силами до Крыма, или же дать мне равное подкрепление. Вы можете, любезный князь, содействовать и тому, и другому».*

Джозеф Шульц. Турецкие войска на защите Силистрии. 1853

6 (18) июля Горчаков, получив эту просьбу, распорядился направить в Крым 16-ю пехотную дивизию. Она должна была прибыть туда в конце августа. Командующий пошел на этот шаг самостоятельно, не имея на него прав. Николай I одобрил решение Горчакова, несмотря на возражения со стороны Паскевича. Фельдмаршал разделял опасения императора относительно Австрии, но считал, что имеющиеся у Меншикова силы достаточны для обороны Севастополя. Угрозы для всего Крыма он не видел. Когда основные силы русской армии отошли за Бухарест, турки активизировались под Русуком. Особого успеха в действиях против войск прикрытия они не имели. Выводя войска из княжеств, Паскевич хотел иметь возможность в случае войны действовать против австрийцев. Но в результате отступления изменилась и военная, и внешнеполитическая обстановка.

Уход русской армии из Княжеств существенно ослабил позиции Вены в Германии: «Бамбергеры» и Пруссия приняли его весьма благосклонно и требовали

теперь следующего шага для достижения мира, а именно ухода англо-французских сил из Черного моря. Австрия уже не могла претендовать на роль лидера всех германских сил во имя прекращения войны.

В начале июля австрийские войска в основном были разделены на: 1-ю армию (67 тыс. чел., 168 орудий, под Веной), 2-ю армию (117 тыс. чел., 280 орудий, итальянская граница), 3-ю армию (116 тыс. чел., 304 орудия, Трансильвания), 4-ю армию (100 тыс. чел., 260 орудий, Галиция). Это был предел мобилизационных возможностей Австрии, и далее она была не в состоянии значительно увеличивать численность своих вооруженных сил. С другой стороны, Вена уже не могла рассчитывать на решение судьбы войны одним маневром. Готовность к нему пришла с опозданием — на Вольни и в Польше стояла русская армия.

Русско-австрийская граница в Галиции была практически лишена укреплений: единственная русская крепость — Киев — отстояла от нее более чем на 600 км. К тому же Киев находился да-

леко не в лучшем состоянии, в отличие от крепостей в Польше, которые были снабжены значительной артиллерией, запасами продовольствия и боеприпасов и быстро приводились в порядок для обороны. Опасность изолированного положения Киева задолго до войны, еще в 1843 г., ясно понимал император — австрийская армия в два перехода могла отрезать эту крепость от основного опорного пункта в передовом районе — Бреста. Единственным эффективным способом обороны считалось наступление в Галицию. Точно к таким же выводам Николай I пришел и в 1854 г. — за тем исключением, что он теперь считал особо необходимым присмотреться к возможным действиям Пруссии. Неопределенность поведения Берлина исключала возможность нанесения удара по Кракову.

Избежав после отхода угрозы окружения, Паскевич планировал оставить 50-тысячный заслон против Буковины, и, имея 150 тыс. чел., осуществить наступление в Восточную Галицию, в направлении Львова. 100 тыс. чел. из состава русской армии в Царстве Польском в таком случае должны были наступать на Западную Галицию, на Краков. Опорой оставшихся стали бы крепости Новогеоргиевск, Варшава и Ивангород, заблаговременно построенные по Висле. Фельдмаршал был готов очистить левый берег этой реки. Этот план был рискованным, но единственно возможным. Итак, оборонять границу с Австрией должны были почти 300 тыс. чел., и опасность столкновения с этими силами вынудила Вену действовать гораздо осторожнее.

Пруссия так и не пошла на мобилизацию своей армии, а за словами «Бамбергеров», к глубокому разочарованию австрийцев, последовали действия. 20–27 июля к австро-прусскому наступательно-оборонительному союзу от 20 апреля 1854 г. присоединились Саксония, Бавария, Вюртемберг, Ганновер, Гессен и Нассау. Большая часть этих государств отнюдь не поддерживала планы войны против России и угрозу «общегерманским интересам» видела прежде всего со стороны Франции.

Таким образом, прусская дипломатия, настаивавшая на расширении состава участников соглашения от 20 апреля 1854 г., исключила возможность вмешательства в войну из-за восточного вопроса. Более того, договор стал наступательным лишь по букве, зато он обеспечил охрану нейтралитета границ Германского союза, сорвав планы переброски части французской армии на Дунай через территорию германских государств. Немецкие государства не хотели вести войну с русскими армиями за спасение Турции и, возможно, на своей территории и уж тем более они не хотели видеть у себя французских солдат, о которых со времен дяди Наполеона III там остались самые скверные воспоминания.

Уже 27 июня (9 июля) император Австрии немедленно встретился с русским послом в Австрии А. М. Горчаковым и изложил свою версию необходимости занятия его войсками Дунайских княжеств: *«Верьте, что никакой враждебной по отношению к вам мыслию не было продиктовано это мероприятие, я был удивлен успешностью вашего ухода, я боялся анархии и вторжения турок, бедственного для населения, и я считал долгом гуманности помешать этому двойному несчастью присутствием части моих войск. Но раз ваши войска покидают Валахию лишь частично — вопрос меняется, и вы можете быть уверены, что не успеете вернуться домой, как уже будет отдан приказ моим генералам не двигаться дальше и держаться вдали от Валахии, пока ваша армия там будет находиться»*. Николай I уже не верил словам. Он был потрясен случившимся. *«Доверие, — заявил он австрийскому послу 24 июня (6 июля) 1854 г., — соединявшее доселе обоих монархов ко благу их государств, разрушено, искренние отношения между ними не могут более продолжаться»*.

Император был прав. Вскоре колебания Австрии были преодолены. 14 июля состоялось заключение австро-турецкой конвенции, по которой Вена брала на себя обязательства гарантировать вывод русских войск из княжеств дипломатическими или военными средствами,

за что на время войны Константинополь соглашался на австрийскую оккупацию этих территорий.

4 (16) сентября последний русский отряд перешел через Прут, Дунайская армия вернулась в пределы Империи. Проблем при отходе не было, армия двигалась как на маневрах, снабжение и движение были прекрасно организованы. Перед уходом местные войска были разоружены, часть офицеров, пожелавших уйти с отступавшими, были приняты на русскую службу. Вслед за уходящими русскими войсками в княжества ненадолго вошли турки. 10 (22) августа Омер-паша вступил в Бухарест. В тот же день австрийцы перешли границы Валахии, и медленно и осторожно вошли в княжества, разделяя, таким образом, турок и русских.

Этот свой шаг австрийская дипломатия объясняла интересами России в Петербурге и союзников — в Париже и Лондоне. На самом деле Буоль надеялся, что в будущем оккупация Молдавии и Валахии может продлиться и они будут присоединены к Австрии. Австрийцы вели себя в княжествах именно так, как будто они были уже уступлены Вене. Их армия установила жесткий оккупационный режим, вызвавший общее недовольство. В отличие от русских, австрийцы не расплачивались за поставляемые армии продукты золотом, предпочитая платить бумажными деньгами, курс которых постоянно падал. Тем временем Буоль отнюдь не стремился рисковать и доводить противостояние с Россией до открытого столкновения, но тем не менее перспектива развития ситуации оставалась неясной. Фактически Вена уже выступила союзником Турции, занимая Дунайские княжества по соглашению с Константинополем. Между тем отношения между австрийцами и турками в княжествах были далеко не дружественными, княжества были разорены, австрийцы отказывались помогать солдатам Омер-паши продовольствием, фактически вытесняя их за Дунай.

Несмотря на оккупацию княжеств, австрийский министр иностранных дел продолжал заявлять русским диплома-

там, что при выработке условий будущего мира Франция и Англия никогда не смогут рассчитывать на поддержку Австрии в случае, если они планируют «сократить или унижить Россию». Ничего хорошего подобные заверения не обещали, скорее наоборот... *«По мере того, как мы изыскивали средства успокоить несправедливые опасения Австрии, — отмечал в начале августа 1854 г. Николай I, — она, смеяя всё более, вступила в соглашение с Францией и Англией с целью подтвердить общность их намерений. И это случилось в то время, когда оба эти государства были уже в войне с нами; сама же Австрия считала себя в мире с Россией... <...> Она, утверждая, что находится с нами в мире, вооружалась в чрезвычайных размерах и двинула большинство своих сил не только в те свои области, откуда они угрожали флангу и тылу нашей армии в Княжествах, но и непосредственно к границе нашей Империи. <...> Я спрашиваю, в войне или в мире мы с Австрией, и могут ли быть нами терпимы ее поступки без унижения в собственных наших глазах и в глазах всего света. Не пора ли потребовать удовлетворения за всё, что сделано актами, не поддающимися квалификации?»*

Тем не менее на дальнейшее обострение отношений с Веной Петербург не пошел. Германские государства, не поддерживая Австрию в ее планах развязывания войны, на деле гарантировали ее территорию и войска в княжествах от всякого нападения. Неопределенность ситуации на юго-западных и западных границах России не изменилась вплоть до конца года. *«При подобном положении дел, — писал император М. Д. Горчакову 30 ноября (12 декабря) 1854 г., — вопрос уже в том, где большая опасность и куда усилия обороны нашей должны преимущественно обращены быть? Думаю — Петербург, Москва, или тут, в центре России, и Крым с Николаевым. Прочее второстепенной важности, в сравнении...»* Действительно, в результате действий австрийцев инициатива полностью перешла к противнику. Русская и союзные армии практически полностью потеряли возможность встречи на Балканах. Россия была отсечена от Европей-

ской Турции, за исключением небольшо-го участка в низовьях Дуная в болотистой Добрудже. Использовать его для ведения военных действий русское командование, хорошо знакомое с театром военных действий, не собиралось.

Зато это сделал маршал Сент-Арно. Союзники практически не имели сведений о противнике. Британская рекогносцировочная партия, отправившись из Варны, не встретила ни одного человека на расстоянии 150 миль. Попытки привлечь в качестве шпионов болгар завершились полным провалом. Была предпринята попытка сформировать иррегулярную кавалерию из мусульман на манер казаков или спахов (арабские части, формировавшиеся французами с 1834 г. в Алжире). Имевшему опыт командования такими подразделениями генералу Юсуфу было приказано создать из башибузуков четыре кавалерийские бригады по два полка в каждой. Юсуф скептически смотрел на перспективы выполнения приказа: под знамена собиралось всякое отребье, годившееся только для резни и грабежа. Тем не менее их назвали громким именем «Спахи Востока» и попытались использовать в поле. Сент-Арно был болен и, опасаясь того, что ему придется покинуть армию, торопился достичь успеха.

7 (19) июля августа маршал отправил в Добруджу в разведывательную экспедицию 1-ю дивизию — элиту французской армии, поддержанную отрядом башибузуков Юсуфа, всего 10,5 тыс. чел. К 24 июля (5 августа) войска должны были вернуться в Варну. Экспедиция дошла до Кюстенджи (совр. Констанца, Румыния) с огромными медицинскими потерями для французов — около 4,5 тыс. чел. заболевшими и умершими (минимальная цифра из называемых), большая часть башибузуков разбежалась. В небольшой стычке с казачьим пикетом было ранено и убито несколько человек. 13 августа 1854 г. войска вернулись в Варну и привезли в союзнический лагерь холеру. Сделать подарок

ко дню рождения Наполеона III — 15 августа — не удалось. Остатки кавалерии Юсуфа были распущены по домам. Этим проблемы не ограничились. 10 августа сам лагерь был почти полностью уничтожен пожаром в городе — союзники потеряли запасы одежды, 16 тыс. пар обуви, 150 тонн бисквитов и т. д., но сохранили боеприпасы. Героические усилия французских военных инженеров спасли от огня склад с хранившимися там 5000 пудов пороха. В случае взрыва этих запасов последствия для союзников были бы ужасными.

Впрочем, и без этой катастрофы положение англо-французов оставалось весьма тяжелым. Прибывшие без обозов англичане столкнулись с проблемами снабжения. Не хватало даже хлеба, выпечку которого британское командование попыталось организовать на месте. С раннего утра солдаты вынуждены были выстраиваться в очереди за дневной порцией, которой не хватало на всех. Положение французов в этом отношении было несколько лучше, их интенданты снабдили свою армию галетами.

Санитарное состояние было ужасным. В Варненском лагере армии союзников несли значительные потери от болезней, за короткое время там умерло еще около 3,5 тыс. чел. Эпидемия нарастала. Только французы к 19 августа насчитывали 12,5 тыс. чел. заболевшими. Потери французов умершими составили, по разным оценкам, до 7 тыс. чел., англичан — несколько меньше. Сент-Арно докладывал своему императору, что его армия физически не в состоянии совершать длительные марши, и особенно по направлению к Дунаю. Тем не менее союзники сохраняли свободу выбора времени и места при планировании своих действий. Угрожать территориям Франции и Англии или даже Балканам Россия не могла. Таким образом, она потеряла возможность ведения военных действий по собственной инициативе.

Война в Закавказье. 1854 год

Единственным участком возможных активных военных действий для русских войск оставалось Закавказье, где они должны были учитывать и угрозу с тыла. Еще в январе 1854 г. Меншиков считал возможным удержать Новороссийск, Геленджик и Сухум при любых обстоятельствах. Весной ситуация изменилась, и по его приказу начальник Черноморской линии вице-адмирал Л. М. Серебряков начал готовить отход из укреплений. 3 (15) марта, вслед за разрывом отношений с Англией и Францией, русская эскадра в составе семи пароходов, буксировавших пять транспортов, приступила к эвакуации фортов и опорных пунктов черноморского побережья Кавказа. Люди, оружие, боеприпасы, лошади и продовольствие вывозились, укрепления разрушались. 5 (17) марта эскадра пришла в Новороссийск, где высадила 3849 чел. Гарнизоны остались только в укреплении Святого Духа и в Гаграх, откуда нельзя было вывезти людей из-за плохой погоды. 23 марта (4 апреля) в Новороссийске было высажено 438 чел. — гарнизон укрепления Святого Духа.

Положение Гагринского укрепления было трагическим: благополучный отход по горам исключался, так же как и успешная оборона в случае подхода эскадры союзников. Помочь вызвался греческий шкипер Сарандо Фотий. На своем судне «Иоанн» 23 апреля (5 мая) он перевез в Керчь весь гарнизон Гагр — около 600 чел. Все участники этой рискованной экспедиции, проходившей буквально под носом у пароходов англо-французов, отка-

зались от денежного или иного вознаграждения, заявив, что лучшей наградой для них будет спасение жизней русских солдат.

Таким образом, с окончанием весны 1854 г. противник мог без всяких препятствий поддерживать связь с горцами, перевозить оружие и боеприпасы, что увеличивало опасность активизации их набегов. В ответ в сторону бывших укреплений, где обосновались пункты снабжения, был организован ряд экспедиций русских войск. Их действия были неожиданными и потому успешными.

По планам союзников, в 1854 г. предполагалось организовать наступление на Тифлис с трех направлений: из Карса, Батума и Баязета. В марте 1854 г. А. Чарторыйский представил Пальмерстону меморандум, уверяя, что в случае удара по Тифлису все народы от Каспийского до Черного морей восстанут против России. Восставших предлагалось вооружать и ставить под командование служивших на Кавказе поляков, которые массами начнут дезертировать из русской армии. Однако турецкое вторжение в Закавказье, вопреки надеждам некоторых политиков, отнюдь не вызвало подъема «освободительной» борьбы против России.

Характер тех, кто не выполнил функцию освободителей, хорошо описан турецким офицером, воевавшим в этой армии: *«Турецкий солдат очень любит головы и никак не может понять возможность сражаться, не снимая голов с плеч своих неприятелей»*. Значительную часть армии, которую Чарторыйский мечтал навести на Грузию, составляли ополчения аджар-

цев. «*Турецкая Гурия (то есть район Батума, Аджария — А.О.), — отмечал адъютант командующего турецкой Батумской армией, — имеет около 30 000 жителей, говорящих на грузинском языке, — все без исключения магометане и к тому весьма фанатичны. Главное занятие — разбой, земледелие и садоводство. Последние две отрасли принадлежат более женщинам, чем мужчинам. Мужчины предпочитают шляться по лесам, заниматься разбоем и поимкой детей, мальчиков и девочек, отправляемых затем в Трапезонд и Константинополь*». Неудивительно, что турецкие войска при наступлении в Грузию, как и всегда, отличились невысоким уровнем дисциплины, грабежами и насилием над мирным населением и восстановили забытую при русском господстве практику похищения людей для работорговли, благо рядом находились Батум и Трапезунд с их невольничьими рынками. Естественно, что христианское население Закавказья предпочло оставаться верным России. Что касается мусульман этого региона, то, будучи шиитами, они по-прежнему ориентировались

в религиозном и культурном отношении не на Турцию.

14 (26) июня 1854 г. действующий корпус Кавказской армии переходил русско-турецкую границу. Командовавший им генерал В. О. Бебутов издал в этот день два приказа. Первый из них гласил: «*Храбрые товарищи! Наступил час, с нетерпением вами ожидаемый, и мы переходим рубеж края, который со всеми крепостями в нем находящимися, 26 лет тому назад завоеван был победоносным Российским оружием и великодушно уступлен Государем Императором воюющей с нами неблагоприятной Турцией, и где шесть месяцев тому назад, со свойственной вам храбростью, нанесли вы поражение туркам, почти вчетверо числом вам превосходившим...*» Второй приказ касался отношения к мирному населению: «*Ребята! В конце прошлого г., по объявлении войны, я приглашал мирных жителей Турции оставаться в своих домах и дал им слово, что их собственность не будет тронута. Не изменяйте же данному мною обещанию, уважайте их храмы, не касайтесь их имущества, не нарушайте спокойствия их семейной жизни и не посягайте*

Русские войска перед Баязетом в 1854 году

на беззащитных вдов и сирот! Я употреблю все усилия, чтобы вы ни в чем не нуждались; взамен требую от вас строгого исполнения всех моих приказаний. Будьте страшны только врагам, держащим вступить с вами в бой, и карайте их беспощадно; но не трогайте беззащитных жителей. Надеюсь, что вы послушаетесь моего благого совета и приказаний, избавьте ваших ближайших начальников от ответственности, а меня не поставьте в неприятное положение — прибегать к мерам строгости». В отличие от турок, реквизировавших продовольствие и фураж у местного населения, русская армия расплачивалась за всё наличными, и жители пограничных пашалыков с удовольствием снабжали ее всем необходимым. Разница в поведении и мотивации действий двух армий была очевидна.

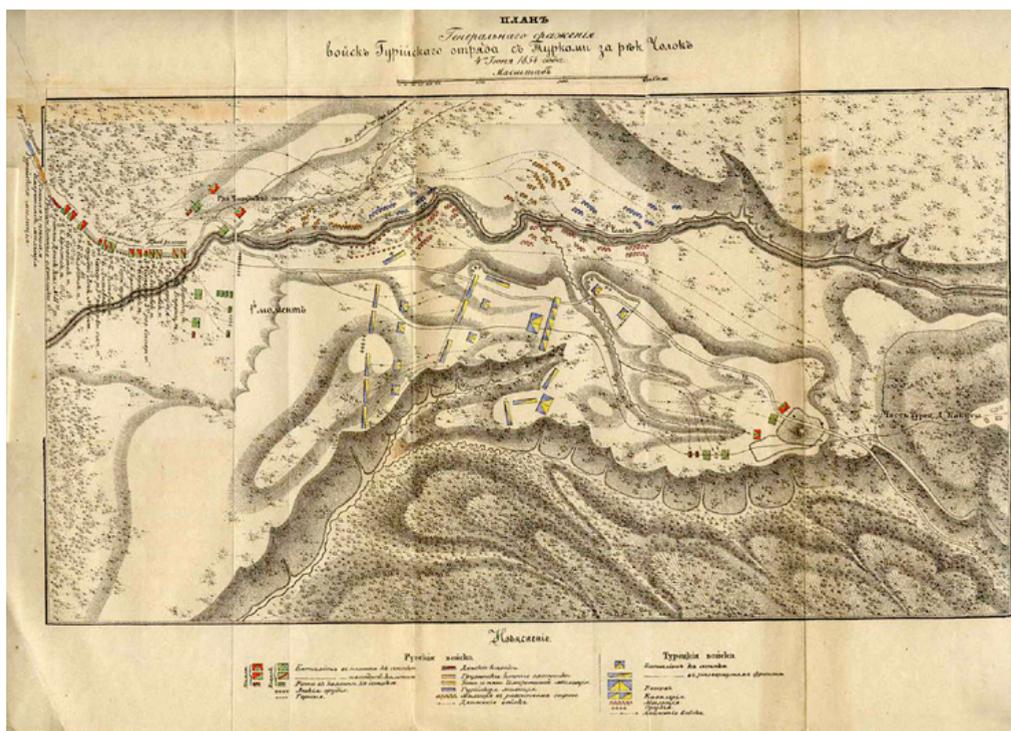
Дипломатия союзников с самого начала прилагала значительные усилия, чтобы вовлечь в коалицию и Персию, но та предпочла не рисковать, и заключила с Россией 29 сентября 1854 г. конвенцию о нейтралитете. Тегеран обязался не допускать вывоз хлебных припасов в Турцию и поддерживать порядок на границе (ст. 1), не допускать вывоза хлеба союзникам Турции (ст. 2). Россия, со своей стороны, обязалась строго соблюдать соглашения с Персией и отказывалась от последнего курура туманов контрибуции, которую ей должен был выплатить Тегеран (ст. 3). Все остальные положения русско-персидских отношений оставались без изменений (ст. 4).

Руководство Кавказского жандармского округа в 1855 г. доносило в Петербург, что *«большинство мусульманского населения за Кавказом, сочувствовало Персии по религии и родственным связям; в настоящую войну с Турцией не представляет особенных причин заключать о расположении их и готовности содействовать сим последним; как шииты... они не могут разделять враждебных нам намерений Турции, принадлежащей к Суннитской секте и готовы содействовать войскам нашим»*. В результате граница с Персией была практически оголена от войск — ее охраняли посты четырех Донских казачьих полков и восьми рот пехоты.

Союзные эскадры заняли ряд небольших фортов на Черноморском побережье Кавказа, предусмотрительно оставленных немногочисленными русскими гарнизонами, и высадили там турецкие десанты. Это дало возможность союзникам установить контакты с черкесскими племенами и раздать оружие и боеприпасы. Однако бурные надежды (особенно характерные для французов) на то, что горцы выставят многочисленные ополчения, которые смогут изгнать русские войска не только из Кавказа и Закавказья, но и перенести военные действия в район нижнего Дона и Крыма, скоро развеялись как дым. Союзникам не удалось наладить прочного контакта и с Шамилем. *«Мне кажется, — писал Стратфорд Каннинг, — что Шамиль — это фанатик и варвар, с которым не только нам, но и Порте будет трудно установить какие бы то ни было удовлетворительные отношения. Его наиб в Черкессии — такой же»*. При искреннем непонимании и недоверии друг к другу союзники, турки и горцы действовали разрозненно.

Попытки французов обрести друзей в Закавказье иногда приобретали явно анекдотический характер. Так, в 1854 г. во французской прессе появилась информация о Леоне VII, «короле Армении», который объявил, что *«отныне русский император Николай перестал царствовать на всех территориях армянских»*. Как и следовало ожидать, «король» оказался проходимцем, реальная власть определялась не газетными утками и брошюрами, а силой.

Турецкая армия весной–летом 1854 г. была разделена на три части: на флангах, в Батуме и Баязете, находились два сильных корпуса, в центре, в Карсе, собиралась ударная сила — Анатолийская армия. Батумский корпус попытался прорваться к Тифлису, но был остановлен после взятия Озургети. Потерпев ряд поражений, 28 мая (9 июня) турки вынуждены были покинуть город, отступив за реку Чолок. 4 (16) июня генерал-лейтенант князь И. М. Андронников, имея 10 тыс. чел. при 18 орудиях, атаковал 34-тысячную турецкую армию, стоявшую за рекой на укреп-

План сражения при Чолоке

ленных позициях и имевшую 13 орудий. Потеряв до 4 тыс. убитыми и до 14 тыс. разбежавшимися (последняя категория потерь в основном относится к местному ополчению, набранному из любителей резать головы и заниматься торговлей похищенными детьми), турки оставили всю артиллерию и лагерь и бежали по направлению к Кобулету. Общие потери наступавших не превышали 1,5 чел.

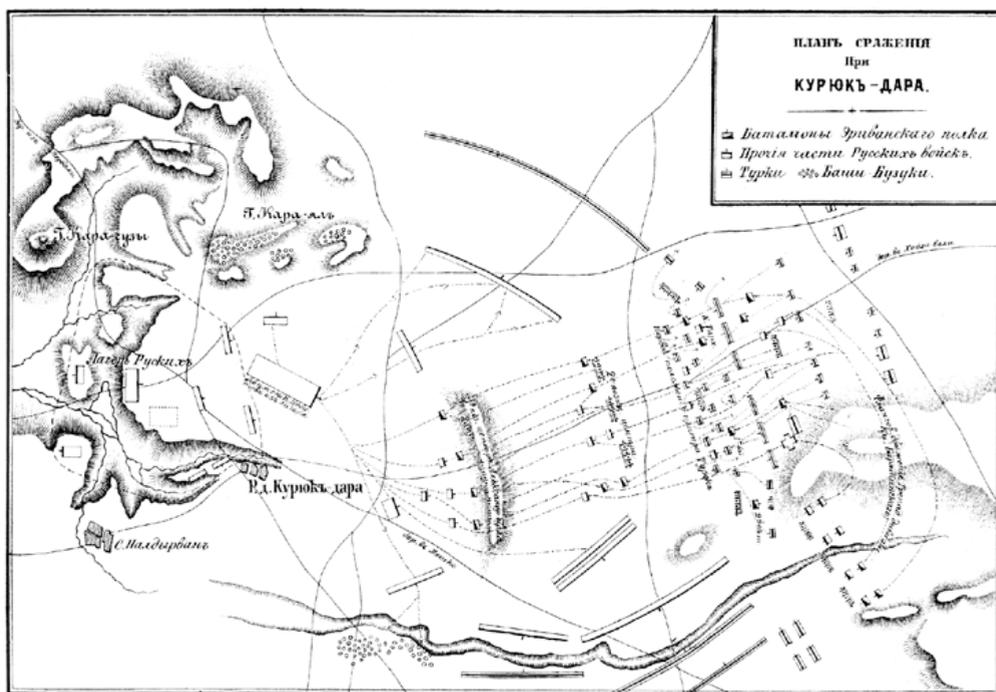
Батумское направление было обеспечено при Чолоке: после значительных потерь остатки батумского корпуса укрылись в нескольких прибрежных укреплениях и никак не тревожили наши войска.

Вскоре последовала победа на левом фланге русско-турецкого фронта. 17 (29) июля войска Эриванского отряда под командованием генерал-лейтенанта барона К. К. Врангеля уничтожили Баязетский корпус противника на Чингильских высотах. Потеряв около 2 тыс. чел. и 4 орудия, турки разбежались. Ближайшим результатом этой победы стало взятие 19 (31) июля Баязета. Его гарнизон бежал в Ван, оставив склады с запасами на 1 млн руб-

лей. Русские войска поставили под угрозу караванный путь Трапезунд–Эрзерум–Тебриз. 22 июля (3 августа) немногочисленный отряд Врангеля покинул город, предварительно уничтожив все военные запасы. Хранившееся на складах зерно было роздано местным жителям.

24 июля (5 августа) 1854 г., генерал-лейтенант кн. Бебутов нанес сокрушительное поражение основным силам Анатолийской армии при Курюк-Дара. Турецкое командование было скверным, но хуже всех повела себя кавалерия. Попытки представителей союзников удерживать турок успеха не имели.

Следует отметить, что рядовые солдаты регулярных частей дрались упорно, обстановка несколько раз становилась весьма опасной. И тем не менее 18-тысячный русский отряд разбил вдвое превосходящего противника, его трофеями стали 15 орудий, 26 знамен и значков, в плен попало более 2000 чел. Потери турок убитыми превысили 10 тыс. чел, до 12 тысяч башибузуков разбежались. Потери русских ранеными и контуженными состави-

План сражения при Курюк-Дара

ли 3054 чел., убитыми — 599 чел. Один из французских офицеров ободрял своих подчиненных, говоря, что в любом случае они были бы разбиты и лучше отступать от Курюк-Дара несколько часов, чем от Тифлиса несколько дней, не имея в желудке ничего, кроме казачьей пики. Башибузуки не оценили юмор своего командира и зарезали его.

После сражения Бебутов обратился к своим подчиненным: «Узнав же, в ночь с 23 на 24 июля, что турки, надеясь на свою многочисленность, решились, наконец, дать сражение в открытом поле, я с упованием на Всемогущего Бога, всегдашнего поборника оружия русского и уверенный в вашей непоколебимой храбрости, смело пошел с вами навстречу врагу и ни тройное превосходство турок в числе, ни многочисленная их артиллерия, ни советы и участие новых их союзников, европейских эмигрантов, не могли спасти турецкие войска от ударов ваших. Неприятель, охватывавший нас с трех сторон своими громадными колоннами, и мечтавший смыть, наконец, стыд поражений, постоянно вами ему наносимых, после шестичасового кровавого боя, снова был опрокинут на всех

пунктах. Вы опять видели пред собою беспорядочные толпы его бегущими и оставляющими в руках наших часть своей артиллерии, знамена и пленных. Принося благодарственную молитву Господу Богу за дарованную победу, святым долгом считаю от сердца благодарить вас, мои храбрые и добрые товарищи, за ваши за вами чудные подвиги. Не считаю себя вправе наименовать здесь кого-либо: вы все, от генерала до солдата, в этот день были герои».

Ближайшие резервы Бебутова находились в Тифлисе (четыре батальона), Ахалакалаки (два батальона) и Ахалцыхе (пять батальонов). С их подходом его отряд мог увеличиться до 30 батальонов, но для этого требовалось время. Осадный парк находился в Александрополе. Не имея возможности немедленно развить свой успех, Бебутов после новой победы вынужден был занять положение наблюдателя, стража русской границы в Закавказье. Отсутствие осадной артиллерии и резервов исключали возможность атаки крепости Карс, под защитой стен которой вновь собиралась 40-тысячная Анатолийская армия. Бебутов вынужден

был выжидать того момента, пока турки не выйдут снова из-за стен Карса в поле. Между тем турки в крепости отнюдь не усиливались, скорее наоборот. В результате их союзники решили не терять времени. После поражений в Закавказье английское правительство, весьма обеспокоенное ходом дел в Малой Азии, решило отправить туда своего специального комиссара, который получил экстраординарные полномочия и полную поддержку посла в Турции лорда Стратфорда Каннинга, имевшего в этот период неограниченное влияние на султана.

«Когда полковник Вильямс¹ приехал к своему назначению, — отмечал французский автор, — Карская армия существовала только по имени; беспечность правительства, варварское невежество и бесстыдная алчность генералов, бесчинство, пьянство, возмутительная гнусность офицеров служили источником длинного ряда бедствий ее. Все роды службы были расстроены, кассы пусты, страна разорена, солдаты в величайшей нищете и дезертировали тысячами; Карсу предстояло оставаться без защитников». С редким трудолюбием и упорством он начал подготовку обороны Карса и вскоре значительно преуспел в этом. Потери от болезней, поражений и дезертирства привели к тому, что в ноябре 1854 г. гарнизон Кар-

са сократился с 28 тыс. чел. до 13221 чел. при 34 полевых орудиях (по списку армия в начале военных действий имела 84 орудия). К весне 1855 г. благодаря деятельности Вильямса медицинские потери турок резко сократились, и численность армии выросла до 22 тыс. чел., включая иррегулярные части.

Успехи русских войск заставили ослабить блокаду основных районов Кавказской войны.

После неудачного похода на аул Дарго в 1845 г. Воронцов полностью изменил тактику действий против Шамиля. Теперь вместо походов на резиденции имама, которые вели к бессмысленному напряжению сил и тяжелым потерям, приступили к действию топором и лопатой — в лесах прорубались просеки шириной в два картечных выстрела, превращавшиеся в дороги. Наступление велось методично, последовательно, с твердым занятием территорий.

К началу 1853 г. успех был очевиден, и Наместник ожидал скоро перелома, но начавшаяся война всё изменила. Теперь основные силы Кавказского корпуса были направлены против турок. Этим не замедлил воспользоваться Шамиль. В июле 1854 г. он совершил набег в Грузию. Разбросанным частям регулярной армии и местной милиции под командованием генерал-лейтенанта князя Г. Д. Орбелиани с большим трудом удалось отразить нашествие. При этом один из отрядов сумел дойти до Цинандали, в 60 км от Тифлиса, и ограбить это родовое поместье князей Чавчавадзе. В плен были уведены семьи князей подполковника Д. А. Чавчавадзе и генерал-майора И. Д. Орбелиани вместе со слугами, боннами и управляющим поместьем — всего 22 человека. Это событие вызвало в Тифлисе удрученные настроения и поначалу даже панику. Горожане считали свой город абсолютно беззащитным.

Активизация действий горцев и заметно улучшившееся командование турецкой Анатолийской армии в Карсе вызвали и заметное беспокойство у командования Кавказского корпуса. Признав

1 Вильям Фенвик Вильямс (1800–1883), британский военный деятель, баронет (1855), генерал (1868). В 1825 г. начал службу в королевской артиллерии в звании второго лейтенанта. В 1841 г. в звании капитана служил инструктором в арсенале Константинополя. В 1847 г. — британский представитель при подписании турецко-персидского договора в Эрзеруме, произведен в брест-майоры. В 1848 г. — представитель при пограничном турецко-персидском урегулировании, произведен в подполковники, награжден крестом Британии. В начале Крымской войны произведен в полковники британской армии и направлен в турецкую Анатолийскую армию, за оборону Карса произведен султаном в ферики (генерал-лейтенанты турецкой армии). После возвращения из русского плена пожаловано баронетское достоинство, звание генерал-майора, большой крест Почетного Легиона, ордена Британии, ордена Меджидие, Вильямс получил почетный меч от мэрии Лондона, стал почетным доктором Оксфорда (1855). Начальник Вулвичского арсенала (1855), член парламента (1856–1859), командующий войсками в Канаде (1859–1865), генерал-лейтенант (1864), генерал (1868), губернатор Новой Шотландии (до 1870), губернатор Гибралтара (1870–1876), констебль Тауэра (1881).

Франц Рубо. Эпизод из битвы при Курюк-Дара. 1900

невозможным одновременно эффективно противостоять и Шамилю, и туркам, осенью 1854 г. оно обратилось в Петербург с просьбой о подкреплениях. Минимум требований представлял дивизию пехоты с артиллерией, полк регулярной кавалерии и несколько донских казачьих полков. В противном случае штаб корпуса считал необходимым очистить Дагестан или передовые укрепления Кавказской линии. Оба последних решения неминуемо привели бы к расширению очага Кавказской войны и грозили трудно предсказуемыми последствиями.

В результате Николаем I было принято совершенно другое решение: наместником и главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом был назначен

командир Гренадерского корпуса генерал-адъютант Н. Н. Муравьев. Перед ним была поставлена задача сохранить положение, используя исключительно местные силы, не рассчитывая на подкрепления. Генерал был старым кавказцем, и первым своим приказом он призвал корпус готовиться к мужественному выполнению долга: *«Для России настала година испытаний. Уже многие сотни тысяч ратников ополчаются на защиту родного края, воскрешая в памяти народа бессмертное время войны отечественной. Станем же и мы, полные рвения и готовности за святое дело. Вспомним недавние подвиги, еще свежие в памяти неверных, и грядем все дружно, с единым духом, с теплою верою в правосудие Божие, на нечестивого врага России и православия».*

Война с июля по сентябрь 1854 г. Направление главного удара

Главным вопросом для лета 1854 г. было избрание направления главного удара англо-франко-турецкой коалиции. Очевидное, казалось бы, кавказское направление было отвергнуто, хотя силы русской армии здесь и в 1854-г., и в начале 1855 г. были весьма скромными. Они состояли из Гурийского отряда (17,75 батальона, 11 сотен и 28 орудий — 8,5 тыс. чел., которые можно было усилить местным ополчением до 15 тыс. чел.); Ахалцихского отряда (13 батальонов, 15 сотен, 16 орудий — около 10,5 тыс. чел.); Эриванского отряда (4 батальона, 16 сотен, 8 орудий — 5 тыс. чел.); главного Александропольского отряда (21,5 батальона, 28 эскадронов, 21 сотня, 76 орудий — 22 тыс. чел., которые были потом усилены на 2,5 тыс. иррегулярных всадников из числа грузинских, армянских, татарских и курдских ополченцев). Между этими отрядами распределялись 82 сотни ополчений местной милиции (около 8200 чел. — ополченческие части никогда не оставались в постоянном списочном составе). Всего на линии Ахалцих–Ахалакалаки–Александрополь–Эривань имелось 28 тыс. штыков, 9,7 тыс. сабель и шашек, 100 орудий. Набегом на Цинандали в июле 1854 г. собственно и ограничилось содействие Шамиля союзникам. Те довольно быстро разочаровались в своих надеждах на помощь имама.

На фоне сомнительных военных достижений союзников многое зависело от того, удастся ли им расширить коалицию в Европе и Азии. Значительное место в планах Лондона и Парижа занимала Австрия, позиция которой постоянно ко-

лебалась в зависимости от хода военных действий и настроений среди государств Германского Союза, которые по прежнему не горели желанием поддерживать Вену в действиях против России. Для придания уверенности венским политикам союзники предложили им формальный наступательный и оборонительный договор, что в значительной степени способствовало преодолению колебаний Австрии. Мобилизация армии и ее сосредоточение на русской границе привели финансы этого государства летом 1854 г. почти к полному краху.

До революции 1848–1849 гг. военные расходы Австрии равнялись приблизительно 50 млн флоринов в год, в ходе ее они почти удвоились, и оставались на этом уровне по ее окончанию. Но в 1854 г. военные расходы увеличились до 198 219 783 флоринов, что составило более 42 % государственного бюджета Австрии. В следующем г. расходы выросли до 211 002 721 флоринов. Уже в начале 1855 г. они составили 175 млн и Вена вынуждена была искать возможности заключить займ. 14 (26) февраля русский посол в Австрии сообщал, что Франц-Иосиф стремится завершить возникшие внешнеполитические затруднения на конференции. Император стремился ограничиться дипломатическим сотрудничеством и в любом случае избежать военного конфликта с Россией. 8 августа 1854 г. представителями Англии, Франции, Австрии и Пруссии была подписана нота о предварительных условиях мира, которые от имени союзных держав Австрия предъявила Петербургу.

«Четыре пункта», которые должны были стать основой для будущего мира, включали в себя следующие положения:

1) замена русского покровительства над Дунайскими княжествами коллективным — пяти держав;

2) свобода судоходства по Дунаю;

3) пересмотр Лондонской конвенции 1841 г. в пользу союзников;

4) замена русского покровительства над православными подданными султана коллективной гарантией их прав, данной европейскими странами.

Россия решительно отказалась принять эти условия полностью, согласившись с ними только как с основой возможного примирения. Отказ Николая I капитулировать стал известен в Вене 1 сентября 1854 г. и вызвал там панику. Франц-Иосиф немедленно подтвердил свое нежелание вступать в войну. Воспользовавшись резким ухудшением положения боснийских и герцеговинских сербов, не защищенных провозглашенным за полтора десятка лет до этого Гюльханейским хатт-и шерифом, а также тем, что внимание великих держав было отвлечено от Балкан, австрийцы активно поддерживали прозелитскую деятельность католической церкви в Боснии и Герцеговине. Обещая поддержку и защиту Вены в случае перехода в католичество, миссионеры призывали православное население этих провинций принимать католицизм или переходить в унию.

Тем временем Англия и Франция продолжали действовать и без помощи Вены. Париж и Лондон поставили перед собой цель полного уничтожения русских военно-морских сил на Черном море. Война приобрела характер противостояния политически изолированной России и коалиции морских держав и Турции. Военные усилия России, вынужденной прикрывать практически все свои европейские границы, были чрезвычайно велики, тем более что нейтралитет Пруссии, Швеции и особенно Австрии гарантировался только стоящими на их границах русскими армиями.

Русская армия была готова к войне с Турцией, но не со всеми великими

европейскими странами одновременно. Основной ее сложностью была нехватка обученных кадров и нарезного стрелкового оружия. К 1 января 1853 г. общая численность армии составляла 27.716 генералов и офицеров и 968.382 нижних чинов. За год удалось увеличить численность резерва до 2780 генералов и офицеров и 980.931 нижних чинов. Этого оказалось недостаточно для того, чтобы прикрыть границы России. Только в районе Финского залива пришлось сосредоточить свыше 270 тыс. чел.

7 (19) октября 1854 г. Паскевич дал верную характеристику стратегической головоломки в письме к Горчакову: *«Настоящее наше положение таково, что опасность угрожает нам со многих сторон. Поэтому должно прежде всего строго разобрать, где опасность наибольшая и последствия ее будут губительнее для России. Расстояние у нас так велико, что мы не можем быть сильны на всех пунктах, или обращать все силы на один пункт против нападения в настоящую минуту, чтобы потом успеть оборониться и на другом пункте, где опасность может быть важнее. Мы принуждены так рассчитывать, чтобы не терять ни минуты из виду главнейшего неприятеля, от успехов которого зависит участь войны, а может быть, и будущая судьба России».*

Весьма показательное положение, сложившееся непосредственно в столице Империи. В связи с опасностью нападения противника на западные границы государства в сентябре 1854 г. гвардия была передислоцирована в Остзейские губернии и Виленское генерал-губернаторство. Для прикрытия столицы из резервных и запасных частей было приказано *«образовать Гвардейский Резервный Пехотный Корпус, имея в оном, наравне с Действующим Корпусом, три резервные дивизии, разделенные на 6 бригад и 12 резервных полков».* При формировании резерва путем слияния небольшой части специально оставляемых старослужащих солдат с рекрутами его командование столкнулось с огромными сложностями. Кроме нехватки офицерских кадров, уже в 1854 г. обнаружилась нехватка пороха и свинца. Для стрелко-

вой подготовки солдат выделялось старослужащим пороха на 10, а свинца на пять выстрелов, а рекрутам, соответственно, — на 15 и восемь.

Сказывалась и техническая отсталость русских Вооруженных Сил, несопоставимость промышленного и финансового потенциала России и союзников. Армий, полностью вооруженных штуцерами, в Европе не было ни в Крымскую войну, ни даже в первые годы по ее окончании. Исключением была Швейцария, крохотная армия которой получила винтовки в 1850 г. В России пехота была вооружена ружьем образца 1808 г., который был немного изменен в 1828 и 1832 гг. Во Франции самая многочисленная часть пехоты была вооружена «образцом 1777 г». (или различными его вариантами, изменения происходили и в 1816, и в 1822 гг., при этом срок службы ружья вплоть до 1840-х равнялся 50 годам, после Крымской войны гладкоствольные ружья переделывали в нарезные образца 1857 г., с которыми французская армия вышла на войну с Австрией в 1859 г.).

В Пруссии в строю по прежнему ходил «потсдамский мушкет», принятый на вооружение приблизительно в то же самое время, что и его французский аналог. Наиболее распространенное ружье английской армии — «Браун Бесс», появилось в 1730-х гг., продержалось в войсках до Крымской войны, и даже до восстания сипаев 1857–58 гг. Возглавлявший британскую армию с 1827 по 1852 гг. герцог Веллингтон не считал необходимым менять что-нибудь в созданной им во время войны с Наполеоном машине. Правда, примерно с 1842 г. в Англии началось постепенное перевооружение пехоты.

Всё началось с того, что вместо кремневого замка в ружье вводился пистон или капсюль. Введение этих новшеств шло повсюду и повсюду вызывало критику и сопротивление противников преобразований. С начала 1840-х гг. во Франции начались эксперименты по модернизации штуцеров, которые позволили бы упростить их зарядание до уровня глад-

коствольного, сохранив преимущества нарезного оружия. Огромное значение приобретало введение новой формы пули, в том числе и конической — системы Минье².

В Пруссии в 1841 г. была запатентована игольчатая винтовка Дрейзе³, которой в 1848 г. были вооружены фузилерные батальоны 32 линейных полков. В 1849 г. для егерских батальонов был введен штуцер Дрейзе (перевооружение винтовками в Пруссии прошло в 1855–1857 гг.).

В 1844 г. французскому правительству был представлен вариант штуцера, который после доработок был принят на вооружение стрелковых батальонов в 1846–1848 гг. Он был тяжелее и дороже гладкоствольного ружья и уступал ему в скорострельности.

В 1851 г. в английской армии начали вводиться и винтовки новой, усовершенствованной формы, позволяющей использовать пули системы Минье. Одновременно начались эксперименты по введению винтовки уменьшенного калибра. Первоначально остановились на 5,777 линии (14,681 мм.). Разные виды винтовки такого образца были приняты на вооружение в 1852 и 1853 гг. Большая часть британских войск, отправленных в Крым, получила их только перед погрузкой на корабли и смогла впервые опробовать их только во время стоянки в Мальте.

2 Клод-Этьен Минье (1814–1879), офицер французской армии, оружейник. В 1849 г. изобрел пулю особо образца, облегчавшую процесс зарядания нарезного оружия с дула, что способствовало усовершенствованию первых винтовок. Участник боевых действий в Алжире, начальник стрелковой школы в Венсенне в 1852–1859 гг., в 1859 г. вышел в отставку, в 60-е годы — директор оружейного завода в Каире, генерал египетской армии. С 1869 г. — контролер оружейного завода в Ремингтоне (США).

3 «Игольчатое ружье», или ружье Дрейзе, которое впервые начало вводиться на вооружение в прусской армии в 1841 г., дальность до 600 м. Массовое перевооружение им началось уже в конце 50-х гг. XIX в. Названо по имени конструктора Иоханна Николааса фон Дрейзе (1787–1867), первое серьезное испытание в боевых действиях это оружие прошло в 1864 г., после чего Дрейзе было пожаловано дворянство.

Виктор Адам. Сражение на Альме. 1854

Эндрю Маклур. Сражение на Альме. Вид с французских позиций 20 сентября 1854 года

В результате в Крым французы пришли с линейной пехотой, вооруженной гладкоствольными ружьями, зуавы и гвардия имели нарезные ружья, а стрелковые батальоны — штуцера, примерно такая же картина была у сардинцев (у них на роту линейной пехоты полагалось 30 штуцерников, берсальеры также были вооружены штуцерами) и только у англичан и линейные, и стрелковые части, и гвардия были вооружены нарезными ружьями. Это был результат процессов, которые шли во всех армиях, не исключая и русскую.

В 1840 г. в русской армии для стрелковых батальонов был введен штуцер по английскому образцу, а в 1845 — ударная система для прочего солдатского огнестрельного оружия по французскому образцу. Штуцерами были вооружены стрелковые батальоны, постепенно росло количество штуцерников в линейной пехоте. В 1854 г. их было 26 на батальон, в конце 1855 г. — 26 на роту. Проблема была, в частности, и в том, что стоявшие на вооружении в России штуцера к началу 1850-х гг. уже были устаревшими. Модернизация ручного стрелкового оружия приводила скорее к увеличению скорострельности, чем дальнобойности. В принципе, в мобильной войне того времени, предполагавшей быстрое сближение значительных масс на поле боя, скорострельности придавали гораздо

большое значение. Нарезные винтовки или штуцера, заряжавшиеся с дула, значительно уступали ружьям по скорострельности, превосходя их в дальности боя. Количество же «штуцерных» в России перед войной почти равнялось численности легкой пехоты Франции и Австрии, вместе взятой.

Союзники не были заинтересованы в мобильной войне, в войне на сокрушение, в проникновении вглубь России в направлении ее важнейших центров, где они могли столкнуться с проблемой растянутых коммуникационных линий. Вновь рисковать повторением судьбы армии Наполеона I желающих не было. России была навязана война на истощение, и эта задача облегчалась географией.

28 августа началась погрузка союзнического десанта на суда в Варне и Балчике. В основном она была закончена ко 2 сентября. На борт боевых кораблей и транспортов было принято 22 тыс. британских пехотинцев, три тыс. саперов и военных инженеров, тысяча кавалеристов и 60 орудий, а также 25 тысяч французской пехоты, 2800 саперов и 68 орудий. «Скоро, — заявил в своем приказе по армии перед погрузкой Сент-Арно, — на стенах Севастополя мы будем приветствовать три союзных знамени нашим национальным криком: да здравствует Император!»

7 сентября, после нескольких дней стоянки в бухте Варны, перегруженные войсками английские транспорты вышли в море. Обозы были оставлены на берегу. Все необходимое солдаты должны были нести на себе. 8 сентября англичане встретились с французской эскадрой в бухте Балчика. Суда были выстроены в линии длиной от 4,5 до 5 миль каждая с расстоянием около полумили друг от друга. Каждые два парусных транспорта буксировал один пароход. Несмотря на полное превосходство на море, англо-французский флот двигался медленно, а на судах тем временем продолжалась эпидемия. Солдаты на борту питались лишь солониной и галетами. К недостаткам в организации снабжения перевозки добавлялось и практически полное незнание района будущих военных действий. Надежных карт Крыма у союзников не было, как не было и надежной информации о численности и расположении русских войск.

Англо-французский флот: 34 линейных корабля, 55 фрегатов и других военных кораблей, 300 транспортов — вез войска и значительные запасы продовольствия и фуража: миллион порций хлеба, сухарей и соли, полтора миллиона порций сахара, риса и кофе, 240 тыс. порций свежей говядины, 450 тыс. — свинины, 800 тыс. — вина, 300 тыс. — водки, 97 тыс. порций ячменя, сена, соломы, 430 тыс. порций угля и шесть тыс. центнеров дров. Из военных судов противника 50 были паровыми — колесными и винтовыми.

Русский флот в Севастополе уступал союзному почти в два раза по величине: 14 линейных кораблей, семь фрегатов, два брига, корвет и 11 колесных пароходов. Гораздо большим было превосходство союзников в качестве судов и их скорости. Понимая это, командование Черноморского флота не стало выводить суда в море.

1 (13) сентября 1854 г. под прикрытием корабельной артиллерии союзники высадили первый десант в Евпатории — три тысячи человек с 12 орудиями. Гарнизон города состоял из команды выздоравливающих Тарутинского егерского полка —

200 чел. Он отступил по направлению к Симферополю, предварительно залив негашеной известью казенные склады с зерном. К сожалению, у коменданта было только два часа, и он не успел уничтожить 60 000 четвертей пшеницы, принадлежащих местным купцам. В результате противник получил запас хлеба на четыре месяца. Высадка оказалась полной неожиданностью для горожан, которые были убеждены в своей неуязвимости.

Высадка основных сил была завершена к 6 (18) сентября, численность экспедиционного корпуса была быстро доведена до 62.223 чел. Можно было наступать. Целью движения союзников был Севастополь — основная база русского Черноморского флота. Надеясь на то, что высадка вызовет восстание крымских татар (для этого в Крыму были высажены и турки), англо-французы решили произвести перевозку без обоза, ожидая получить гужевого транспорт от восставших.

В Крыму проживало тогда 430 тыс. чел., из них 257 тыс. татар. На городское население приходилось 80 тыс. чел. У части татарского населения действительно были основания для недовольства. Часть местных чиновников с началом войны начала злоупотреблять своим положением и применять насилие против жителей. Если всё это делалось для контроля над этим населением, то результат был противоположенный задуманному. Евпатория того времени имела население около 10 тыс. чел, $\frac{3}{4}$ которого были татарами. Община жила замкнуто и практически не подвергалась внешнему культурному влиянию.

Высадившиеся вместе с союзниками поляки и турки начали активную кампанию по пропаганде антирусских настроений. Впоследствии поляками активно распространялись листовки, написанные А. И. Герценом и изданные в Лондоне — большого успеха эти воззвания не имели, хотя определенное влияние на часть русских офицеров и солдат польского происхождения всё же возымели. В Евпатории после захвата города пропагандистам удалось организовать двухдневный погром русского населения крымскими татарами.

Некоторые из горожан были убиты самым зверским образом; англичане и французы, естественно, не вмешивались. Тем не менее, несмотря на то, что часть крымских татар поддавалась на провокацию, ожидаемой массовой поддержки с их стороны союзники так и не получили.

19 сентября они начали движение в сторону Севастополя. Французская армия была представлена своими лучшими частями, в том числе венсенскими стрелками и зуавами — 32 тыс. чел. и 72 орудия; английская — гвардией и наиболее подготовленными подразделениями из Британии — 26 тыс. чел. и 24 орудия. Англичане и французы имели в своих рядах 15 тыс. солдат, вооруженных винтовками-штуцерами. Кроме того, в Крыму высадилось и 7000 турок. Общее число войск союзников равнялось 65 тыс. человек при 96 орудиях. Боеспособность солдат была ослаблена холерой и отсутствием обоза — только за одни сутки между 16 и 17 сентября на санитарные транспорты было отправлено 1500 заболевших.

Экспедиционный корпус после отправки из Варны снабжался исключительно солониной и галетами, армия испытывала постоянную нужду в воде. *«Войска были высажены с трехдневной провизией в сумках, — вспоминал участник высадки, — но без палаток и какого бы то ни было лагерного снабжения. Таким образом, эта храбрая армия была оставлена на неприятельском берегу на два дня и две ночи без запаса воды, за исключением падавшей с неба...»* Это было одной из причин решения командования союзников организовывать движение по побережью, от одной небольшой реки к другой, имея поддержку флота на правом фланге.

Между тем первоначально планы союзников включали в себя взятие не только Севастополя, но и Перекопа или по крайней мере блокаду перешейка, отделяющего полуостров от юга России.

В Севастополе ожидали десанта противника, но поначалу его никто не опасался. В городе думали, что русские войска быстро победят союзников. Узнав о десанте, люди в массе своей радовались,

ожидавая быстрой победы. Войска под командованием генерал-адъютанта светлейшего князя А. С. Меншикова покидали Севастополь. *«Дух в войске славный!». —* написал 6 (18) сентября в своем дневнике адъютант командующего. — *«Всё горит нетерпением сразиться. Мне не нравится, что светлейший наш не совсем весело смотрит».* 7 (19) сентября 42,5 батальона, 16 эскадронов и 11 сотен с 10 батареями (72 пеших и 24 конных орудия) заняли оборонительную позицию на реке Альма, по пути движения противника.

Основу русских войск составил VI Пехотный корпус — своего рода рекрутское депо, разбросанное по всему полуострову и состоящее из полностью необстрелянных, молодых в основном солдат. В Севастополе было около 20 тыс. чел. в составе флотских экипажей, из них приблизительно 5000 на берегу. Однако матросы не были подготовлены к боевым действиям на суше. В восточной части Крыма находилось еще около 13 тыс. человек, но использовать их не решились. Русское командование опасалось за судьбу Керчи и Перекопа, потеря этих пунктов при господстве англо-французского флота на море означала переход контроля над полуостровом к союзникам.

Лучшей частью войск, имевшихся в распоряжении Меншикова, была 16-я пехотная дивизия, отправленная ему в июле Горчаковым, несмотря на протесты Паскевича. Ее четыре полка: Владимирский, Суздальский, Углицкий егерский и Казанский Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича егерский — стали основой русской обороны. Меншиков собрал к Альме всё, что смог. Некоторые из его полков пришли туда ускоренными маршами. Фронт длиной чуть более 10 км (приблизительно столько же, как при Бородино) защищали 34 тыс. чел., из них 2000 штуцерников, при 88 орудиях. Русские войска уступали противнику в численности, уровне обучения, количестве дальнобойного стрелкового оружия. Насыщенность русской обороны была незначительной, при этом из 42 батальонов только 7 были выделены в резерв.

Ипполит Беланже. Маршал Сент-Арно в сражении на Альме 20 сентября 1854 года

8 (20) сентября русские войска на Альме были атакованы противником. Свой левый фланг, прилегавший к устью реки и ее холмистым берегам, Меншиков считал неприступным и не занял войсками. На наиболее подготовленные к обороне русские позиции наступали англичане — гвардейская и шотландская бригады под командованием кузена королевы Виктории герцога Кембриджского — принца Георга. И русские, и англичане действовали, исходя из тактики, унаследованной из периода наполеоновских войн, стремясь довести дело до штыкового удара, и понесли значительные потери.

Следуя приемам, унаследованным из опыта войны в Алжире, французы предпочитали действовать, полагаясь на преимущество своих штыцеров,

и нанесли большой урон русской армии. Об его уровне среди тех, кто находился на острие русской атаки, можно судить по Казанскому и Владимирскому полкам. В ходе сражения казанцы потеряли убитыми и ранеными троих штаб-офицеров (в том числе был убит командир полка), 25 обер-офицеров, 1254 нижних чинов — почти половину списочного состава. Потери владимирцев составили 30 офицеров (в том числе командир полка, трое батальонных и 14 ротных командиров) и 1260 нижних чинов.

В своем донесении Меншиков особо отметил решительность владимирцев, как и то, что *«жестокий штыцерный огонь в самое короткое время лишил войска всех почти начальников... и потому атака в штыки не могла иметь той стройности, которая*

обыкновенно предшествует успеху...» Противник стойко держался и против нашей артиллерии, как отмечал командующий, *«развернутые батальоны ложились на землю и скрывались за местностью, пока стрелки поражали артиллеристов...»* Особенно тяжелым было положение батареи подполковника Кондратьева на левом фланге русской позиции. Поражаемая продольным огнем корабельной артиллерии и фронтальным огнем тяжелой артиллерии французов, она оказалась и под штурцерным огнем зуавов. Скрываясь за прикрытиями, с расстояния 300 сажень (свыше 600 метров) они стали выбивать прислугу и лошадей. В результате стрелки за короткое время убили и ранили 48 человек из 100 и множество лошадей.

Тем не менее и французские части понесли серьезные потери от огня русских пушек, некоторые части начали колебаться. Зуавам, которые в Алжире не имели дела с вооруженным артиллерией противником, было весьма трудно. В решаю-

щий момент генерал П. Ф. Боске, командовавший правым флангом французской армии, приказал занять пустующие высоты на русском левом фланге. Дивизия с полком зуавов во главе выполнила этот приказ под прикрытием огня корабельной артиллерии, наносившего нашим войскам существенные потери. Последовал ряд атак и контратак. При этом весьма существенные потери понесли попавшие под перекрестный огонь с моря и с фронта Московский и Минский полки — их совокупные потери составили около полутора тысяч чел. Обход левого фланга поставил под угрозу не только фланг, но и тыл русской позиции. Невозможность обеспечить его и тяжелые потери в центре и на правом фланге решили судьбу сражения.

После боя, продолжавшегося 6 часов, Меншиков вынужден был отступить. Отход проходил в полном порядке. Это признали даже самые большие недоброжелатели русской армии — англичане. Войска

А. Ф. Прейдс. Эпизод в сражении на Альме 20 сентября 1854 года

Джордж Брайант Кэмпион. Убитые и раненые после сражения на Альме

прикрывала гусарская бригада и 30 орудий. Противник, серьезно пострадавший от действий русской артиллерии в ходе боя, не решился организовать преследование. Между тем оно могло иметь серьезные последствия. Быстрое отступление после поражения оказалось весьма серьезным моральным испытанием для частей, в которых основная масса солдат впервые оказалась под огнем. Крики раненых, выстрелы, особенно в сумерках — всё это угрожало порядку. Позже Сент-Арно, недовольный исходом боя, заявил, что имей он под рукой кавалерию, то взял бы до 10 тыс. пленных. Потери русской армии, по первому докладу после боя, составили 1762 убитыми, 2315 ранеными, 405 контужеными. После уточнения они составили 46 офицеров и 1755 солдат убитыми, ранено и контужено было пять генералов, 140 офицеров, 3028 солдат, семь офицеров и 728 солдат пропало без вести. Французы потеряли шесть офицеров и 253 солдата убитыми, 59 офицеров и 1033 солдата ранеными, англичане — 25 офицеров и 337 солдат убитыми, ранеными — 81 офицера и 1540 солдат, 19 солдат пропали без вести.

Союзники не оказали практически никакой помощи русским раненым, оставшимся на поле битвы после отступления. Часть из них была позже переве-

зена в Одессу на английском транспорте «Эвас» — из 342 человек на поле боя умер 31, и в дороге — 11 человек. Раны были перевязаны сеном и соломой. Тяжелораненые были вообще оставлены на поле боя, где их начали грабить и добивать татары. Лишь часть этих раненых получила помощь со стороны английского доктора, добившегося от командования соблюдения неписаных еще тогда правил войны. Людей перенесли ближе к воде в тень, накормили и дали воду. Через несколько дней выжившие были спасены казаками.

В результате Альминского сражения дорога союзников на Севастополь была открыта, однако осуществить наступление в глубь Крыма они так и не смогли. Поначалу британский главнокомандующий генерал-лейтенант лорд Раглан настаивал на немедленном продолжении движения для атаки Северной стороны Севастополя, но Сент-Арно настоял на отдыхе. Кроме того, что солдаты союзников действительно нуждались в отдыхе, французский командующий опасался нового сражения на линии Бальбека, которое приведет к неприемлемым потерям.

Простояв два дня на поле сражения, англо-французы приводили свои войска в порядок и подбирали раненых и хоронили убитых. Только 11 (23) сентября 1854 г. противник возобновил движение.

S E B A S T O P O L H A R B O U R

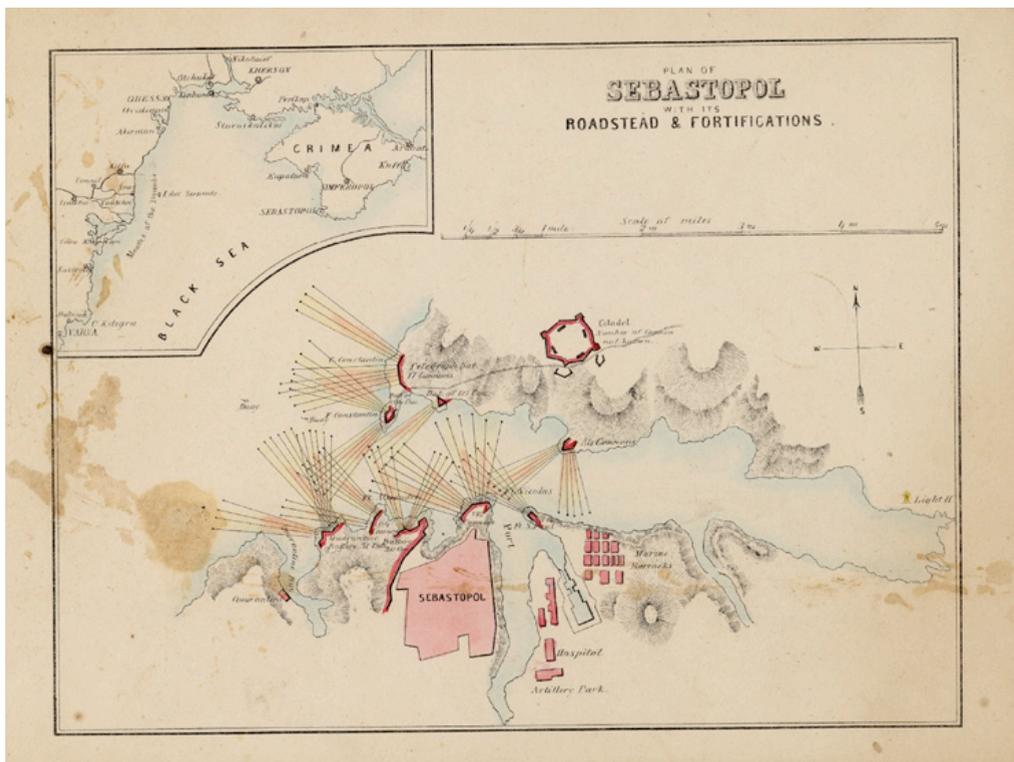
Первые дни после Альмы. Судьба Севастополя — цель войны

Альминское сражение продемонстрировало невозможность защитить базу Черноморского флота. Более того, под угрозой оказалось русское владычество в Крыму. Как всегда, долгожданные события пришли внезапно. О реальном положении союзных армий и их возможности (или невозможности) отклониться от берега надежных данных не было. Ясно было одно — Севастополь не готов к обороне с суши. А. С. Меншиков после сражения отступил в этот город, в возможность отстоять который он поначалу не верил. На вопрос Корнилова, что делать с флотом, он посоветовал ему: *«Спрячьте его к себе в карман»*. Князь был лично храбрым человеком, он умел хранить внешнюю невозмутимость в самых тяжелых обстоятельствах своей жизни: под Бородиным, Кульмом, Анапой, Варной, во время посольства в Персию — он слыл одним из самых блистательных шутников армии, но сейчас его остроумие было явно неуместно.

На какое-то время командующий утратил веру в себя и в свои войска. Кроме того, он не мог понять, что будут делать союзники. Придя в себя, он всё же сумел принять единственно правильное решение и 11 (23) сентября 1854 г. вывел свою армию к Бахчисараю. Решительную атаку северных укреплений Севастополя со стороны противника при условии угрозы с тыла и фланга князь тогда считал невозможной. Маневр Меншикова не был хорошо организован и поэтому носил несколько сумбурный характер. Более того, он совпал с движением против-

ника. В то время как союзники пытались скрытно добраться до Балаклавы, русские таким же образом стремились попасть на Бахчисарайскую дорогу. Нахимов метко назвал это «игрой в жмурки». Тем не менее игра удалась. Заняв новые позиции, Меншиков сразу решал несколько задач. Прежде всего, он обеспечивал связь и снабжение полуострова от угрозы со стороны союзников. Теперь они уже не могли рассчитывать на возможность взятия Симферополя или Перекопа, а русская армия сама превратилась в постоянную угрозу для союзнических коммуникаций в Крыму.

До последнего момента Меншиков колебался в правильности принятого им решения. *«Самый важный вопрос здесь в настоящую минуту, — писал он 18 (30) сентября Военному министру генерал-адъютанту князю В. А. Долгорукову, — состоит в том, чтобы знать, будут ли состоящие под моим начальством войска употреблены для защиты города, или должны быть готовыми к новым действиям. Числительное превосходство наших противников и их войска, приученные к войне, дают им значительный перевес, коего предвидение вероятно заставит меня следовать первому предположению. Я не приступаю однако же к этому, как по зрелом обсуждении положения дел: пока я в состоянии поддержать гарнизон»*. В любом случае, сомневаясь в возможности отстоять город, князь не сомневался в необходимости обеспечить оборону всего полуострова. Сделать это, не обеспечив сообщений с Симферополем и Перекопом, было невозможно.

Оборонительные сооружения Севастополя

Необходимо отметить, что в Петербурге сразу по достоинству оценили действия Меншикова. *«Вы совершили бесподобное движение, любезный князь, направившись в Бахчисарай, — писал ему 21 сентября (3 октября) Долгоруков. — Все в удивлении, как от мысли, так и от исполнения этого смелого маневра. Дай Бог, чтобы оно сопровождалось еще большими успехами и чтобы, несмотря на численность наших неприятелей, они узнали, с кем имеют дело! Если Вы имеете возможность тревожить их казаками и не атакуя прямо, угрожать их флангам и тылу, то я полагаю, они будут в большом затруднении».* Император также был доволен. *«Слава Богу, — отметил он, узнав о завершении маневра, — что мудреное и отважное это движение, спасительное однако для отряда, который, признаюсь, считал потерянным, могло столь неожиданно и благополучно совершиться».*

Безусловно, Меншиковым было принято не просто правильное, но единственно верное в сложившихся условиях решение. Тем не менее, поступая так,

он сознательно шел на значительный риск. Весьма тяжелое положение возникло в Севастополе, где в первые дни после вывода армии князя открыто обвиняли в предательстве. Как часто бывает, уверенность сменилась тревогой. Солдаты уходящих частей также были недовольны тем, что их заставляют покидать город, и называли своего командующего Изменщиковым. Гарнизон Севастополя к моменту высадки союзного десанта состоял из пяти тыс. чел. сборных команд, на Северной стороне находилось еще 12 тыс. чел. В городе на момент ухода армии находилось несколько морских команд, гарнизоны постоянных укреплений приморского фронта крепости, 17 батальонов, сформированных из моряков, девять батальонов сухопутных войск — всего около 18 тыс. чел., которых было совершенно недостаточно для отражения атаки 60-тысячной союзнической армии.

Николай I скептически относился к возможности десанта в Крыму и не верил в необходимость создания

укреплений, нацеленных на отражение атаки Севастополя с суши. В результате состояние Севастопольской крепости на 11 (23) сентября не позволяло надеяться на отражение атаки с суши. Проект укрепления города был утвержден императором в 1834 г. — он предусматривал строительство 7 бастионов, замкнутых с горжи казармами и соединенными между собой оборонительными стенами. При этом особое внимание строителей по приказу императора было сосредоточено на укреплении берегового фронта крепости. Строительство береговых батарей было в основном закончено в 1845 г. Это были солидные для своего времени укрепления, имевшие по проекту на вооружении на момент сдачи в строй 533 орудия. К 1854 г. из сухопутных укреплений крепости были готовы только Северное укрепление, бастион № 7 и несколько оборонительных казарм на месте проектировавшихся бастионов. Достаточно отметить, что за период 1834–1844 гг. на береговой фронт крепости было израсходовано 2484 тыс. рублей, в то время как на сухопутный — только 17 тыс. рублей. Строительство новых укреплений, к которому приступили с началом войны, шло крайне медленно.

Из проектной линии обороны сухопутного фронта крепости в семь верст построенные укрепления прикрывали лишь одну четвертую. К моменту высадки союзников на вооружении сухопутного фронта Южной стороны крепости находилось 145 орудий, преимущественно средних и мелких калибров. К каждому имелся запас в 30 обыкновенных зарядов и 10 картечных. Артиллерия была расположена за слабыми насыпями или вообще стояла без всякой защиты. На Малаховом кургане, ключевой позиции обороны города, стояла лишь каменная башня с пятью 18-фунтовыми орудиями. Северная сторона, откуда ожидали атаки неприятеля, была почти беззащитна. Как отмечал Тотлебен, несмотря на безостановочную работу над укреплениями и безусловное мужество войск, *«положение обороняющихся было безнадежное»*.

Укрепления морского фронта крепости состояли из 13 батарей и фортов, имевших на вооружении 611 орудий, из которых на 1 сентября 1854 г. было только 28 бомбических трехпудовых пушек и 166 пудовых единогого. Таким образом, большинство орудий на береговых батареях было калибра от 36 до 12 фунтов. Этого было недостаточно для отражения атаки мощного союзного флота. В августе 1853 г. по приказу вице-адмирала В. А. Корнилова восемь линейных кораблей Черноморского флота двумя колоннами с десантом на баркасах провели примерную атаку Севастопольской бухты под холостым огнем береговых батарей. Маневры указали на недостатки укреплений и слабость их артиллерийского вооружения.

Визит «Ретрибьюшн» — формально нейтрального судна — 25 декабря 1853 г. (6 января 1854 г.) ускорил оборонительные работы и ужесточение мер по охране рейда. Иностранным военным кораблям был запрещен вход в Севастополь. В январе 1854 г. было завершено строительство еще нескольких береговых батарей, вооруженных 80 орудиями, увеличено количество бомбических орудий. Однако и этого оказалось недостаточно. В августе 1854 г. были проведены стрельбы по учебной мишени — старому бригу, потопить который при движении на внутренний рейд не удалось. Не был полностью укомплектован и состав рот крепостной артиллерии. На май 1853 г. они должны были иметь 3252 чел. (из расчета на 533 орудия), в то время как среднесписочный состав четырех с половиной рот артиллерийского гарнизона в 1852–1854 гг. колебался от 996 до 1018 чел. Уже в конце декабря 1853 г. артиллерийские расчеты пришлось пополнять матросами 37-го флотского экипажа, солдатами инженерной военно-рабочей роты, рабочими экипажей, солдатами резервной бригады 13-й пехотной дивизии.

Таким образом, и береговая оборона крепости не была вполне надежной. Она вполне обеспечивала базу Черноморского флота от обстрелов с моря или демонстрации со стороны турецкой эскадры, но не гарантировала успеха в случае ре-

шительного штурма сильного союзнического флота с его опытными командирами и хорошо обученными экипажами. Между тем адмиралы союзников, получив 9 апреля 1854 г. известие об объявлении войны, попытались активизировать свои действия. Союзные суда начали появляться перед русскими портами. До этого англо-французы в основном ограничивались конвоем турецких транспортов с войсками, боеприпасами и продовольствием. Угроза атаки нарастала.

Летом в Севастополь приехал один из лучших русских фортификаторов того времени — подполковник Тотлебен. После осмотра имевшихся оборонительных сооружений, он, судя по всему, поначалу пришел в ужас. 15 (27) августа, закончив объезд крепости, он заметил: *«С сухопутной стороны Севастополь весьма доступен, если до появления неприятеля ограничиться существующими укреплениями; укрепления эти состоят из нескольких батарей, вооруженных орудиями весьма малого калибра, которые могли бы только оказать некоторое сопротивление татарам»*. Схожие идеи были изложены и в донесении Меншикова императору от 29 августа (10 сентября) 1854 г. Только Южная сторона признавалась удобной к защите.

По русским данным, 8 (20) сентября 1854 г. вражеская эскадра у мыса Лукулл состояла из 21 линейного корабля (из них восемь винтовых), 13 фрегатов и 33 па-

роходов. Союзнические пароходо-фрегаты имели до 20 орудий и машины мощностью от 400 до 600 л.с. Русский флот имел 14 линейных кораблей, примерно половина из которых была старой постройки, 7 пароходо-фрегатов, имевших от 6 до 13 орудий и машины мощностью от 220 до 400 л.с., паровой корвет с машиной в 120 л.с. и шестью орудиями на борту и три бывших каботажных слабых парохода, имевших слабое вооружение.

9 (21) сентября на военном совете из флагманов флота и командиров кораблей Корнилов предложил атаковать союзнический флот, но не был поддержан большинством командиров, предложивших затопить часть старых судов поперек входа в бухту и перевести экипажи и вооружение на укрепление берегового фронта крепости. Это решение, несмотря на сопротивление командующего флотом, было поддержано и князем Меншиковым. *«Если же придется умирать, — сказал он, — то не лучше ли тогда, когда будут истощены все средства к защите, от чего мы еще далеки. Геройскую решимость честных моряков я постараюсь употребить с большею пользою на защиту Севастополя»*. Корнилов, с самого начала считавший, что крепость нужно защищать до последнего и любой ценой, до конца отстаивал свой план и окончательно согласился пойти на перекрытие фарватера Севастополя только после того, как Меншиков пригрозил ему отстранением от должности.

Гаспар Туннер. Панорама Севастополя

В результате уже утром 9 (21) сентября на входе в рейд были затоплены пять старых линейных кораблей и два фрегата, создав таким образом препятствие для прорыва союзной эскадры в бухту. Это было сильнейшим потрясением для моряков. С части кораблей не успели снять артиллерию — до последнего момента опасались, что она может понадобиться в случае попытки прорыва противника на рейд. Кроме того, снятие тяжелых морских орудий и перевозка их на берег потребовала бы много времени. Большинство кораблей затопили без затруднений, но вот старый линкор «Три Святителя» никак не хотел идти на дно. Тогда к нему приблизился пароход «Громоносец», с борта которого в упор было сделано несколько выстрелов. Увидев это, стоявшие на берегу люди зарыдали.

Строительством новых укреплений руководил Тотлебен. Адмиралы Корнилов, Нахимов и Истомин, возглавившие оборону города, мобилизовали все имевшиеся в их распоряжении силы, включая население (в 1854 г. в городе проживало 45 тыс. чел.), для строительства укреплений на подступах к Севастополю, созданных в течение нескольких дней и ночей — работы не останавливались ни на час. Орудия устанавливались при первой возможности их использовать, на недостроенных еще батареях, даже пороховые погреба старались сделать поскорее — иногда для них использовали корабельные металлические цистерны, зарывая их в землю за позицией каждого орудия — это давало возможность рассредоточить боеприпасы. Артиллерия и экипажи были направлены на сухопутный фронт. Свыше 10 тыс. матросов существенно укрепили оборону города. Остальные корабли Черноморского флота были расставлены таким образом, что они могли поддерживать своим огнем оборонительные позиции, и сохранялись вплоть до взятия противником Малахова кургана. Особенно активными в конце 1854 г. — начале 1855 г. были 10 русских пароходов (11-й — «Корнилов», бывший «Перваз-Бахри», находился в капитальном

ремонте). Они постоянно обстреливали позиции противника, в том числе и новейшим для того времени способом — морские артиллеристы начали стрелять перекидным огнем по невидимым для них позициям. Для этого на берег направлялись офицеры и сигнальщики, корректировавшие стрельбу.

Несколько дней передышки, использованных для создания линии обороны, по общему мнению защитников Севастополя, спасли его от падения в сентябре 1854 г. И всё же гарантии успеха не было. *«Малочисленный гарнизон наш, растянутый на обширной семиверстной позиции, — отмечал Тотлебен, — был повсюду слаб».* Положение было весьма тяжелым. *«Должно быть, Бог не оставил еще России, — писал в эти дни в своем дневнике Корнилов. — Конечно, если бы неприятель прямо после Альминской битвы пошел на Севастополь, то легко бы завладел им».* Союзники отказались от планов атаки Северной стороны, опасаясь серьезных потерь при штурме ее фортов. Южная сторона казалась им более доступной, так как, по их данным, она не имела укреплений, линия возможного фронта русской обороны была здесь более протяженной, и, следовательно, давала больше шансов на успех. Кроме того, к Южной стороне были более близки удобные для стоянок флота гавани, в то время как Северная таковых поблизости не имела.

13 (25) сентября англо-французская армия появилась перед Южной стороной города. Союзникам сразу же стало ясно, что взять русскую военно-морскую базу с ходу не удастся.

Альминское сражение 8 (20) сентября было выиграно союзниками, но передышкой в пять дней воспользовались русские. В результате Альма так и не стала стратегическим успехом англо-французов. Взять базу русского флота одним эффективным ударом не удалось, впереди была затяжная война, масштабы которой еще не осознавали ни в Петербурге, ни в Лондоне, ни в Париже.

Первые бои под Севастополем

Оказавшись под Севастополем, армия союзников встретила с проблемами, которые не смогли предвидеть ни в Париже, ни в Лондоне. Подходы к русской военно-морской базе с суши оказались укрепленными, нанести удар на Бахчисарай и Перекоп эта армия не могла, во всяком случае — немедленно, так и не обретя надежного тыла и надежной линии снабжения. Союзники вынуждены были терять время. Поскольку русское командование использовало каждую возможность для усиления своих позиций, время работало на русскую оборону.

Часть высших английских офицеров поначалу настаивала на внезапной атаке Севастополя, гарантируя успех при низком уровне потерь, но командующие союзников отказались от неподготовленного артиллерийского штурма.

14 (26) сентября Нахимов обратился к морякам с приказом: *«Неприятель подступает к городу, в котором весьма мало гарнизона; я в необходимости нахожусь затопить суда вверенной мне эскадры и оставшиеся на них команды с abordажным оружием присоединить к гарнизону. Я уверен в командирах, офицерах и командах, что каждый из них будет драться как герой: нас соберется до трех тысяч; сборный пункт на Театральной площади. О чем по эскадре объявляю»*. Еще ранее, в ночь на 14 (26) сентября, Корнилов перевел с Северной стороны на Южную почти весь ее гарнизон — 11 батальонов.

В этот же день англичанами была занята Балаклава. Ее небольшая, но глубокая и закрытая от ветра гавань была из-

брана для стоянки их кораблей и приема транспортов для снабжения британского экспедиционного корпуса. Небольшой гарнизон — неполная рота Балаклавского греческого батальона во главе с командиром этого батальона полковником М. А. Манто — отказался покинуть город без боя. В течение нескольких часов в домах, а затем и в развалинах старого генуэзского замка 80 строевых и 30 отставных солдат с батареей из четырех полупудовых мортир оказывали сопротивление армии противника, находясь к тому же под огнем английских кораблей с моря. Только израсходовав боеприпасы, 65 раненых солдат и офицеров положили оружие. Командир роты капитан С. М. Стамати ответил на вопрос, на что надеялся, обороняя город: *«Безусловно сдачей я навлек бы на себя гнев моего начальства и ваше презрение, теперь же совесть моя спокойна, потому что я исполнил свой долг»*.

Заняв, наконец, город, англичане подвергли оставшихся в нем жителей повальному грабежу, вслед за чем разорили и ближайшие селения. Балаклава стала базой британцев, французы разбили лагерь на Херсонесском полуострове, их флот занял Камышовую бухту.

16 (28) сентября из Балаклавы в Константинополь был отправлен заболевший холерой Сент-Арно. На следующий день он скончался. Командование принял ген. Ф. Канробер.

22 сентября (4 октября) союзная эскадра в составе двух линейных кораблей, шести пароходов-фрегатов и двух колесных пароходов подошла к Ялте. Город был открыт с моря и не имел никаких укреп-

лений. Гарнизон — 35 солдат и 11 казаков — покинул его без сопротивления. Парламентер, прибывший в город с кораблей, заявил, что десант прибыл за продовольствием, которое союзники будут покупать у местных жителей, и обещал, что войска воздержатся от насилия. Высадившиеся англо-французы быстро продемонстрировали, чего стоят эти обещания. Они оцепили город и начали повальный грабёж жителей и уничтожение их имущества. Солдаты нашли время и силы даже для того, чтобы вырубить виноградники. *«Ужасно было смотреть, — отмечал очевидец, — на эти сцены грабежа и разрушения. Почти ни в одном доме не осталось ни дверей, ни окон. И дети, и взрослые бегали по улицам, рыдая. Неприятеля забрали всё, что нашли, несмотря на то, кому принадлежит имущество (имеется в виду — государству, собственность которого по правилам войны XIX века считалась законным призом, или частным лицам — А.О.) и как велика его ценность».* В ночь на 24 сентября (6 октября) орда европейцев убралась из города.

Карл Брюллов. Портрет В.А. Корнилова на борту брига «Фемистокл». 1835

Тем временем строительство русских укреплений завершалось в присутствии армии противника. Солдаты и матросы, женщины и дети трудились без остановки, ежеминутно ожидая штурма. *«Мы и день, и ночь работали в виду неприятеля, — писал 18 (30) сентября 1854 г. Тотлебен, — и нам удалось вооружить батареи 200 орудиями».* Их количество на линии обороны выросло со 172 до 341, в основном за счет крупнокалиберных и дальнобойных. Войска объезжал Корнилов, обратившийся к защитникам со следующими словами: *«Ребята! Царь надеется, что мы отстоим Севастополь, да и некуда отступить нам: позади нас море, впереди — неприятель. Князь Меншиков обошел его, и как только неприятель нас атакует, наша армия ударит на него с тыла. Помните же — не верьте отступлению. Пусть музыканты забудут играть ретираду; тот изменник, кто протрубит ретираду! И если я сам прикажу отступить — коли меня!»*

Корнилов, конечно, был реалистом. Говоря так, он не забывал о необходимости подготовки к возможной эвакуации города. По приказу адмирала в глубоком секрете были подготовлены соответствующие планы, централизованно руководство всеми перевозочными средствами. Разумеется, усиливалась и оборона. К 4 (16) октября на бастионах сухопутного фронта стояло уже 340 орудий, преимущественно крупного калибра. Для того чтобы рассчитывать на успех в борьбе с ними, англичане и французы, не имевшие осадной артиллерии, вынуждены были разоружить часть своих кораблей и направить морские орудия на осадный фронт.

К 24 сентября (6 октября) гарнизон Севастополя насчитывал 34.928 солдат, 657 офицеров и пять генералов. В действующем отряде Меншикова находилось 25.094 солдат, 572 офицера и шесть генералов. 30 сентября (12 октября) он был назначен Главнокомандующим Крымской армией. К 1 (13) октября численность англо-французов в Крыму равнялась 61 тыс. чел., турок — шесть тыс. чел.

5 (17) октября союзники подвергли город первому артиллерийскому обстре-

Франц Рубо. Отражение бомбардировки англо-французского флота со стороны Александровской батареи 5 октября 1854 года

лу с суши и с моря. Он был таким интенсивным и мощным, что части, стоявшие в 15 верстах от города, отчетливо слышали выстрелы орудий, сливавшиеся в беспрерывный гул. «Храбрые моряки и артиллеристы, свидетели этого ужасного боя, единогласно утверждают, — вспоминал участник обороны, — что 5 октября было днем «страшного суда и гнева Божия». Смерть пиrowала на всех концах города, и не было места и уголка в Севастополе, где бы ни лопались бомбы и не бороздили по земле ядра неприятельские. Корабельная и артиллерийская слободки (на концах города), как ближайшие к неприятельским батареям, были почти уничтожены; адмиралтейство и знаменитые доки, казармы, улицы Екатерининская, Большая и Малая Морская, Театральная площадь, бульвар, Графская пристань и прочее — были брошены снарядами. Везде лопались снаряды разрывные, сыпались осколки их и даже камни мостовой выворачивались под ядрами. Сторона Северная представляла ту же картину. Воздух гудел, и земля тряслась под оглушительным ревом батарей с суши и моря, а по временам солнце застилалось от дыма и не видно было ничего, кроме огней, сверкавших из орудий неприятельских».

Бомбардировка не принесла ожидаемого легкого успеха.

Впрочем, относительно атаки с моря особых надежд на успех не было. «Я абсолютно уверен, — писал накануне британский вице-адмирал Дж. Дондас, — что эта атака будет бесполезной для армии и, что в высшей степени вероятно, разрушительной для наших судов, но я не уклонюсь от того, что лорд Раглан считает средством взятия Севастополя». Эти опасения оправдались. В бомбардировке с моря приняли участие 14 французских, 11 английских и два турецких линейных корабля и ряд более мелких судов. Действуя одним бортом, противник имел 1243 орудия против 150 русских, 47 из которых стояли в казематах. Русская береговая артиллерия действовала весьма удачно, и союзники быстро почувствовали это. Практически каждый британский корабль получил повреждения. Особенно сильно пострадали линейные корабли. «Агамемнон» получил 200 попаданий, «Британия» — 40. На русских батареях ранеными и убитыми вышло 138 чел., во флоте союзников — 520 чел. (не считая турок). Два английских и шесть французских кораблей были

сильно повреждены и выведены из строя для ремонта, для которого их пришлось буксировать в Константинополь. Между тем именно от флота Лондон и Париж ожидали в это время особо значительных результатов. Ответственным за их отсутствие стал Дондас, действия которого были подвергнуты острой критике.

На суше против 126 союзных осадных орудий действовало 118 русских. На наших позициях находилось больше орудий, однако часть их (63) была установлена для обороны укреплений в случае проникновения на них противника, для обстрела фланговых позиций и подходов с тыла, а часть (160) — для обстрела подходов к оборонительной линии. Поэтому для контрбатарейной борьбы удалось использовать 64 орудия против французов и 54 против англичан. В результате их действий были взорваны два французских и один английский пороховой погреб, к середине дня французы вынуждены бы-

ли прекратить огонь. Здесь артиллерийская дуэль была выиграна русскими. Англичане действовали гораздо успешнее, особенно пострадал 3-й бастион, где неприятельской бомбой был взорван пороховой погреб, а потери были таковы, что у многих орудий пришлось дважды сменять прислугу. Именно здесь наши войска понесли самые существенные потери. Союзники, потеряв 348 чел., так и не решились идти на штурм русских укреплений.

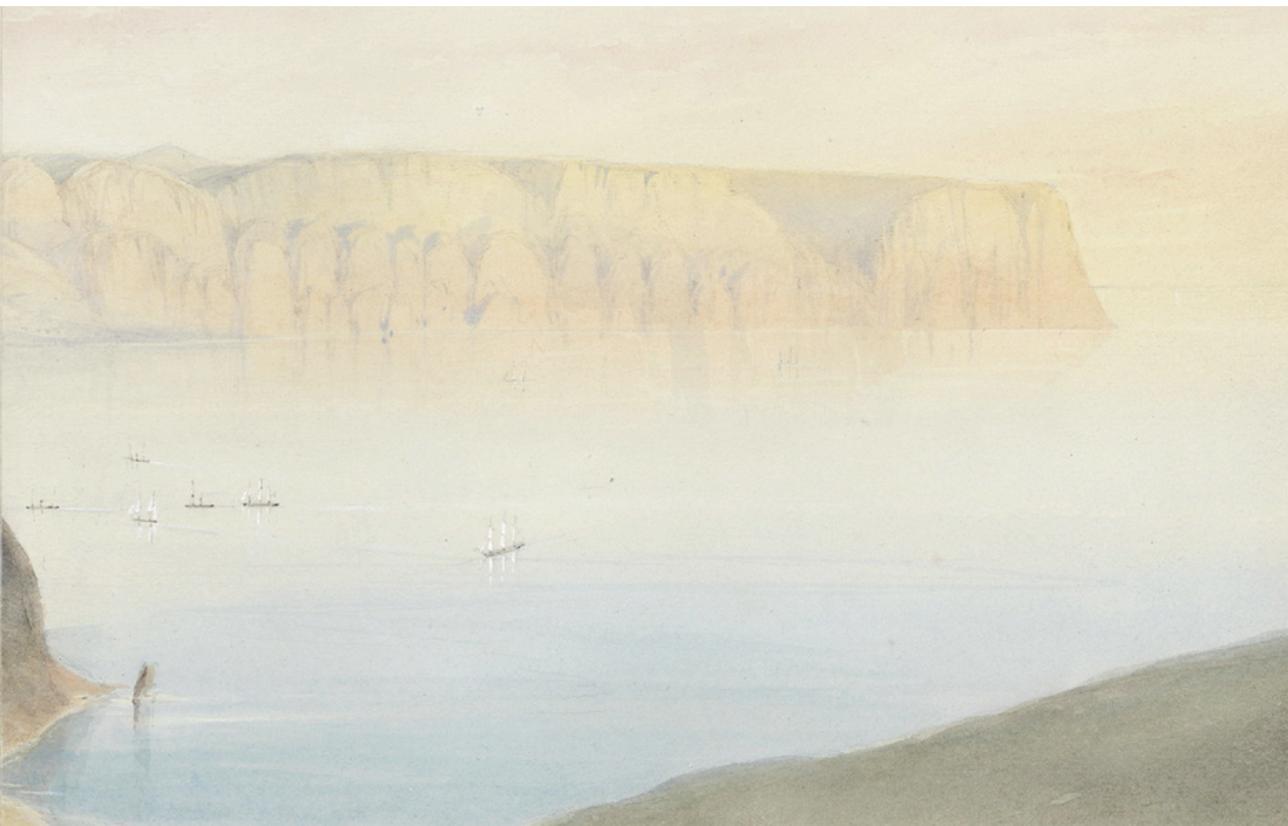
Гарнизон Севастополя потерял в этот день на сухопутном фронте 1112 чел. убитыми и ранеными, но главной потерей была гибель адмирала Корнилова, смертельно раненого французским ядром на Малаховом кургане. Комендант бастиона протестовал против присутствия адмирала в столь опасном месте, но тот ответил: *«Мой долг видеть всех»*. Когда тяжело раненого генерала уносили с кургана, он успел произнести: *«Отстаивайте же Севастополь!»*.

Брустверы русских укреплений, построенные из сухой и неутрамбованной земли, быстро разрушались под огнем противника, амбразуры обваливались. Противник подбил или повредил около 100 наших орудий, было израсходовано и потеряно около 5 тыс. пудов пороха. *«Такого самоотвержения, такой геройской стойкости, — писал адмирал Истомин, — пусть ищут в других нациях со свечой! То, что сыпалось на наших матросов, составлявших прислугу на батареях, этого не видели люди от века».* Высокие потери требовали максимального напряжения сил. Перед тем как отправиться на Малахов курган, Корнилов отдал распоряжение освободить всех заключенных из городского острога для работ на этом участке. Около тысячи человек с криком «ура!» отправились под огонь восстанавливать укрепления. Те из арестантов, кто пережил войну, были амнистированы императором.

Обстрелы шли весь световой день, с утра до вечера, их жертвами в большом количестве стали мирные жители города. Тяжело умиравший адмирал Корнилов успел получить хорошую новость — о сбитии английской батареи. Он крикнул «Ура!» и больше не приходил в сознание. Бомбардировка продолжалась еще шесть дней, но постепенно ее интенсивность начала снижаться. Снижалась и активность русской стрельбы — за день артиллеристы использовали от 1 до 1,2 тыс. пудов пороха — его запасы в Севастополе сократились до 8 тыс. пудов. В перспективе у оборонявшихся возникала угроза исчерпать запасы боеприпасов. К счастью, с такой же проблемой столкнулись и осаждавшие. Исчерпав свои силы, союзники вынуждены были приступить к правильной осаде. Началась героическая оборона Севастополя, продолжавшаяся 11 месяцев.

Гаспар Тунтер. Мыс Айя и Балаклавская бухта. 1854

Fowler Wood '66

Неудачи союзников и их отражение в Европе

Если приход союзных армий под Севастополь был неожиданно-стью для русских, то провал планов взятия русской морской базы с ходу и полная неудача первой бомбардировки города оказались не менее неожиданным и весьма неприятным сюрпризом для англичан и французов. Положение союзных армий в Крыму не было прочным, их командование почти сразу же после первых неудач потеряло уверенность в собственных возможностях и забыло о первоначальных планах движения вглубь полуострова.

«Мы удерживаем в Крыму только ту позицию, — писал 23 октября 1854 г. главнокомандующий британской армией лорд Раглан, — на которой стоим». Окончательно оставлены были и планы атаки русской крепости с моря. *«Я высажу столько орудий с офицерами и моряками для их обслуживания, — писал командующему после бомбардировки Дондас, — сколько Вы захотите иметь — пусть даже это и закончится разоружением моих кораблей. Всё это будет правильным решением в данной ситуации, акция 17-го была неверной, и я отказываюсь ее повторять».* К 28 октября на берег было высажено 1786 офицеров и матросов, 1930 морских пехотинцев и 74 орудия. Флот союзников становился ближайшим источником снабжения их армий орудиями и боеприпасами. Следовательно, значительно возрастало значение гаваней, в которых он находился.

Ранним утром 13 (25) октября 1854 г., ровно через неделю после начала бомбардировки Севастополя, русская армия

атаковала Балаклаву — основную базу снабжения англичан. Подступы к ней защищали четыре редута, на каждом из которых находилось по 250 турок и по одному английскому артиллеристу. Не доверяя турецким союзникам, британское командование использовало их как носильщиков и для прикрытия наименее опасной, как казалось, позиции.

Положение турок в английском лагере было незавидным. У англичан хватало своих проблем, а собственное турецкое снабжение было скверным. Солдаты султана вынуждены были побираться или подбирать объедки британских защитников Блистательной Порты. По несколько человек ежедневно дезертировало в русский лагерь. Очевидно, не все дезертиры были просто беглецами. Турецкая разведка получила донесение о планировавшемся русском наступлении и 24 октября сообщила об этом англичанам. Это сообщение было проигнорировано Рагланом. Союзники ничего не предприняли для подготовки к отражению атаки.

Утром 25 октября после короткой артиллерийской подготовки русская армия атаковала укрепления под Балаклавой. 170 турецких солдат на редуте № 1 оказали упорное сопротивление и были перебиты русскими, после этого гарнизоны редутов №№ 2, 3 и 4 бросили их, распространяя панику, бежали к порту, где были встречены побоями и штыками англичан, не желавшими принимать беглецов, покинувших укрепления и артиллерию. 11 крепостных орудий и лагерь с запасами стали трофеями наших войск.

В критический момент положение англичан было спасено «тонкой красной линией» — героическим сопротивлением примерно 500 солдат и офицеров шотландской гвардии, сдержавших натиск первой русской атаки. В это время Раглан приказал своей кавалерии контратаковать русские войска для спасения своей артиллерии. Кавалерийская дивизия понесла значительные потери еще в Варне, и ее единственной боеспособной частью была бригада гвардейской легкой кавалерии. Командир дивизии — лорд Лукан и командир бригады — лорд Кардиган были родственниками и старыми врагами. Лукан получил письменный приказ Раглана и передал его Кардигану, не разъяснив приказа, не потребовав у командующего разъяснений и не поддержав атаки бригады Кардигана. В результате эта кавалерия совершила, по словам русского офицера, сумасшедшую атаку. Британцы пошли вперед самым доблестным и безрассуд-

ным способом, сразу попав под штуцерный и артиллерийский огонь с фронта и обоих флангов.

Первоначально противник имел явный успех. Наши артиллеристы не успели пристреляться, и картечь пошла выше атакующих. Англичане захватили позиции конной батареи, вслед за чем им удалось опрокинуть пострадавший уже в бою полк уральских казаков, а те опрокинули киевских и ингерманландских гусар. Однако вскоре ситуация изменилась: фланговый удар улан смял англичан, а их путь назад прошел под перекрестным обстрелом. Сражение было коротким, но чрезвычайно кровопролитным. Поле боя было буквально завалено трупами английских солдат, ранеными и убитыми лошадьми. Попытка французской кавалерии атаковать наши войска и тем помочь союзникам также не завершилась успехом. Атака двух эскадронов конно-егерей была отбита стрелками Владимирского пехотно-

Уильям Симпсон. Вид на город и Балаклавскую бухту с места стоянки 93-го шотландского пехотного полка

Роберт Гибб. Тонкая красная линия. 1881

го полка и пластунами. Неразбериха в командовании англичан привела к тому, что атака легкой кавалерии закончилась большими потерями, хотя и позволила союзникам выиграть время. Русские войска захватили 11 орудий, знамя и множество мелких трофеев, но не взяли Балаклаву.

Воодушевившись этим успехом, 24 октября (5 ноября) 1854 г. Меншиков провел еще одно наступление. Накануне к русским войскам подошли подкрепления. 22 октября (3 ноября) в Севастополь была введена 10-я пехотная дивизия, 11-я пехотная дивизия была направлена под Инкерман. Общая численность русской армии в городе и его окрестностях выросла до 90 тыс. чел.

Союзники имели по спискам около 70 тыс. чел., а в строю — около 63 тыс. чел. Подобное состояние дел вызывало естественное опасение во Франции и Англии, и по приказу Наполеона III готовилась отправка в Крым новых французских частей. Кроме того, для Меншикова не было секретом и то, что союзное командование запланировало на 6 (18) ноября новый штурм. Всё это заставляло русского командующего торопиться.

На этот раз он поставил перед войсками задачу добиться деблокады Севастополя. План наступления был составлен не идеально — он предусматривал разворачивание войск для атаки после прохо-

да дефиле, что обуславливало ее неоднозначность. Кроме того, одна из колонн должна была штурмовать Сапун-гору с ее крутыми и недоступными для движения массой спусками. Сама гора была хорошо укреплена, доступные для движения участки были преграждены линиями окопов полного профиля в несколько рядов.

В отличие от атаки на Балаклаву, наступление под Инкерманом не было уже неожиданностью для союзников. Информация о подготовке к нему просочилась из дипломатических источников. Николай I сообщил о планах прусскому военному агенту, тот немедленно известил о них своего короля, один из чиновников канцелярии которого продал секретные документы британцам. Добиться запланированных результатов не удалось, хотя на первом этапе сражения наступавшие войска имели частичный успех.

Под непрерывным огнем штуцеров и артиллерии четыре полка — Бутырский и Углицкий егерские и Владимирский и Суздальский пехотные при самом деятельном и непосредственном содействии 24 батарейных и 12 легких орудий нанесли серьезное поражение англичанам. Штыками были очищены их позиции, было захвачено и заклепано шесть орудий. Уровень управления войсками оказался чрезвычайно низким. Меншиков скеп-

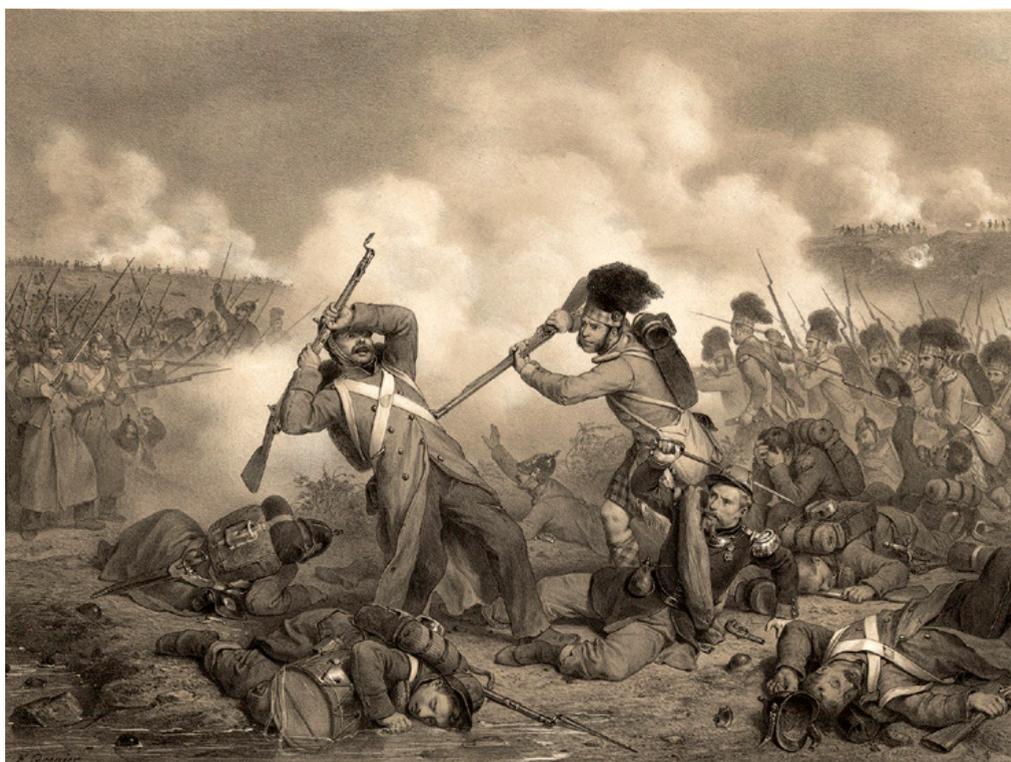
тически относился к идее использования штаба — в результате командиров частей не имели ни провожатых, ни надежных карт, согласования движения практически не было. Успех на английском направлении не был развит, в том числе из-за высоких потерь в офицерском составе. В самый решительный момент были убиты и ранены практически все высшие командиры русских войск. Старшим в строю остался подполковник, не имевший представления об общей задаче наступления. Ожидание приказа при отсутствии инициативы привело к потере темпа прорыва. Из-за недостатка снарядов быстро был потерян и темп огня артиллерии. Солдаты остались без командования и попросту начали бродить на захваченных позициях. Неудача англичан была компенсирована пришедшими им на помощь французами. Русские войска вообще действовали разрозненно, их наступление было отбито союзниками со значительными потерями для атакующих: шесть генералов, 256 офицеров и 10467 солдат ранеными и убитыми против 9 генералов, 271 офицера и 4027 солдат у англичан и французов, которым всё же удалось сорвать попытку снятия блокады русской крепости.

Русское наступление было отражено, наши войска отходили в полном беспорядке, вызванном неизбежной путаницей при отсутствии старших начальников. Несмотря на то, что линия обороны союзников была восстановлена, англо-французы поначалу не были уверены ни в своей победе, ни в окончательном завершении сражения, и ждали продолжения русских атак на следующий день. В английской армии осталось не более 16 тыс. штыков, часть генералов сомневалась в том, что их подчиненные выдержат еще одну такую атаку. Она не последовала: Меншиков был потрясен масштабом своих потерь — 25 октября (6 ноября) все здания на Северной стороне Севастополя были заполнены русскими ранеными. Их эвакуация и размещение стали тяжелым ударом для наших тылов.

И всё же Инкерманское сражение не было бессмысленным. 24–30 октября

(5–11 ноября) город находился под интенсивным огнем неприятеля, который наиболее активно действовал против 4-го бастиона. Гарнизон ежедневно расходовал от 800 до 1,2 тыс. пудов пороха и терял в артиллерийских дуэлях от 150 до 200 человек. С 31 октября (12 ноября) их интенсивность пошла на убыль. Убедившись в том, что атака не возобновится, союзники вынуждены были начать строить земляные укрепления для прикрытия своего тыла, что значительно увеличило нагрузку на их армии. Меншиков после Инкермана опять, как и после Альмы, перестал верить в возможность достижения успеха под Севастополем. Князь опять начал думать о том, как не потерять весь Крым. Неуверенность в победе витала в обществе. Узнав о результатах сражения, император отправил Меншикову письмо: *«Не унывать, любезный Меншиков, начальствуя севастопольскими героями, имея в своем распоряжении 80 000 отличного войска, вновь доказавшего, что нет ему невозможного, лишь бы его вели как следует и куда должно; но с такими молодцами было бы стыдно думать о конечной неудаче! Скажи вновь всем, что Я ими доволен и благодарю за прямо русский дух, который, надеюсь, никогда в них не изменится. Ежели удачи досель не было, как мы смели ожидать, то Бог милостив, она быть еще может».*

Сражение под Инкерманом действовало отрезвляющим образом на общественное мнение Англии и Франции. В Париже на Крымскую экспедицию стали смотреть как на нечто, способствующее ослаблению влияния Франции на положение дел в Европе. В Лондоне ожидание решительных и быстрых успехов после Инкермана окончательно испарилось. Всё яснее становился тот простой факт, что война будет длительной и дорогостоящей, и что правительство оказалось не в состоянии подготовиться к ней должным образом. Отрезвление пришло и в Вену. Убедившись в невозможности получить помощь со стороны Германского Союза и особенно Пруссии, как и в том, что война в Крыму явно затягивается, Австрия демобилизовала часть своей армии. Тем

Франсуа-Гринье де Сен-Мартен. Эпизод в Инкерманском сражении 5 ноября 1855 года

не менее, 16 ноября 1854 г., под впечатлением известий об этом сражении, Николай I принял «четыре условия» союзников, однако Париж и Лондон зашли уже слишком далеко, чтобы позволить себе вывести свои войска из Крыма без решительных и очевидных результатов. Особенно остро вопрос стоял в Англии. Оказавшись под сильнейшей критикой своих провальных организационных усилий, кабинет Абердина должен был продемонстрировать стране хотя бы какие-то достижения.

2 декабря 1854 г. под давлением, весьма походившим на угрозу начала военных действий в Северной Италии, где французы могли поддержать королевство Пьемонт в его планах уничтожения австрийского владычества, Австрия заключила союзный договор с Англией и Францией. Вена, Париж и Лондон обязались солидарно защищать Дунайские княжества от возможного нападения русских войск и вести переговоры с Россией только на основе «четырех условий» и только в интерпретации союзников. С 1 января

1855 г. союзники обязались начать консультации по вопросу о возможных мерах по достижению мира.

Вдохновившись своим очередным дипломатическим «успехом», австрийцы вновь потребовали от Пруссии мобилизовать в течение шести недель 200-тысячную армию и обеспечить поддержку требований Вены к государствам Германского союза предоставить Пруссии и Австрии помощь в виде двух корпусов. На это требование вновь последовал категорический отказ Берлина. Король предпочел призвать к федеральной мобилизации против всех угроз Германии, как с Востока, так и с Запада. Этот шаг носил подчеркнуто антифранцузский и антиавстрийский характер и был полностью поддержан общественным мнением Германского союза, гораздо больше опасавшегося агрессивных планов Парижа, чем Петербурга, и не поддерживавшего политику Вены. Авторитет Берлина в Германии значительно вырос, а положение России — укрепилось.

Адольф Байо. Сражение при Инкермане — прибытие дивизии Боске

Первая военная зима. 1854–1855

Быстрой победы под Севастополем англо-французам добиться не удалось. Город не удалось взять ни с наскока после Альмы, ни после первой бомбардировки. В результате в активных действиях в Крыму наступил перерыв вместе с первой зимой осады, к которой оказалась совершенно неподготовленной армия союзников.

В особенно тяжелом положении оказались англичане. В результате шторма 2 (14) ноября 1854 г. погибли семь британских транспортов, которые должны были доставить теплую одежду, продовольствие, фураж и боеприпасы экспедиционной армии в Крыму. Весьма пострадали также французские и турецкие суда. Потери союзнического флота были велики, часть поврежденных кораблей пришлось отправить на ремонт в Константинополь. Буря принесла множество проблем и армиям. Скверное состояние дорог, ослабевшие люди и тягловые животные не справлялись с доставкой боеприпасов на позиции, и с 2 (14) ноября огонь осадных батарей противника резко ослаб. С 8 (20) ноября англичане почти прекратили обстрел Севастополя, а после 12 (24) ноября их артиллерия замолчала. Из-за отсутствия снарядов английские артиллеристы вынуждены были заниматься поиском русских ядер, подходящих по калибру к их орудиям.

Окопы были залиты водой, английские палатки снесены ветром, четыре бревенчатых французских госпиталя во время шторма обрушились на головы больных и раненых. В осадном лагере свирепство-

вала холера, нормальное снабжение отсутствовало, солдаты союзников и прежде всего британцы встречали зиму в летнем обмундировании. Недостаток во всем привел к дороговизне. Старое одеяло продавалось за два фунта 15 шиллингов (5,1 рубля серебром), свеча — за два шиллинга (60 коп. серебром), стакан воды — за три шиллинга (90 коп. серебром). Балаклава превратилась в огромный госпиталь под открытым небом, переполненный больными и мертвыми, которых не успевали хоронить. Воды ее бухты несколько месяцев были покрыты обломками потонувших кораблей и их грузов, останками людей и животных.

В тяжелом положении оказались и защитники Севастополя. Возможностей Крыма не хватало для снабжения армии, перевозка по морю практически исключалась в сколько-нибудь значительных объемах. Всё необходимое: продовольствие, фураж, дрова, боеприпасы — необходимо было доставлять гужевым транспортом. Для перевозки всего необходимого требовалось 132600 подвод, тогда как в подвижном армейском магазине имелось только 7000. Разницу поставляли жители близлежащих губерний. В районе Перекопа в естественном сужении сталкивались линии снабжения и эвакуации — тысячи волов и подвод тянули в сторону Севастополя боеприпасы и продовольствие и увозили раненых и пленных оттуда. Всю эту массу необходимо было обеспечить продовольствием, фуражом и водой, и, кроме того, рационально организовать ее движение.

Проблемы со снабжением города и эвакуацией раненых начались уже в конце 1854 г. Поначалу сложно было вывезти даже имевшиеся в городе четыре тыс. раненых. Их приходилось вывозить небольшими партиями. *«Дороги из Симферополя сюда, — писал Меншиков, — в такой степени разбиты, недостаток в фураже таков, что никто, ни возчики, ни кулаки, даже за баснословные цены не решаются взять на себя перевозку чего-либо».* Власти предпринимали все возможные меры для преодоления этих проблем.

«В вязкой грязи, толкаясь по рытвинам, спускаясь с гор и поднимаясь на горы, — писал 21 ноября (3 декабря) 1854 г. приехавший в осажденную крепость Н. И. Пирогов, — тянулись ряды телег и арб, нагруженные сеном, сухарями и ранеными, по 2 и 4 человека на телегу скучены были раненые защитники Севастополя, отправлявшиеся в Бахчисарай и оттуда в Симферополь, где их ожидала

та же самая участь, то есть быть сваленными на нары и валяться в грязи и нечистоте под наблюдением врачей». Поскольку поначалу не были организованы ни этапы, ни кормление раненых, ни элементарный уход за ними в дороге, то медицинские потери при такой постановке эвакуации были велики. Голая степь не представляла возможности найти убежище от ветра, особенно зимой. Полушубки для медицинских транспортов при перевозке больных и раненых были заказаны лишь весной 1855 г. До этого пришлось ограничиваться выдачей двух шинелей. Этого было недостаточно для зимы. Как отмечал один из современников, *«где стоянка, там и кладбище».* Стоянок было немало. Дорога от Бахчисарая была забита транспортом на протяжении 30 верст, огромные пробки приводили к тому, что переезд от Севастополя до Симферополя — 60 верст — занимал от 10 до 12 дней.

Уильям Симпсон. Эпизод Крымской войны. 1854

Чрезвычайно велика была и проблема организации лечения и размещения больных и раненых. Сразу же после Альмы обнаружилось, что медицинских возможностей армии и флота в Крыму совершенно недостаточно для решения возникших проблем. К моменту высадки союзников в госпиталях Севастополя, Симферополя, Феодосии, Керчи и Перекопа имелось 1950 мест, вместе с городской больницей Симферополя, запасными госпиталями и лазаретами можно было обеспечить всего 3000 мест, то есть госпитальных возможностей на полуострове едва хватило для раненых под Альмой. В конце сентября 1854 г. по распоряжению Меншикова в Крыму для армии были освобождены два госпиталя на 1200 мест — в Вознесенске и Новой Одессе, госпиталь в Херсоне был расширен до 1500 мест, а в октябре 1854 г. в Николаеве были открыты два новых отделения местного госпиталя на 1000 мест. Этого оказалось недостаточно. Особенно тяжелым было положение в самом Севастополе. Уже в конце 1854 г. Пирогов потребовал приступить к очищению госпиталей на Южной стороне города, где они находились в сфере досягаемости огня союзников, и расширению госпиталей на Северной стороне. Весной 1855 г. раненых начали размещать на Николаевской батарее, а затем и на трех линейных кораблях — «Императрица Мария», «Чесма» и «Ягудиил». Последняя мера оказалась чрезвычайно удачной.

Не хватало врачей: в Севастополе на каждого врача приходилось по 100 раненых. Быстро увеличить число медиков было невозможно: в Симферополе, например, в начале войны было только 4 доктора. Кроме того, не хватало лекарств, перевязочных средств, квалифицированной obsługi, даже свежей соломы для подстилки на нарах. В начале ноября 1854 г. в госпиталях и лазаретах Крымской армии находилось 27.244 чел., из которых 10.553 — раненых. Легкораненые обычно оставались в строю, большое количество раненых и больных (до шести тыс. чел.) было размещено в развернутых на Южной стороне госпиталях, остальных вывозили вглубь полуострова и далее.

Все ближайшие к Севастополю города превратились в гигантские госпитали. С 1 (13) ноября 1854 г. по 1 (13) марта 1855 г. из госпиталей Севастополя и Симферополя было вывезено около 15 тыс. чел. В Симферополе до войны проживало 12 тыс. жителей, а в сентябре 1855 г. его население увеличилось на 13 тыс. больных и раненых, которых необходимо было снабжать продовольствием и медикаментами. Число больных и раненых постоянно росло, и вместе с войсками к 1856 г. население города достигло уже 60 тыс. чел. В городе почти не осталось домов, не занятых больными или ранеными, а они всё прибывали и прибывали. Повсюду стоял запах госпиталя. Значительную помощь оказала прибывшая сюда 30 ноября (12 декабря) 1855 г. Крестовоздвиженская община попечения о раненых в Крыму. Первоначально их было всего 58 сестер во главе с иеромонахом. На перевязочных пунктах в самом Севастополе добровольно работали помощницами жительницы города.

Если положение русских было весьма сложным, то для англо-французов зима 1854–1855 гг. стала катастрофой. К тифу и холере, высокому уровню смертности, колоссальным проблемам при эвакуации больных и раненых прибавились обмороженные. Особенно страдали британцы. Теплой одежды и жилья не было — у англичан было зарегистрировано 2873 случая обморожения. Впервые на русскую сторону стали перебегать дезертиры от союзников — это были жертвы голода и холода. Пленные жаловались на плохое качество галет и постоянный недостаток пищи, особенно горячей. Союзники испытывали нужду буквально во всем, включая чистую воду и дрова для отопления. В окрестностях Севастополя и Балаклавы были вырублены все деревья, в огонь пошли даже корни виноградников, но этого было мало. В трагическом положении оказались и кони союзников — запасы заранее заготовленного англо-французами в Байдарской долине сена были сожжены казаками, компенсировать эту потерю было нечем. В результате за время зимовки была потеряна кавалерия, уже к концу декабря

1854 г. в британской легкой кавалерийской дивизии осталось только 60 лошадей, причем состояние их было таким, что несчастных животных пришлось списать в обоз.

Размещение людей также было неидеальным. Надежной крыши над головами союзники не имели. Первые палатки прибыли в английский лагерь только 22 сентября (4 октября), а ноябрьский шторм уничтожил многие из них. Люди долгое время вынуждены были ночевать под открытым небом.

Дожди, сырость, холод и однообразное питание резко ухудшили санитарное положение войск. С осени 1854 до весны 1855 гг. армии союзников понесли огромные потери из-за болезней. Медицинская часть была организована безобразно: на 75 тыс. французов было 450 врачей, в то время как заболевших зимой было 89 тыс., а весной — 106 тыс., то есть почти каждый солдат и офицер болел несколько раз. У англичан на 80-тысячную армию было 448 врачей. С 1 октября 1854 г. по 30 апреля 1855 г. из 28.939 чел. от болезней умерло 10.053 чел., уровень безвозвратных санитарно-медицинских потерь был равен приблизительно 6 из 10, то есть 60%.

Болезни, принявшие характер эпидемий, вновь усилились к осени 1855 г. Во многих полках не было ни врачей, ни лекарств, что приводило к массовым потерям. Так, например, 46-й английский полк, высадившийся в Балаклаве 10 ноября 1854 г. в составе 706 чел., уже к началу января потерял 114 умершими от болезней, и еще 257 больными. Полк за это время не был в бою ни одного раза.

12 декабря 1854 г. английский парламент под угрозой отставки правительства принял закон, позволявший набор иностранных наемников в армию — явное свидетельство того, насколько непопулярной стала война в английском обществе. Потери нельзя было возместить за счет добровольцев из числа собственных подданных.

Хуже всего было туркам. В английском лагере их использовали вместо вымершего тяглогового скота и почти не снабжали продовольствием. В среднем зимой

1854–1855 гг. ежедневно умирало по 300 турецких солдат. С 19 сентября 1854 г. по 28 сентября 1855 г. англичане потеряли в Крыму убитыми и умершими от ран 239 офицеров и 3323 солдата. В то же самое время потери замерзшими составили 2873 чел., от холеры умерло 35 офицеров и 4244 солдата, а от других болезней — 26 офицеров и 11.425 солдат. Уровень санитарных потерь в Крыму был даже больше, чем в Индии, где в это время англичане в среднем ежегодно теряли 4830 умершими и 5880 заболевшими из 70-тысячной английской армии.

Пик потерь от болезней выпал на зиму 1855 г., и благодаря значительному, но запоздалому финансированию, санитарное положение британских войск было улучшено только к зиме 1856 г. В феврале 1856 г. правительство заключило контракт на строительство железной дороги от Балаклавы до осадных позиций. Это была первая военная железная дорога, имевшая общую протяженность в 39 миль, резко облегчившая снабжение к весне 1856 г. Впрочем, англичане перебежали в русский лагерь и зимой 1856 г.: голод, холод и болезни продолжали косить их солдат. Помощь была запоздалой: прекрасно подготовленная кадровая британская армия уже была уничтожена болезнями, слабо обученные подкрепления не могли компенсировать этой потери. Что касается французов, то у них изменений в качестве снабжения фактически не было. В конце января 1855 г. в Крыму находилось 71.326 французов, около 15 тыс. англичан и несколько тысяч турок — всего до 90 тыс. человек.

Потери конца 1854 г. — начала 1855 г. были несколько компенсированы появлением нового союзника. Он появился как нельзя более вовремя. Если французам удалось почти удвоить численность своей армии, то англичане столкнулись со значительными проблемами. Набранные в 1854 г. 23 тыс. новобранцев еще не были обучены, попытки заменить милицией гарнизонные полки с целью высвободить их для Крыма не обеспечивали нужное количество солдат и офицеров. Компенсировать разрыв планировали

даже с помощью создания иностранных легионов. 16 января 1855 г. к коалиции присоединилось королевство Сардиния (Пьемонт). В конце 1852 г. Виктор-Эммануил назначил премьер-министром графа К. Кавура — этот политик, в отличие от своего короля, не считал, что «Italia farà da se» (то есть справится своими силами), и в своих планах по объединению полуострова рассчитывал опереться на поддержку внешних сил и прежде всего — Франции, тем более что правительство королевства Обеих Сицилий — консервативного *alter ego* Пьемонта на полуострове — не скрывало своих симпатий в пользу России. Король Фердинанд II даже запретил экспорт товаров, которые могли быть использованы для снабжения англо-франко-турецкой армии в Крыму.

Посылка сардинского корпуса в Крым позволяла Кавуру несколько восстановить потрепанный Радецким в 1849 г. военный престиж королевства, и надеяться на полноправное участие наравне с Великими Державами на международном конгрессе по заключению мира и поставить там на повестку дня итальянский вопрос. Именно поэтому глава сардинского правительства категорически отказался от получения субсидий от Англии и Франции, заявив, что его солдаты дол-

жны рассматриваться в качестве «союзников, а не слуг». Что касается противоречий в восточной политике Великих Держав, то они интересовали Кавура только с точки зрения интересов объединения Италии. Это понимали и в Вене, где вступление в войну Сардинии было встречено весьма негативно. *«Никогда знамена Пьемонта, даже если они развеваются рядом с французскими, — заявил Буоль французскому послу, — не будут ничем иным, как вражескими полевыми значками».*

Сардинская армия по штатам военного времени насчитывала 111 батальонов, 93 эскадрона, всего 118000 чел. при 256 орудиях. Армия мирного времени была скромнее — 15-тысячный экспедиционный корпус составил 1/3 всей ее численности. На время войны неприкосновенность границ Пьемонта получила гарантию со стороны Британии и Франции. Прибывшие под Севастополь под руководством ген. Альфонсо де Ламармора сардинцы позволили союзному командованию несколько компенсировать свои потери, особыми успехами на поле боя эти солдаты не отличились, но тем не менее воевали не хуже турок. Именно в крымской распутице среди сардинцев родился лозунг «Из этой глины будет создана новая Италия».

Транспортировка пушек около Видина на Дунае

Уильям Симпсон. Могилы офицеров на Каткартовом холме

Война на окраинах России. Меры мобилизации

Военные действия Крымской войны велись не только на Балтике, Черном и Азовском морях, в Закавказье и Крыму, но и на Белом море и Тихом океане. Союзники решили навязать России войну на ее окраинах. Это была верная и в целом весьма опасная для Петербурга стратегия, хотя в середине XIX века удары по отдаленным участкам русского побережья не могли дать значительных результатов.

Атака главного русского порта на Белом море — Архангельска — исключалась. По данным британской разведки, его гарнизон состоял из шести тыс. чел., позиции на Северной Двине были прикрыты новыми батареями, на реке действовала флотилия из 15 канонерских лодок и нескольких маленьких пароходов. Три британских судна и отряд морской пехоты в 540 чел. не могли рисковать до такой степени, чтобы позволить себе десант. Впрочем, далеко не все русские берега имели столь солидную защиту. Побережье Белого моря охраняло всего 2,5 батальона. Разумеется, большая часть рыбацких поселений оказалась беззащитной, многие из них были разорены и ограблены. Прибытие французского подкрепления добавило союзникам решительности. 6 (18) июля 1854 г. два английских паровых 14-пушечных фрегата — «Бриск» и «Миранда» — обстреляли Соловецкий монастырь.

Здесь находился отряд местной инвалидной команды — 60 солдат и офицер. Кроме того, среди монахов оказались отставной капитан-артиллерист и фейерверкер. Вместе они подготовились к от-

ражению возможной атаки. Доставались стволы старых пушек, которые стояли в музее или даже использовались в качестве подпор, всё, что возможно, ставилось на лафеты. Несколько орудий было поставлено в батареи, преграждавшие доступ к бухте, три легкие пушки поставили на колеса и сформировали из них конную батарею, на вооружение вновь были взяты стрелецкие копыя, бердыши и ружья времен то ли царя Федора Иоанновича, то ли Алексея Михайловича. Кроме того, имелось около 500 ядер и 20 пудов пороха.

По свидетельству капитана Э. Оммани, в свою очередь ссылавшегося на донесение бывшего британского консула в Архангельске, в монастырь перед нападением было переведено 8 орудий и 80 солдат — это делало его законной целью для атаки. Полученный отпор вызвал глубокое удивление у моряков. В своем рапорте о случившемся Оммани объяснил свои действия ответом на провокационное нападение со стороны русской крепости на свои суда.

В течение нескольких часов британским кораблям отвечала батарея из двух старых трехфунтовых орудий. Отставным солдатам удалось добиться нескольких попаданий, после чего суда отошли мористее и выслали для переговоров шлюпку. Объявив, что стрельбой было нанесено оскорбление британскому флагу, англичане потребовали капитуляции, пригрозив в противном случае не оставить на месте монастыря камня на камне. Получив категорический отказ сдаться, на следующий день британские суда повторили бомбар-

Белое море. Атака русского поселения фрегатом «Миранда» и корветом «Бриск» в августе 1854 г.

дировку с ничтожными результатами для крепости начала XVII века. Не удалось даже повредить деревянную гостиницу, стоявшую у стен. Ядра подожгли лишь крышу мельницы. Высадить десант на Соловецком острове англичане так и не решились, хотя в монастыре, кроме инвалидов, были лишь монахи и богомольцы, ходившие крестным ходом по монастырской стене. Эскадра отошла, ограничившись обстрелом и грабежом не имевших артиллерийской защиты прибрежных деревень и монастырей на Белом море. Так, очевидно, желая получить моральную компенсацию за позорный провал у Соловецкого монастыря, 11–12 (23–24) августа 1854 г. фрегат «Миранда» обстрелял и сжег город Кола, гарнизон которого состоял из 50 человек инвалидной команды и ополчения вооруженных жителей без орудий. Корабль без всякой для себя опасности стрелял по деревянному городу с расстояния 300 метров. Успех здесь был явным, безопасным и обошелся без оскорбления британскому флагу по причине отсутствия артиллерии у оборонявшихся.

Британские моряки были предприимчивы, но им не всегда везло. «В особенности энергично действовали английские корветы, — вспоминал один из участников этих событий, — но не доблестны были эти действия. Результаты их были таковы: несколько потопленных поморских ладей и карбасов, взятых в море, нападения на поморские селения и рыбацкие тони⁴; при этом жгли и рубили сети, снасти и рыболовные суды; от таких действий страдал беднейший класс населения. Бедняки лишались не только насущного хлеба, но и средств добывать его себе и семействам. Чем беззащитнее селение или тоня, тем храбрее нападение и тем бедственнее его последствие. В местах же обороняемых самую природою и населенных «промышленниками морского зверя», хорошо владеющими винтовкой, неприятельские баркасы и катера, даже и вооруженные фальконетами, были менее предприимчивы, они возвращались домой после первых удачных выстрелов по ним из винтовок стрелков, скрытых за крупными береговыми камнями».

⁴ Рыбацкая тоня — избушка, которую обычно строили промысловики на отмелях.

При малейшей возможности англичане и французы, по их свидетельствам, жгли русские деревни с удовольствием. Разумеется, что все случаи недостаточного гостеприимства жителей русского Севера европейцы объяснили запугиванием со стороны властей, грозивших тем, кто будет принимать союзников или торговать с ними, Сибирью.

Гораздо более серьезные события произошли в Петропавловске-Камчатском. Долгое время это был административный центр Камчатки, в котором в начале 1840-х проживало около 500 чел.: военные, моряки, чиновники, духовенство и два-три купца. Он имел режим порто-франко, раз в год сюда приходил американский корабль, позволявший снабжаться товарами по дорогим, но всё же не заоблачным ценам, как те, которые устанавливались на русские товары.

В 1851 г. сюда из Охотска был переведен главный порт на Тихом океане. В Петропавловске развернулось строительство казенных зданий. Порт готовился стать базой эскадры. На берегу Авачинской губы еще в начале века возник небольшой русский поселок. Уже тогда ему не хватало одного — населения, которое было немногочисленным. За 35 лет почти ничего не изменилось. В 1851 г. стараниями нового губернатора, контр-адмирала В. С. Завойко здесь были построены две казармы с 11 флигелями и один магазин (то есть склад). Вместе с ними в «городе» были еще и «юрты» — землянки под крышей из травяных снопов, где жили женатые нижние чины, в таких же землянках располагались маленький плавильный заводик и сухарное сушило.

Сюда союзники послали три французских и два британских фрегата и один вооруженный британский пароход. Вместе они имели на борту 214 орудий и рассчитывали на легкую победу.

К счастью, в Петропавловск 2 июля пришел русский 44-пушечный фрегат «Аврора», (он находился в кругосветном плавании, и его командир, еще не зная, что война объявлена, привел свои суда в единственную русскую незамерзающую

гавань на Тихом океане), а в след за ним 12-пушечный транспорт «Двина», привезший известие о начале войны и 300 солдат. Кроме того, транспорт привез пушки, заказанные Завойко еще в 1850 г.

Самый мощный корабль — «Аврора» — оказался на Камчатке случайно. Еще в 1850 г. в Адмиралтействе решили приступить к крейсерованию в водах Тихого океана, прилегающих к русским владениям из-за активизировавшихся там браконьеров-китобоев. В 1850 г. на Дальний Восток был отправлен корвет «Оливуца». Очень быстро выяснилось, что одного корабля для защиты интересов России недостаточно, и в 1853 г. сюда решили отправить «Аврору», фрегат «Наварин» и яхту «Рогнеда». Каждый корабль шел на Тихий океан самостоятельно. На последнем этапе этого пути были возможны проблемы. С 1853 г. у берегов Чили, Перу и Эквадора действовали английские и французские суда для защиты коммерческих интересов своих соотечественников.

В мае 1854 г. у берегов Перу «Аврора» разошлась с англо-французской эскадрой, которая, по позднему утверждению французских авторов, не успела еще получить известие о начале военных действий с Россией. Во всяком случае, французы были настроены весьма любезно по отношению к офицерам русского корабля, что не мешало им ежедневно вместе с англичанами отрабатывать высадку десанта на берег.

Командир «Авроры» имел все основания торопиться в русский порт. Кроме того, кругосветный переход изрядно вымотал команду — по приходу в Петропавловск на борту фрегата было 35 больных и 142 цинготных, которых пришлось списать на берег для лечения. Среди прибывших на «Двине» солдат примерно половина была представлена охотниками-сибиряками, которых при подготовке практически не надо было обучать стрельбе. По словам их командира, они оказались «артистами в этом искусстве».

Вместе с ополчением и имевшимися на Камчатке силами в городе собралось около 1000 чел. Вместе с матросами под

Алексей Боголюбов. Отражение нападения англо-французской эскадры на Петропавловск 18–24 августа 1854 г.

руководством губернатора они в кратчайшее время построили укрепления, на которых были установлены морские орудия, частично снятые с русских кораблей. 28 августа 1854 г. на горизонте появилась союзная эскадра, часть кораблей которой поначалу произвела разведку, прикрываясь нейтральным флагом США.

29 августа начался первый обстрел Петропавловска, продолжившийся с особой силой 30 августа — 1 сентября. Союзным кораблям был нанесен значительный урон, попытка высадить десант была отражена русскими стрелковыми партиями. На берегу осталось 38 убитых, в том числе и четыре офицера, семь офицерских сабель, 56 ружей, флаг полка королевской морской пехоты, четыре человека попали в плен, трое из них — тяжелоранеными. Общие потери англичан составили 107, французов — 102 чел. Общие потери оборонявшихся (гарнизон, моряки, ополченцы) составили 96 убитых и столько же раненых. Командовавший английской эскадрой застрелился, союзники удалились. Перед уходом им удалось захватить подходившие к порту шхуну «Анадырь» с лесом и судно российско-американской

кампании «Ситха». Этим ограничились успехи союзников.

Впечатление от поражения в Лондоне и Париже было убийственным и для спасения «чести флага» на Камчатку была отправлена вторая и гораздо более сильная эскадра.

Предвидя это, 29 декабря 1854 г. (10 января 1855 г.) генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев приказал Завойко эвакуировать город, предварительно уничтожив все военные строения. 3 (15) марта 1855 г. это предписание было получено и вскоре приведено в исполнение. 5 (17) апреля русские корабли: флагманский корвет «Оливуца», фрегат «Аврора», транспорты «Двина», «Иртыш», «Байкал» и бот № 1 покинули Авачинскую губу. Гражданскими пассажирам были 282 человека, в основном женщины и дети. 1 (13) мая корабли прибыли в залив де-Кастри, а оттуда ушли в Николаевск (совр. Николаевск-на-Амуре).

30 мая союзная эскадра в составе 12 крупных кораблей подошла к Петропавловску и нашла там оставленные русские позиции, дома и около 500 собак. Несколько дней англо-французы потра-

тили на уничтожение оборонительных сооружений и сожжение домов, после чего ушли в поиске русской эскадры сначала к Ново-Архангельску (совр. Ситка, США), а затем на Амур. На этом военные действия в этом регионе закончились. Не имея хороших карт устья Амура, союзники не рискнули приближаться к Николаевску.

Главным театром военных действий оставался всё же Севастополь, от стойкости обороны которого зависело теперь всё. 9 (21) декабря 1854 г. Николай I даровал его защитникам невиданные ранее льготы — всем морским и армейским чинам, а также чиновникам севастопольского гарнизона с 13 (25) сентября 1854 г. каждый месяц службы засчитывался за год.

28 декабря 1854 г. в Вене начала работу конференция послов Англии, Франции и России, в которой со стороны Австрии принимал участие министр иностранных дел. Переговоры о предварительных условиях перемирия шли трудно, и для того, чтобы усилить русские позиции на них, в Петербурге было принято решение усилить армию и активизировать военные действия в Крыму. Для решения первой задачи в ноябре 1854 г. и в феврале 1855 г. был проведен рекрутский набор по 10 чел. с каждой тысячи ревизских душ.

Кроме того, 29 января (10) февраля 1855 г. последовал Высочайший Манифест «О призвании к Государственному ополчению». *«Желание наше, — говорилось в нем, — мирного, без употребления силы оружия, без продолжения кровопролития, достижения постоянной нашей цели, защиты прав единоверцев наших и вообще Христианства на Востоке, известно любезным нашим верным подданным. Оно известно и всем, тщательно и беспристрастно наблюдавшим за ходом событий и неуклонным направлением наших действий. Мы были и остаемся навсегда чуждым иным побуждениям в деле веры и совести. Следуя и ныне сим принятым нами правилам, Мы изъявили согласие на открытие переговоров с западны-*

ми державами, вступившими в неприязненный против нас с Портою Оттоманскою союз. Считаем справедливым ожидать от них такой же искренности, такого же бескорыстия в намерениях, и не теряем надежды восстановить драгоценный для всего Христианства мир. Но между тем, однако ж, при виде собираемых ими сил и других к борьбе с нами приготовлений, кои, несмотря на начинающиеся переговоры, не прекращаются, и еще беспрестанно, с каждым почти днем, достигают обширнейшего развития, Мы обязаны с своей стороны помышлять немедля об усилении данных нам от бога средств для обороны Отечества, для того, чтобы поставить твердый могущественный оплот против всех враждебных на Россию покушений, против всех замыслов на ее безопасность и величие».

В Санкт-Петербургской, Олонецкой, Новгородской, Тверской, Смоленской и Курской губерниях был объявлен немедленный сбор ополчения, а в Московской, Вологодской, Ярославской, Калужской, Орловской, Тульской, Рязанской, Владимирской, Тамбовской и Пензенской — с 1 (13) апреля по 1 (13) мая 1855 г., так как там предварительно планировалось завершить с 15 (27) февраля по 15 (27) марта рекрутский набор. По «Положению о Государственном ополчении» собиралось по 23 ратника с каждой тысячи ревизских душ. Ратники собирались в дружины четырехротнового состава, каждая из которых состояла из 1108 строевых (включая 19 офицеров) и 51 нестроевого ратника. Первоначально планировалось собрать в 18 великорусских губерниях 204 дружины ополчения. К лету их было собрано 198, вслед за чем правительство еще дважды обращалось к созыву ополчения — 31 июля (12 августа) и 16 (28) сентября, что дало еще 139 дружин. Ополчение могло создать, разумеется, со временем (окончательная готовность дружин последнего, третьего созыва намечалась на январь — начало марта 1856 г.) запас для гарнизонных и резервных войск.

THE YOUNG CZAR COMING INTO HIS PROPERTY.

1855 год. Смерть императора Николая, бои в Крыму и сражения дипломатов

Тяжелая ситуация, в которой оказались армии союзников в Крыму в первую военную зиму 1854–1855 гг., необходимость активизации для улучшения военного положения России на полуострове и укрепления внешнеполитических позиций Империи, всё это диктовало необходимость перехода к активным контрнаступательным действиям. Успехи русской армии могли повлиять на колеблющиеся нейтральные государства, прежде всего на членов Германского союза, неудачи — привести к нежелательному для Петербурга расширению враждебной коалиции. Война только началась, а в столицах воюющих государств уже начали думать о возможном ее окончании. Проблемой оставалось завершение военных действий, их финальный аккорд. Никто не мог позволить себе допустить дальнейших репутационных потерь на фоне завышенных ожиданий и бодрых деклараций при начале военных действий, отсутствии весомых результатов после материальных издержек и потока известий об убитых и раненых.

В начале 1855 г. в качестве цели для активизации действий русских войск в Крыму была выбрана Евпатория. С самого начала было ясно, что планируемое наступление будет носить характер демонстрации. Армия не могла удержать город в случае его взятия, так как он был совершенно открыт для обстрела с моря. Еще осенью 1854 г. из уезда сюда стянулось около 10 тыс. татарских семейств со скотом. Это было результатом призывов турецкого паши, объявившего себя потомком крымских ханов. Порядка и защиты

союзники прибывшим не обеспечили, но зато заставили их работать на строительстве по укреплению города. Через несколько месяцев татары вынуждены были распродать свой скот, вслед за чем среди них начался голод — англо-французы выделяли им по несколько сухарей в сутки за земляные работы и отказывались выпустить из города.

Особенно активно работы велись после Инкерманского сражения — Евпаторию окружили земляным валом со рвом, начали увеличивать число батарей. Кроме того, в батарею был превращен и французский 100-пушечный линейный корабль «Генрих IV», севший на мель во время ноябрьского шторма 1854 г. Проведенная в январе 1855 г. рекогносцировка показала, что укрепления в ряде мест были уже вполне серьезными, хотя на некоторых участках земляные работы еще не закончились, что позволяло надеяться на успех. В конце декабря в Евпатории насчитывалось около 10 тыс. турецкой пехоты, три тыс. кавалерии, пять тыс. вооруженных татар, численность которых стремительно сокращалась, и около 700 англичан и французов.

Подготовка к атаке города затянулась, что до такой степени затруднило ее успешное выполнение, что фактически сделало ее бессмысленной. Активизация русских сил перед городом не прошла незамеченной, и противник ожидал штурм. Русский отряд возглавил ген. С. А. Хрулев, в его распоряжение было выделено 22 батальона, 24 эскадрона и 5 сотен — всего около 19 тыс. чел. со 108 орудиями.

Василий Тимм. Император Николай I на смертном одре. 1855

28 января (9 февраля) в городе были высажены две турецкие и египетская дивизия с двумя эскадронами и двумя батареями полевой артиллерии — всего 21.600 чел. Кроме того, там находился и прежний турецкий гарнизон, около тысячи вооруженных татар, а также несколько сот англичан и французов, на рейде стояло шесть военных пароходов.

5 (17) февраля 1855 г. Евпатория была атакована, но приступ закончился неудачей. Внезапным и весьма неприятным сюрпризом для атакующих был глубокий ров, заполненный водой. Атака споткнулась об это препятствие в самом начале. Солдаты рвались вперед, но Хрулев решил, что возможный успех не окупит потерь. В результате они были невелики: 168 убитых, 582 раненых и контуженных, 18 пропавших без вести (общий урон турок и французов — 377 человек). Убитых при атаке могло быть меньше, но часть раненых была добита турками и татарами. Хрулев опасался, что в ходе боев в городе

потери могли достичь такого уровня, что взятую Евпаторию не удастся удержать. Военная акция, нацеленная на достижение не столько военного, сколько морального, внешнеполитического результата, привела к эффекту, обратному ожидаемому.

16 (28) февраля Николай I сместил Меншикова с поста Главнокомандующего Крымской армией и назначил вместо него ген. М. Д. Горчакова.

18 февраля (2 марта) 1855 г. после недолгой болезни император скончался, на престол вступил его сын Александр II. Его первые заявления свидетельствовали о готовности занять бескомпромиссную и жесткую позицию, не допускавшую никаких уступок. Выступая перед представителями дипломатического корпуса, преемник Николая, упомянув о конференции в Вене, заявил, что если она *«не будет клониться к нашей чести, — тогда, господа, во главе моей верной России я вместе со всем моим народом буду драться — и скорее погибну, нежели уступлю»*.

Это соответствовало как убеждениям, так и расчетам сына Николая I. Новое царствование не должно было начинаться с поражения. Как для России, так и для союзников исход осады Севастополя становился вопросом, далеко превосходящим военные последствия. И Петербург, и Париж, и Лондон нуждались в успехе для стабилизации внутреннего положения страны и повышения авторитета правительства среди подданных.

Особенно сложным было положение во Франции, которая несла основные потери в Крыму. Отсутствие ясных для публики целей войны и ее затяжной характер вели к недовольству, весьма опасному для Наполеона III. Император французов вел войну ради престижа Франции и собственной династии — и то, и другое оказалось под угрозой. В начале 1855 г. он даже планировал лично возглавить армию в Крыму, от чего его отговаривали приближенные и союзники. Сделать это было чрезвычайно сложно, так как чем хуже шли дела — тем несговорчивее он становился.

Наполеон был уверен, что его генералы смогут преодолеть свои ссоры и начать энергично действовать только в его присутствии. Этим проблемы не ограничивались. В Великобритании попросту не хотели передавать ему в подчинение английские части в Крыму, французское правительство опасалось негативных последствий неудач для биржи, политической стабильности и т. п. Австрийцы боялись результатов и побед, и поражений под руководством Наполеона.

Положение в Англии было немногим лучше французского. 29 января 1855 г. в результате жесткой критики положения армии и флота после первой кампании в отставку с поста премьер-министра вынужден был подать Абердин (305 голосов против 148 поддержавших правительство), которого 6 февраля заменил Пальмерстон. Всё это происходило на фоне самой острой критики правительственного курса, жертвой которой стал и сам Пальмерстон. Тем не менее он был единственным политиком, способным возглавить кабинет — это понимали и его критики.

Василий Тимм. Вынос тела Николая I. 1855

Контр-адмирал Истомин

Единственными крупными успехами союзников зимой 1854–1855 гг. стали договор с Австрией и вступление в войну Пьемонта. Впрочем, весной последовало еще одно достижение — в Англии опасались, что в случае очередной неудачи в Крыму в присутствии Наполеона последствия во Франции будут трудно предсказуемы. 13 марта королева Виктория срочно отправила приглашение императорской чете посетить 16 апреля Лондон. Таким образом, опасный визит в Крым был снят с повестки дня. В общем, как правильно отметил современник этих событий, подводя итоги 1854 г.: *«Россия начала защитой других — кончает самозащитой. Франция обещала победы — терпит неудачи. Англия рассыпалась в угрозах и пришла к сознанию бессилия. Германия хотела управлять делом и второстепенно идет за другими».*

Под Севастополем продолжались ежедневные тяжелые позиционные бои, 7 (19) марта 1855 г. на Малаховом кургане был убит контр-адмирал В. И. Истомин. Переговоры в Вене зашли в тупик, Россия согласилась с требованием относительно свободы навигации по Дунаю и с изменением режима покровительства над Ду-

найскими княжествами, но категорически отказывалась принимать остальные требования союзников. Последние включали в себя не только уничтожение укреплений и верфей Севастополя и других русских прибрежных крепостей, ограничение русских военно-морских сил на Черном море, но и размещение союзных военных кораблей в устье Дуная и на Босфоре, назначение консулов во все основные южные порты России для наблюдения за ними, предоставление султану права допуска союзных флотов в Черное море в тех случаях, когда оно сочтет их присутствие необходимым. При этом Россия должна была отказаться от права отправки своих судов в Средиземное море.

Теперь уже союзники решили перейти к действиям, чтобы дать своей дипломатии в столице Австрии дополнительные козыри. С 28 марта (9 апреля) по 6 (18) апреля 1855 г. они подвергли Севастополь бомбардировке. С ноября 1854 г. количество русских орудий на оборонительных позициях значительно увеличилось. Теперь против батарей противника могло быть использовано 466 орудий и 532 орудия было предназначено для фланговой, тыльной и внутренней обороны укреплений. Союзники также укрепили свой осадный парк. Французы имели 393, англичане — 148 орудий. Численное преимущество противника усиливалось и превосходством в огнестрельных запасах. С установлением надежной навигации по Черному морю противник начал преодолевать кризис снабжения. К началу бомбардировки англо-французы имели в среднем по 600 выстрелов на пушку, по 500 на мортиру и по 400 на гаубицу. С другой стороны, весенняя распутица значительно осложнила русское снабжение, и в Севастополе имелось в среднем по 300 зарядов на орудие.

В условиях зарядного кризиса и в ожидании штурма командующий русской артиллерией распорядился ограничить расход боеприпасов 5 выстрелами в сутки на орудие, имея в неприкосновенном запасе по 40 выстрелов на орудие. Противник вел обстрел днем и ночью, вы-

стрелы орудий, по словам переживших это, слились в один сплошной вой. Экономия в выстрелах остро чувствовалась гарнизоном. Только в течение первых суток обстрела французы выпустили около 30 тыс., а англичане — около 4 тыс. снарядов, на что гарнизон ответил им 12 тыс. артиллерийских выстрелов. Всего же за время бомбардировки приблизительно на 160 тыс. выстрелов противника русские войска ответили 80 тыс. выстрелов. В ходе обстрела французы потеряли 1585, англичане 265 — чел., общие потери гарнизона составили 6130 чел. Гарнизон, постоянно готовившийся к отражению атаки, вынужден был держать пехоту на укреплениях.

Решительных результатов союзники так и не достигли. Было подбито 15 русских орудий, 13 станков, повреждено 23 платформы, завалено 122 амбразуры. Тем не менее к концу бомбардировки положение Севастополя стало угрожающим. Причиной тому был недостаток пороха. К 31 марта (12 апреля) на некоторых русских батареях осталось не более 75 зарядов, в складе гарнизона хранилось 4726 пудов пороха, в то время как ежедневно расходовалось 2200 пудов. Только к 8 (20) апреля ожидался подход транспорта с 9800 пудами пороха, что могло исправить ситуацию лишь на время. К 3 (15) апреля порох на складах начали доставать даже из ружейных патронов, и всё равно запас равнялся 85 тысячам выстрелов, то есть приблизительно только по 190 на орудие. Исключая неприкосновенный запас в 50 зарядов на орудие, который артиллеристы должны были сохранить на случай штурма, этого хватило бы ненадолго, максимум — на 7 дней. 3 (15) апреля Горчаков

был готов отдать приказ совершенно прекратить стрельбы и ждать атаки неприятеля.

В ходе заседаний конференции в Вене переговоры медленно, но верно заходили в тупик. Член австрийской делегации в личном разговоре с князем А. М. Горчаковым сказал: *«Утомленные затруднениями в Крыму, союзники всегда будут видеть в Севастополе и вашем черноморском флоте постоянную угрозу и опасение относительно Босфора»*. 29 марта (10) апреля Нессельроде подтвердил в ноте на имя русского посла в Австрии отказ от требований союзников в отношении уничтожения Черноморского флота. 4 (16) апреля, получив этот документ, Горчаков немедленно известил о нем Буоля. Надежды на успех конференции, таким образом, провалились.

Уже в ходе ее работы французы активизировали свои действия по окончательному включению Австрии в коалицию. В Париже хорошо понимали, что достичь реализации «программы четырех пунктов» возможно только при условии полной дипломатической, а в случае необходимости — и военной поддержки Дунайской монархии. Ради этого Друен де Люис был готов пойти на уступку (или редакцию) союзной позиции и предложить нейтрализацию Черного моря. Эта инновация вызвала раздражение в Лондоне, но весьма понравилась Буолю. В Петербурге настороженно следили за реакцией Вены, в очередной раз ожидая ее выступления и надеясь на то, что Берлин сохранит свой нейтралитет. Это, безусловно, сказалось на положении под Севастополем.

Бои в Крыму и вокруг него

Осада Севастополя становилась всё более тяжелой для союзников, напряжение сил явно не соответствовало достигнутым успехам. В отсутствие военных вполне сгодились бы политические, и коалиция продолжала вести активную работу по своему расширению. Колебания нейтральной Австрии продолжались, и их не могли не учитывать в Петербурге. Если каждый отбитый штурм Севастополя увеличивал нежелание Вены лезть в драку, то необходимость прикрытия сухопутной границы постоянно сказывалась на положении под осажденной крепостью.

5 (17) апреля 1855 г. император написал Главнокомандующему Крымской армией: *«О пополнении Ваших пороховых запасов все распоряжения, по мере возможности, делаются; что же касается новых подкреплений, то кроме маршевых батальонов, из резервных бригад 10-й и 12-й дивизий, и передвижения одной из двенадцатибатальонных дивизий Лидерса, не нахожу решительно куда никакого средства другим чем-либо Вас усилить. Впоследствии, когда Курское ополчение окончательно будет сформировано, то оно будет к Вам направлено. Оголять более Лидерса при могущей угрожать ему опасности, как от десанта у Николаева и Одессы, так и со стороны княжеств, считаю невозможным. Все остальные войска слишком отдалены от Крыма, чтобы вовремя туда поспеть. К тому надобно еще присовокупить, что переговоры венские, как кажется, вместо мира будут иметь результатом войну с Австриею. Предложения союзников таковы, что мы их принять не можем. Завтра должно*

решиться положение Австрии, последняя надежда Горчакова (то есть князя Александра Михайловича — А.О.) была на аудиенцию у Императора. Я же со своей стороны, как давно Вам писал, ожидаю худшего, то есть разрыва с Австриею. Следовательно, будущая неделя будет для нас решительная на всех пунктах Империи».

Эти опасения императора не оправдались, но в мае в Крым стали прибывать французский резервный корпус — около 25 тыс. чел. и 15-тысячный сардинский корпус. Численность союзников на полуострове в начале мая 1855 г. составила: 113 тыс. французов, 60 тыс. турок, 25 тыс. англичан и 15 тыс. сардинцев. Наполеон III предложил воспользоваться этим и начать активные действия в поле, ограничившись лишь наблюдением за Севастополем. Для этого предлагалось оставить у города одну армию и сформировать еще две — англо-турецкую и англо-сардино-турецкую — для самостоятельных действий в направлении Симферополя и Бахчисарая. В случае успеха этого плана он мог привести к окружению русской армии или к полному контролю над русскими коммуникациями, ведущими к Севастополю, полной его блокаде, которая должна бы тогда закончиться капитуляцией гарнизона. К маю 1855 г. численность союзных армий увеличилась в количественном и в качественном отношении: 120 тыс. французов, 55 тыс. турок, 32 тыс. англичан и 17 тыс. сардинцев — всего 224 тыс. чел. Тем не менее рисковать наступлением вглубь полуострова они так и не решились.

Крымская армия под командованием генерала кн. М. Д. Горчакова в начале мая 1855 г. получила подкрепление из Бессарабии — 6-ю и 9-ю пехотные дивизии. В результате в составе русских войск в Крыму числилось 153,25 батальона, 110 эскадронов, 84 сотни. Численность армии достигла 110 000 чел. при 442 полевых орудиях. Весьма важным было и то, что армия после бомбардировки Севастополя получила 27 тыс. пудов пороха и более 2 млн патронов, что позволило преодолеть наметившийся кризис в снабжении боеприпасами. Имея превосходство на суше и доминируя на море, союзники не отличились ни результатами, ни активностью своих действий. Наполеон III, раздраженный затянувшейся осадой, сменил главнокомандующего своей армии в Крыму. 16 мая ген. Ф. Канробер подал просьбу об увольнении с этого поста, и 19 мая

французскую армию возглавил ген. Ж. Пелисье. Перед ним была поставлена задача ускорить завершение осады, от благополучного исхода которой зависело будущее режима Второй империи.

25–26 мая (6 и 7 июня) союзники атаковали передовые русские оборонительные позиции. Интенсивность обстрела была исключительно высокой, но тем не менее русские укрепления отвечали огнем на огонь. Привести их к молчанию англо-французам не удалось. На участке штурма они имели 40 тыс. солдат и офицеров против 16 тыс. русских. В результате французы, потеряв убитыми, ранеными, контуженными и пропавшими без вести 276 офицеров и 5554 солдат, овладели Камчатским люнетом, Волынским и Селенгинским редутами, прикрывавшими подступы к Малахову кургану — ключевой позиции обороны Севастопо-

Антуан-Альфонс Эйлауд. Французские зуавы в бою

Джеймс Робертсон. Вид на Малахов курган с Мамелона. 1855

ля. Потери англичан были гораздо более скромными — около 500 чел., но особых успехов у них не было. При отражении штурма общие потери нашей армии составили 5449 чел. После этого Горчаков уже ни на что не надеялся. 27 мая (8 июня) он писал императору: *«Теперь я думаю об одном только, как оставить Севастополь, не понеся непомерного, более 20000 урона. О кораблях и артиллерии даже помышлять нельзя, чтобы их спасти. Ужас подумать!»*

Практически одновременно союзники подготовили экспедицию в восточную часть Крыма. Он был чрезвычайно слабо прикрыт войсками — на всем пространстве от Феодосии до Керчи находилось 189 офицеров, 8503 строевых и 158 нестроевых нижних чинов, из них для обороны Керчи было выделено 47 офицеров и 2584 строевых и 48 нестроевых нижних чинов. К северу войск практически не было — за побережьем наблюдали пикеты четырех донских казачьих полков. Французская эскадра в составе 24 паровых судов, в том числе трех линейных кораблей, семи фрегатов и семи корветов,

и английская в составе шести линейных кораблей и 27 паровых судов разного класса взяли на борт французскую дивизию — семь тыс. чел с 18 орудиями, английскую бригаду — три тыс. чел. с шестью орудиями и около пяти тыс. турок. 12 (24) мая они высадили десант под Керчью.

Поначалу эскадра расположилась дугой перед городом, и публика по непонятной причине вышла на набережную посмотреть на необычное зрелище. Две паровые французские лодки обстреляли людей разрывными снарядами. Началась паника. Немногочисленный русский гарнизон не мог рассчитывать на успешное сопротивление и покинул город, предварительно уничтожив склады продовольствия и фуража. Из 12 тыс. жителей вслед за войсками ушло 10 тыс. На отступавших гражданских нападали татары, которые устроили резню женщин и детей. 13 (25) мая союзники вошли в Керчь и подвергли ее грабежу и насилиям. Особенно зверствовали турки, устроившие при покровительстве англо-французов резню оставшемуся русскому населению. *«Наши моряки — гласила английская версия со-*

12 июня 1855

битий, — едва ли думали, что им можно было ожидать столь важного успеха без всякой потери; союзники же наши желали более трудной победы и старались вознаградить себя за такую необычайность, грабежом и истреблением. Им усердно помогало в этом деле с одной стороны само население, которое, не имея привязанности к русским, уничтожало с радостью всё, что им принадлежало. С другой стороны турки, которые превосходили в жестокости и тех, и других, часто совершали убийства единственно из жажды крови».

Солдаты разгромили местный музей, были разбиты античные статуи и вазы, на мраморных основаниях оставлены граффити штыками. Грабили союзники и тяжелораненых и больных солдат, которых невозможно было эвакуировать. Их оставили с медицинским персоналом, запасом продовольствия и медикаментов, а также письмом к союзному командованию, которое не возымело никакого дей-

ствия. Грабежу были подвергнуты даже кладбища — разрывались могилы, выбрасывались тела покойников, над мертвыми глумились. Английское командование не вмешивалось, турецкое — обвиняло в изуверствах своих союзников-англичан, французы занялись раскопками античных памятников для музеев Парижа.

Войдя в Азовское море, 15 (27) мая союзные эскадры сожгли абсолютно беззащитный Бердянск, уничтожив склады с 40 тысячами четвертей пшеницы и все суда, включая рыбацкие лодки. 16 (28) мая та же судьба постигла Геническ. 22 мая (3 июня) союзники обстреляли Таганрог, но абсолютное большинство его жителей накануне атаки покинуло город. Попытка высадить десант была отражена гарнизоном, не имевшим орудий. Воспользовавшись этим, англо-французы несколько часов расстреливали с моря склады, церкви, частные дома и госпитали, после чего удалились. Противник всё же потерял один

пароход, который сел на мель и был сожжен. 24 мая (5 июня) практически та же история повторилась у Мариуполя.

Вторжение противника в море, которое до этого использовалось в качестве внутренней коммуникационной линии русской армии, нанесло серьезный удар по снабжению русских войск в Крыму. В Керчи были уничтожены значительные склады муки и зерна — примерно 2-месячный запас продовольствия для 100-тысячной армии. Англо-французы захватили около 12 тыс. тонн угля. После экспедиции в Азовское море союзники отвели свои основные силы назад, оставив в Керчи шесть тысяч турок, один английский и один французский полк, а также несколько легких судов, которые боролись с русской торговлей и рыболовством. Под влиянием этих успехов противника было принято решение вывести гарнизоны из Новороссийска и Анапы. Крепости были оставлены 17 (29) мая и 28 мая (9 июня). В Анапу немедленно был введен 8-тысячный турецкий гарнизон.

Активность неприятеля вызывала весьма обоснованные опасения у молодого императора, требовавшего от Горчакова любой ценой удержать Крым. Ради этого он разрешал даже передвинуть Южную армию ген. А. Н. Лидерса к Перекопу и даже за него. Александр II считал, что *«лучше рисковать временно жертвовать Бессарабией, чем потерять Крымский полуостров, — обратное овладение которым будет слишком затруднительно или даже невозможно»*. 5 (17) июня 1855 г. союзники вновь начали бомбардировку Севастополя, надеясь взять его на следующий день, 6 (18) июня, в 40-летнюю годовщину битвы под Ватерлоо. Дата штурма была назначена лично Наполеоном III.

Русский гарнизон и армия в окрестностях города приблизительно равнялись 75 тысячам чел. Силы союзников состояли из 100 тыс. французов, 45 тыс. англичан, 15 тыс. сардинцев и около 10 тыс. турок. На оборонительных позициях находилось 549 орудий. Союзники имели 587 орудий, но значительно превосходили русских по запасам снарядов к ним

(в 3–4 раза). Противник был настолько убежден в успехе, что английские офицеры перед атакой взяли с собой закуски, чтобы устроить пикник в городе, а французские саперы получили инструкции по взрыву домов, если в них засядут русские солдаты.

В ходе штурма французы выпустили 50 тыс. бомб и ядер, англичане — 22.700. В ответ было сделано около 19 тыс. выстрелов. Русские потери составили 798 чел. убитыми, 3180 ранеными и 840 контуженными. С противной стороны дорожке всего за штурм заплатили его инициаторы — французы. 7 (19) июня Горчаков доложил императору: *«Наши войска так изнурены и так малочисленны, в сравнении с неприятелем, что никак нельзя ручаться за дальнейшие успехи; но утешительно уже то, что русское оружие получило новый блеск. 6 июня есть день сражения при Ватерлоо. Англичане его весьма дурно отпраздновали. Лезли, действительно смело одни французы»*. В результате они потеряли 3553 чел., англичане — 1728 чел., в основном потери союзников выпали на день штурма, а наши — на день бомбардировки.

На следующий день после штурма было заключено перемирие для уборки тел павших. Союзники занимались этим весь световой день вплоть до позднего вечера. Провал очередной попытки взятия Севастополя повлиял на англо-французов самым удручающим образом. В июне и июле в их войсках в Крыму вновь началась эпидемия холеры, поразившая 51.971 чел., из которых на этот раз умерло 1684 чел. Итальянцы, потерявшие в боях 28 чел., потеряли за это же время от болезни 2 тыс. 28 июня 1855 г. от холеры умер лорд Раглан. Кроме того, почти полное отсутствие в рационе питания союзных солдат зелени и витаминов вызвало широкое распространение цинги, прежде всего поражающей ветеранов кампании — наиболее опытных солдат. Вновь увеличилось количество перебежчиков в русский лагерь — среди них лидировали французы и сардинцы (их к июлю 1855 г. перебежало около 500 чел.).

Уильям Симпсон. Панорама обороны Севастополя

Лето 1855 — союзники и русские. Неудачи и разочарование

Действия союзников в конце 1854 и начале 1855 гг. не увенчались сколько-нибудь значительным успехом. После ожидаемых быстрых и легких триумфов отсутствие достижений быстро привело к разочарованию. Это был безусловный успех оборонявшихся, но, с другой стороны, и Россия не могла достичь решительного перелома в военных действиях и добиться если не изгнания союзников со своей территории, то хотя бы деблокады Севастополя. Тупик немедленно стал испытанием для армий, финансов и политики противостоящих сторон.

Неудачи в военных действиях союзников в Крыму немедленно нашли свое отражение и во внешней политике. Австрия, которая со 2-го декабря 1854 г. постоянно сближалась с Лондоном и Парижем, вновь начала колебаться и уклоняться от активной поддержки антирусской коалиции. Еще 11 июня канцлер Буоль принял предложение о демобилизации 62.500 резервистов, призванных под знамена в Галиции, с целью ослабить финансовые потери и без того ослабленной казны империи. Известие об этом решении вызвало значительное разочарование в Англии и во Франции. Вместе с попытками взять Севастополь союзники активизировали и свои действия на Балтике. И здесь в 1854 г. польская эмиграция ожидала найти поддержку в случае вторжения. И здесь, несмотря на наличие в польских губерниях горячего элемента, ее ждало разочарование.

«К сожалению, должно сказать, — сообщалось в отчете III отделения за 1854

год, — что в жителях Царства Польского война возбудила преступные чувства и мечты. Они надеялись, что Россия не выдержит борьбы, по их мнению, неравной с европейскими державами, и мечтают о восстановлении прежней Польши. Но при благоразумно принятых мерах правительством спокойствие до сего времени и там не нарушалось. В губерниях, возвращенных от Польши собственно Польские патриоты также питают нерасположение к нам и мало сочувствуют успехам нашего оружия. При всем том, в этих губерниях представляется менее опасности, нежели в Царстве Польском, потому что в них, особенно в Волынской, Подольской и Киевской, жители низших сословий почти все русские родом и православные по вере, вполне преданные нашему правительству. Если в этих губерниях, и еще более в Литве, найдутся отдельные личности с вредными намерениями, то они не встретят ни одобрения, ни поддержки. При этих неблагоприятных обстоятельствах утешительно было видеть, что финляндцы, несмотря на недавнее присоединение к нам, явили себя твердыми в верноподданнических чувствах к Государю Императору и новому их Отечеству, отражали врагов с примерным мужеством и в самоотвержении не отставали от природных русских».

Первая кампания на Балтике вызвала огромное разочарование в Англии — действия Непира и его достижения вызвали возмущение единодушное британской прессы. С осени 1854 г. в королевстве началась подготовка к новой кампании в Балтийском море — велось строительство новых судов, в том числе канонерских лодок и кораблей, вооруженных

мортирами. Общая стоимость этой программы составила огромную сумму в 600 тыс. фунтов стерлингов. С 1832 г. в Англии не строились канонерки — британский флот в основном готовился к войне с французским за господство в океане. Следует отметить, что Адмиралтейству пришлось оправдать эти расходы перед правительством, указав на их необходимость в будущем для обороны побережья против Франции. В 1855 г. англо-французскую эскадру, отправленную к русским берегам, возглавил контр-адмирал Ричард Дондас. На этот раз в состав союзной эскадры вошло 11 линейных, девять бомбардирских кораблей, 15 винтовых и 15 колесных фрегатов, пять плавучих батарей, 26 канонерских лодок, 22 судна, вооруженных мортирами, две посыльных канонерки, всего 105 вымпелов.

16 (28) мая корабли англо-французов появились на дальних подступах к Кронштадту. Его оборона была существенно улучшена. На 1 (13) января 1855 г. на верках крепости стояло 1029 орудий, в море выставлены минные заграждения (1286 мин). 8 (20) июня при попытке подойти к крепости четыре английских парохода: «Мерлин», «Бульдог», «Файрфлай» и «Вультур» — подорвались на русских минах. Пороховой заряд их был невелик, повреждений корпуса на кораблях не было, только сотрясение. Англичанами позже было выловлено большое количество этих мин. Тем не менее подорвавшиеся пароходы были выведены из строя — их пришлось буксировать в доки, в боевых действиях они больше не участвовали. «*Мы стоим, — писал французский адмирал, — против неприятеля деятельно, умеющего усиливать свои средства и наносить нам вред.*»

Дондас не стал рисковать и отказался от планов бомбардировки фортов Кронштадта. На дальних подступах британского адмирала ждал еще один неприятный сюрприз — русские паровые канонерские лодки. С осени 1854 г. под патронажем Великого Князя Константина Николаевича преимущественно на частных заводах началось строительство этих кораблей,

особенно важных в действиях на мелководье. Единый проект представлял собой судно, вооруженное двумя бомбическими 68-фунтовыми орудиями, установленными на вращающихся платформах на корме и юте и одним 36-фунтовым орудием. Двигатели для них также строились на частных заводах и со значительной экономией для казны. К навигации 1855 г. было построено 38 канонерок. Всего к весне 1856 г., то есть за полтора года, на Балтике было введено в строй 75 таких судов. Кроме того, на воду было спущено 14 паровых корветов, и началась постройка восьми винтовых линейных кораблей, трех фрегатов (из них два переделывались из парусных), шести клиперов. Все корабли достроены по окончанию военных действий.

В Остзейских губерниях, Финляндии и под Петербургом было сосредоточено 302.785 чел. при 436 орудиях, из которых 89 тыс. чел. составили подвижный резерв на случай высадки десанта противником. Этого сделать союзники так и не осмелились, предпочитая ограничиться обстрелом не имевших защиты прибрежных городков и их сожжением. 26 июля (7 августа) 75 англо-французских кораблей подошли к Свеаборгу. В этот раз крепость и прилегающий к ней остров Сандхамн, который мог быть использовать в качестве плацдарма для атаки, были солидно укреплены и обеспечены всем необходимым. 9–10 августа 1855 г. союзники подвергли крепость бомбардировке. Результаты атаки были весьма скромными. Выпустив 20 тыс. бомб разного калибра (из них шесть тыс. крупного калибра), союзники сожгли несколько деревянных строений и каменных домов, не имевших сводов.

Во время бомбардировки англичане несколько раз пытались высадить десант на один из близлежащих островков, но их гребные суда, каждый раз встреченные штуцерным огнем из русских окопов, вынуждены были возвращаться. В ходе обстрела гарнизон потерял убитыми 55 нижних чинов, четыре обер-офицера, два штаб-офицера и 199 нижних чинов

ЭПИЗОДЫ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ЖИЗНИ 1855 ГОДА

Фот. Давыченко

Маковский, Прянишников. 12-летний мальчик Пищенко в артиллерийском расчёте

были ранены или контужены. Союзное командование предпочло заявить о том, что оно добилось значительных успехов без особых потерь со своей стороны. Не добившись никаких других результатов, в конце августа 1855 г. Дондас начал выводить свои корабли из Балтики.

К середине лета 1855 г. союзники активизировали подготовку к новому штурму Севастополя. К концу июля французский и английские главные военные инженеры пришли к выводу о невозможности удержания собственных позиций под городом в случае необходимости еще одной зимовки. Это мнение поддержал и британский командующий, но категорически опроверг французский. Его император не мог допустить такого исхода столь дорого стоившей Франции кампании. В результате был сделан вывод о неизбежности нового штурма.

Позиции противника подходили всё ближе к русской обороне. Усилился артиллерийский и штуцерный обстрел

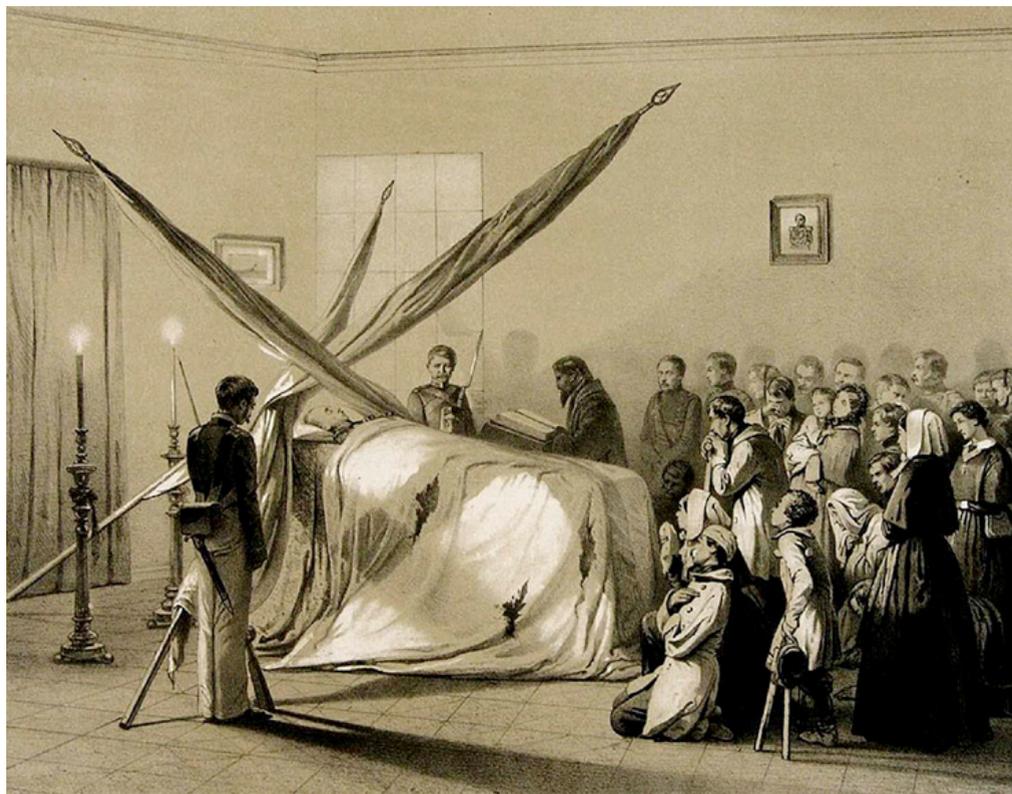
наших укреплений. 8 (20) июня был ранен в ногу штуцерной пулей Тотлебен. Он не покинул город и продолжал руководить его инженерной обороной, но тяжелое ранение исключило для него возможность личного пребывания на позициях. 28 июня (10 июля) на Малаховом кургане был ранен в голову штуцерной пулей П. С. Нахимов. Он часто посещал укрепления этого пункта русской обороны и всегда осматривал в подзорную трубу позиции противника через бруствер с одного и того же места. На просьбу не рисковать собой он ответил: *«Мне дышится свободнее на бастионе»*. Как только над бруствером показались густые адмиральские эполеты, резко усилился штуцерный огонь. *«Ловко стреляют»*, — успел сказать адмирал и упал, пораженный пулей. Рана была смертельной, Нахимов потерял сознание и, несмотря на усилия врачей, так и не пришел в себя. В 11:07 30 июня (12 июля), не приходя в сознание, он умер. Это была незаменимая потеря

для гарнизона крепости, смерть Нахимова погрузила в траур всю Россию. При похоронах адмирала, несмотря на ясно видимое с позиций противника скопление людей, не было сделано ни одного выстрела.

Напряженное противостояние росло, и единственным исключением стало соглашение о размене военнопленных. Оно было подписано в марте 1855. Для размена были выделены Либава и Одесса, он должен был состояться в конце мая, но часть пленных разменяли только в июле — французы передавали только тяжелораненых (66 чел.), на следующий день им передали 150 здоровых или легко раненых французов, а часть в августе и сентябре — это были англичане. Понимая неизбежность приближавшегося решающего боя за крепость и вдохновившись известиями об отбитой 6 (18) июня атаке, Александр II требовал от русского главнокомандующего в Крыму генерала М. Д. Горчакова перейти в решающее на-

ступление на позиции союзников с целью деблокады осажденного города. Генерал был твердым сторонником пассивной обороны. *«Было бы просто сумасшествием, — писал он 5 (17) июля Военному министру, — начать наступление против превосходного в числе неприятеля, главные силы которого занимают, кроме того, недоступные позиции».*

С другой стороны, противник настолько приблизился к русским оборонительным линиям, что не было никакой гарантии, что до осени он не овладеет Севастополем. Необходимо было что-то предпринимать. 6 (18) июля Горчаков составил записку на Высочайшее имя, в которой изложил свои взгляды на возможные действия. Он по-прежнему не верил в возможность успешного наступления на Сапун-гору — ключевую позицию союзников. Однако, с приходом подкреплений — 4-й, 5-й и 7-й резервной дивизий, которые Главнокомандующий

Василий Тимм. Похороны П. С. Нахимова. Литография с рисунка Н. Берга

ожидал 1 (13) августа, он считал возможным попытаться сбить англо-французов с Федюхиных и Гасфортовых высот, с целью лишить возможности пользоваться водой Черной речки и создать опасность флангового удара по Сапун-горе. В случае успеха этого плана противник не смог бы решиться сконцентрировать все свои силы на осаде. Возможность штурма, таким образом, исключалась. Общий замысел был относительно неплох, но Горчаков не был убежден и в возможности его реализации.

Еще до получения этой записки, 20 июля (1 августа) Александр II вновь обратился к Главнокомандующему: *«Ежедневные потери неодолимого Севастопольского гарнизона, всё более и более ослабляющаяся численность войск Ваших, которые едва заменяются вновь прибывающими подкреплениями, приводят Меня еще более к убеждению, выраженному в последнем Моем письме, в необходимости предпринять что-либо решительное, дабы положить конец сей ужасной бойне, могущей иметь наконец пагубное влияние на дух гарнизона. В столь важных обстоятельствах, дабы облегчить некоторым образом лежащую на Вас ответственность, предлагаю Вам собрать из достойных и опытных сотрудников Ваших военный совет. Пускай жизненный вопрос этот будет в нем со всех сторон обсужден, и тогда, призвав на помощь Бога, приступите к исполнению того, что признается наивыгоднейшим».*

К середине июля в Севастополе получили информацию о подготовке удара на Перекоп, который должен был нанести 30-тысячный французский экспедиционный корпус. По имевшимся донесениям, его части приступили в это время к погрузке в Марселе. Ожидая прихода 4-й и 5-й резервных пехотных дивизий, Горчаков решил всё же не останавливать их на Перекопе. Командующий не без оснований считал, что судьба войны решится в Севастополе и предпочитал придерживаться пассивной обороны. За наступление выступал присланный из Петербурга генерал-адъютант барон П. А. Вревский. Постепенно Горчаков на-

чал менять свои взгляды. Это отразилось во Всеподданнейшей записке от 21 июля (2 августа), в которой генерал признал, что без русского наступления возможен штурм и падение Севастополя.

В успех наступления Горчаков не верил и потому предлагал ограничиться промежуточной целью — Федюхины-ми высотами: *«Занятие нами этих высот имеет важные последствия: мы стесним неприятеля, лишим его избыточного водопоя в р. Черной и станем столь близко от позиции Сапун-горы, что будем ей угрожать ежемгновенным нападением, так что неприятелю нельзя будет пускаться на штурм Севастополя, не опасаясь атаки непосредственно в свой тыл во время штурма, притом подобный первый успех наш уронит дух неприятеля и может быть откроет виды для дальнейших выгодных действий».*

28 июля (9 августа) был собран Военный совет. Его участники должны были решить, нужно ли переходить в наступление, и если да — то где и когда. На следующий день члены снова собрались на Николаевской батарее. Обсуждению предшествовал доклад генерал-интенданта: собранное ополчение не могло подойти ранее конца октября, существующего запаса сена хватило бы только до середины этого месяца. Члены совета представили свои соображения, большинство высказалось за наступление. Лишь несколько из них предложили подготовить эвакуацию Южной стороны и, перейдя на Северную, сосредоточить основные усилия на действиях против армии противника в поле. Горчаков не решился принять решение об оставлении Севастополя. Скрепя сердцем, всё же решился наступать, объяснив на Военном совете принятое решение волей монарха и тем, что без атаки город всё равно падет. Так считал и комендант города — пассивная оборона не имела перспектив. Как отмечал участник совещания, решение было принято при понимании *«абсолютной невозможности изменить положение в нашу пользу без энергичного наступления».*

Август 1855. Падение Севастополя. Неизбежность, которая стала очевидной

К концу лета 1855 г. положение осажденного Севастополя стало трагичным. Гарнизон крепости терял веру в конечный успех обороны, моральные и физические возможности находились на исходе. С другой стороны, возможности коалиции зримо росли с каждым днем. Всю надежду на перелом после отбитого штурма 6 июня осажденные связывали с успехом будущего большого наступления русской армии. В этот успех не верил князь М. Д. Горчаков.

Главкомандующий не смог взять на себя ответственность и отказаться от наступления, в успех которого сам он по-прежнему не верил. Накануне сражения Горчаков писал Военному министру: *«Я иду против неприятеля, потому что если бы я этого не сделал, Севастополь всё равно пал бы в скором времени. Неприятель действует медленно и осторожно; он собрал невероятное множество снарядов на своих батареях; его подступы стесняют нас более и более, и нет почти ни одного пункта в Севастополе, который не подвергался бы его выстрелам. Пули свищут на Николаевской площади. Нельзя заблуждаться пустыми надеждами; я иду навстречу неприятелю при самых плохих обстоятельствах. Его позиция весьма сильна: правый фланг его на Гасфортской горе, которой скаты почти отвесны и тщательно укреплены, а левый — на Федюхиных высотах, за глубоко наполненным водою каналом, через который можно перейти не иначе как по мостам, набросанным под сильным огнем неприятельским. У меня 43 тысячи чел. пехоты, а у неприятеля, если он распорядится по надлежащему, 60 ты-*

сяч. Ежели — на что я впрочем мало надеюсь — мне послужит счастье, я постараюсь воспользоваться успехом. В противном случае, придется положиться на волю Божию. Я отойду на высоты Мекензи и постараюсь очистить Севастополь с наименьшею потерей. Надеюсь, что мост на бухте поспеет в пору и что это облегчит мои действия. Не оставьте вспомнить свои обещания — оправдать меня. Если дела примут дурной оборот, я несколько не виноват в этом. Я сделал всё возможное. Но задача была слишком трудна с самого прибытия моего в Крым».

У реки были отвесные берега, а от моста через канал начинался подъем в сторону позиций союзников. *«Сапун-гора, — отмечал генерал П. А. Вревский, — имеет очень крутые скаты, увенчанные укреплениями. Прежде, чем подступить к ее скатам, необходимо овладеть Федюхиными высотами, на которых неприятель также успел возвести несколько батарей, наконец, другие укрепления возведены вплоть до самого берега Черной; по другую сторону этой реки находится нечто вроде канала или рва, проходимого только по мостам, которые еще надо построить».* Всё это, безусловно, объясняло нерешительность командующего, который решил ограничиться ударом по Федюхиным высотам, от успеха которого зависели дальнейшие действия. Накануне сражения он не скрывал своего скепсиса относительно результатов завтрашнего дня. Русская армия готовилась к наступлению на практически неприступные позиции для того, чтобы Горчаков мог сказать, что сделал всё возможное для спасения Севастополя. Настроения Горчакова не могли

настраивать армию на успех, а скверно подготовленный план еще менее способствовал победе. Для сражения на Черной реке было выделено 47.662 человек пехоты, 10.263 человек кавалерии, 224 пеших и 48 конных орудий.

Поскольку союзники в течение нескольких дней ожидали русской атаки, они, как это часто бывает, перестали верить в то, что она начнется. Ранним утром 4 (16) августа 1855 г. наши войска начали ее неожиданно для противника и имели ряд частных успехов, однако слабая координация действий отрядов, ввод в бой частей по отдельности и хорошо подготовленные позиции обороны привели к тому, что англичане и французы, используя преимущество обороны на хорошо подготовленных позициях, отбили русское наступление. Общие потери наших войск составили свыше 8 тыс. чел., союзников — свыше 1800 чел. При отступлении Горчаков находился с войсками, командуя ими под сильнейшим огнем. *«На удачу я мало рассчитывал, — писал он 5 (17)*

августа императору, — *но не думал понести столь большого урона»*. В реляции о сражении, написанной на следующий день, он фактически возложил вину за неудачу на своих погибших подчиненных. В письме к Паскевичу Горчаков был более выдержан: *«Войска дрались геройски и не взирая на неудачу сохраняли прекрасный дух»*. Паскевич назвал эту операцию вечным позором нашей военной истории.

Император был крайне огорчен этой неудачей, но был по-прежнему решительно настроен. *«Повторяю Вам, — писал он 11 (23) августа командующему, — что если суждено Севастополю пасть, то я буду считать эпоху эту только началом новой наступающей кампании...»* В гарнизоне крепости ожидали от этого наступления слишком многого. Впечатление от поражения было чрезвычайно тяжелым. Судьба Севастополя действительно была решена. Еще в середине июня русские артиллеристы начали чувствовать и недостаток пороха и снарядов. На 467 орудий главной оборонительной линии имелось 100 тыс.

Генри Турелл. Сражение при Чёрной реке 16 августа 1855 г.

Орландо Норри. Сражение при Чёрной речке 16 августа 1855 г.

выстрелов и 60 тыс. выстрелов для 1000 орудий прибрежных и вспомогательных батарей. При этом средний расчет выстрелов на одно орудие в день равнялся 60.

Транспортная система не справлялась с нуждами осажденной крепости. Кроме боеприпасов, необходимо было доставлять продовольствие и фураж. В 1855 г. в Крыму было сосредоточено около 300 тыс. чел. и 100 тыс. лошадей. В русском тылу на перевозках было задействовано 132 000 подвод, большая часть которых обслуживала грунтовый участок Каховка–Перекоп–Симферополь–Севастополь длиной около 290 км. В Каховку грузы сплавлялись по Днепру, далее они следовали гужевым транспортом. Здесь сосредотачивались основные проблемы, так как перегрузка слабозаселенной и бедной естественными источниками воды и фуража территории приводила к потерям волов и лошадей и низкой скорости передвижения транспортных колонн, иногда до 4 км в сутки. Обеспечить быстрое поступление большого количества грузов в Севастополь при таких условиях было невозможно.

Русский главнокомандующий уже не верил в возможность удержания города. Началась заблаговременная подготовка к эвакуации Южной стороны. Еще

23 июня (5 июля) был утвержден проект наплавного моста через бухту, поданный инженер-генерал-лейтенантом А. Е. Бухмейером. В тот же день был отдан приказ о закупке леса для строительства. 1200 бревен было закуплено в Херсонской области и доставлено в Севастополь. 2 (14) августа солдаты начали сооружать плоты шириной в три сажени (около 6,4 метра). 14 (26) августа было закончено сооружение наплавного моста через бухту. Состоявший из 86 плотов, он разводился пароходами и резко облегчил проблему перевозок. На следующий день по нему было открыто движение войск и грузов и огонь противника. Обстрел ничуть не повредил моста. За всё время он получил только 27 попаданий ядрами, которые оказались почти безвредными.

Отбив наступление Горчакова, 5 (17) августа союзники начали новую, исключительно интенсивную бомбардировку, продолжавшуюся до 8 (20 августа). Снабжение англичан и французов было организовано гораздо лучше. В первый день обстрела они выпустили около 17.500 выстрелов против 11.000 русских, во второй — 17.000 против 4500, в третий и четвертый англо-французские батареи сделали 12 тыс. и 10 тыс. выстрелов, русские артиллеристы вынуждены были

экономить. Практически вся Южная сторона оказалась в зоне досягаемости вражеской артиллерии. Только Николаевская батарея на Южной стороне и Павловская на Корабельной были безопасны от бомб и ядер. Всё остальное пространство было смертельно опасно. *«Стоило любого сражения, — вспоминал участник обороны, — пройтись в эти дни по какой угодно улице Севастополя».*

Потери гарнизона составляли от 600 до 1500 чел. в день, компенсировать их было нечем. Союзники держали свою пехоту в тылу. Их потери в основном относились к артиллерии, с 17 до 20 августа они составили всего 711 человек. Вскоре бомбардировка возобновилась. Только за сутки 24 августа (5 сентября) союзники сделали по городу около 40 тыс. выстрелов, на которые наши артиллеристы смогли ответить только 20 тысячами. В гарнизоне выбыло около двух тыс. чел. В течение следующих двух дней противник делал более 50 тыс. выстрелов в сутки. За три дня гарнизон потерял 7561 защитника.

Бомбы и ядра долетали до бухты. 24 августа (5 сентября) сгорел транспорт «Дунай» с грузом смолы и водки, 25 августа (6 сентября) — фрегат «Коварна». Бухта и город ярко освещались пламенем горящих кораблей. 26 августа (7 сентября) у Николаевской пристани взорвался баркас со 140 пудами пороха, второй баркас с таким же грузом только подходил к разгрузке. Он затонул от взрыва. Пороховые запасы гарнизона резко сократились.

Траншеи союзников были подведены на максимально близкое расстояние к русским оборонительным позициям, чтобы сделать возможной атаку одним броском. Французы находились в 40–50 метрах от Малахова кургана и 2-го бастиона, англичане — в 100 метрах от 3-го бастиона. Артиллерийский огонь буквально сносил брустверы русских укреплений, рвы перед ними были наполовину завалены, исправлять повреждения под огнем не удавалось. Стрельба была столь интенсивной, что при ясной безветренной погоде даже в городе невозможно было увидеть солнце.

Генри Тирелл. Сражение при Чёрной речке 16 августа 1855 г.

27 августа (8 сентября), на 349-й день осады и после второго штурма, шестой бомбардировки и двенадцатой атаки французы под командованием ген. Мак-Магона овладели Малаховым курганом — ключевой позицией в системе русской обороны Севастополя. На всех остальных участках противник был отражен. Попытки выбить французов с Малахового кургана не увенчались успехом. Горчаков, лично прибывший к войскам на линию огня, убедился в бессмысленности дальнейших контратак и приказал отступить.

В день штурма защитники города потеряли 12.913 чел., французы — 7576 чел., англичане — 2451 чел. и итальянцы — 40 чел. Русские войска оставили Южную сторону, предварительно взорвав за собой укрепления. Большая часть орудий была предварительно заклепана, но по 1–2 пушки на каждом бастионе вели постоянный огонь, имитируя готовность к продолжению борьбы. Подготовка к эвакуации Южной стороны велась заранее, с падением Малахова оставалось разослать диспозиции командирам частей. Войска уходили по сигнальной ракете, в городе были построены баррикады, на которых отступление прикрывали самые надежные полки — Тобольский, Волынский, Минский, Азовский и Одесский. Вывод наших войск с оборонительных позиций, в условиях когда от противника в ряде случаев их отделяло несколько десятков шагов, был чрезвычайно сложной организационной задачей, решенной командованием и войсками. Разумеется, бездействие противника помогло этому решению.

Даже когда отступление стало очевидным, Пелисье не двинул ни одного солдата. У французов попросту не было сил, чтобы организовать преследование, у англичан — тем более, остальные вовсе не принимались в расчет. Кроме того, союзники опасались минных ловушек. Утром 28 августа (9 сентября) стояла мертвая тишина, было слышно, как горят здания и корабли. Днем начались взрывы. Покидавшие город русские войска по мере отступления взорвали 35 пороховых погребов. Поджигались сохранившие-

ся казенные и большие частные здания, но сильный ветер быстро разнес огонь по всему городу. К сожалению, была подожжена и Морская библиотека. В огне погибло свыше 12 тыс. томов хранения, журналы и газеты, хранилище морских карт. *«Город загорался во многих местах, — вспоминал один из отступавших, — ночь была темна, но ярко освещалась заревом; сильный ветер раздувал огонь, выл и плескал волнами о берег. Скоро всё слилось в одну массу пламени и дыма; треск и гром взрывов, свист огня и порыва ветра...»*

Через бухту войска прошли по наплавному мосту с 19:00 27 августа (8 сентября) по 08:00 28 августа (9 сентября), отход прошел практически без потерь, но всю артиллерию, стоявшую на оборонительных позициях — 1147 стволов — пришлось оставить. У моста сходились отступавшие войска и уходившие жители города. *«Было необыкновенно тесно. — Вспоминал очевидец. — Вправо от моста, на мыске, и в разных пунктах сзади, столпилось множество возов, телег, полуфурков, всевозможных экипажей. Тут же стояла и артиллерия, обреченная на уничтожение...»*

Солдаты и матросы были настроены по-разному. Некоторые плакали и до конца надеялись, что это всё это — лишь военная хитрость и последует контратака на неприятеля. Кто-то был потрясен оставлением города, кто-то радовался тому, что жестоких боев больше не будет. Но паники не было. Без этого обеспечить организованный отход было бы невозможно. Мост через бухту был настолько загружен, что при движении людей погружался в воду, все подходы к нему были заполнены войсками. Движение продолжалось 6–7 часов подряд. На короткий промежуток времени движение остановилось — сильное течение бухты порвало мост. У моста дежурили моряки, быстро подводившие под его уходившие под воду участки бочки со смолой или страховавшие движение. Жертв и беспорядка не было. Несколько десятков полевых орудий вместе с зарядными ящиками были затоплены у моста, который не мог выдержать их веса.

Уильям Симпсон. Атака на Малахов курган. 1855

Впрочем, несколько полевых орудий всё же удалось переправить через бухту на пароходе. Фуры и повозки сжигались. Выводились люди, были эвакуированы все раненые, за исключением около 500 особо тяжелых, которых пришлось оставить с одним медиком и письменным обращением к союзникам. Оно не действовало на цивилизованных европейцев, и многие раненые впоследствии умерли из-за недостатка еды, питья и ухода.

Кроме моста для эвакуации были задействованы пароходо-фрегаты — каждый за рейс брал по 1200–1300 чел. Одновременно они по мере возможности прикрывали огнем своей артиллерии подходы к берегу. При эвакуации войск присутствовали начальник гарнизона со штабом. За отходом наблюдал Горчаков, вместе со своим штабом он оставил город на катере после завершения отхода частей. Последним из высших начальников Севастополя покинул генерал А. П. Хрущов, после чего по его приказу мост был разведен. До последнего момента соблюдался полный порядок. Эвакуация была очевидно заметна для противника, но ей никто

не мешал. Потери составили не более 100 чел., не считая оставленных раненых. На следующий день союзники передали их русским. У противника не осталось резервов для развития своего успеха, а стоявшие на позициях войска были настолько ослаблены потерями и утомлены, что могли только обороняться. Пелисье, зная о том, что на других участках атакующие были отбиты, готовился к отражению ночной атаки. Имея возможность видеть отход войск по мосту, генерал по-прежнему опасался русского контрнаступления.

«От взрывов колебалась и стонала земля, — вспоминал один из русских офицеров. — Над горящим городом стояло густое облако дыму и пыли. Кругом разносились то оглушающий треск, то глухой гул. Пламя пожара освещало длинный мост, с торпливо движущейся толпой; артиллерию, метавшую свои орудия в бухту; последние суда Черноморского флота, погребавшие себя в любимых волнах». Пламя горевшего города было столь ярким, что у моста можно было читать письма. Было затоплено шесть линейных кораблей, один фрегат, один корвет и пять бригов. Один стояв-

Франц Рубо. Последний взгляд (Переправа через Севастопольскую бухту). 1878

ший на стапеле пароход сожжен, остальные отведены к северному берегу бухты и затоплены у берега. Корабли уходили под воду с глухим гулом.

Утром 28 августа (9 сентября) команды добровольцев взорвали укрепления берегового фронта Южной стороны. В следующий день командой с пароходо-фрегата «Владимир» был произведен взрыв Павловской батареи у входа в гавань. От трехэтажного сооружения остались обломки. Пожары в городе стали стихать только 30 августа (11 сентября), когда начался дождь. В ночь с 30 на 31 августа (с 11 на 12 сентября) «Владимир» был сожжен, предварительно с корабля были сняты орудия и боеприпасы.

1 (13) сентября Тотлебен записал в дневнике: «Севастополю держаться более было невозможно. Оба неприятельские флота давали союзникам средство выставить громадную артиллерию, с которою наша не могла соперничать... Даже враги, и те удивляются нашему упорству и искусству. Воля Господня исполнилась, и мы сделали всё, что мы обязаны исполнить в отношении к царю и отечеству. Никто не смеет требовать невозможного при превосходнейших, чем наши, средствах союзников». Горчаков докладывал императору: «Неприятелю оставил вместо города одни пылающие развалины. Правда, что вещественная потеря наша огромна. Но она во всяком случае была неизбежна; как вывести орудия и корабли? Я думаю, что она окупилась продолжительностью обороны Севастополя».

30 августа (11 сентября) 1855 г. Александр II подписал Высочайший приказ по русским армиям, в котором говорилось: «Долговременная, едва ли не беспрецедентная в военных летописях, оборона Севастополя обратила на себя внимание не только России, но и всей Европы. Она с самого почти начала поставила его защитников наряду с героями, наиболее прославившими наше Отечество. В течение одиннадцати месяцев гарнизон севастопольский оспаривал у сильных неприятелей каждый шаг родной,

окружавшей город, земли, и каждое из действий его было ознаменовано подвигами блистательнейшей храбрости. Четырехкратно возобновляемое жестокое бомбардирование, коего огонь был справедливо адским, колебало стены наших твердынь, но не могло потрясти и умалить постоянного усердия защитников их. С неодолимым мужеством, с самоотвержением, достойным воинов-христиан, они поражали врагов или гибли, не помышляя о сдаче. Но есть невозможное и для героев. 27-го сего месяца, после отбития шести отчаянных приступов, неприятель успел овладеть важным Корниловским бастионом, и главнокомандующий крымской армией, щадя драгоценную своих сподвижников кровь, которая в сем положении была бы уже без пользы проливаема, решил перейти на Северную сторону города, оставив ожидающему неприятелю одни окровавленные развалины. Скорбя душою о потере столь доблестных воинов, принесших жизнь свою в жертву Отечеству, и с благоговением покоряясь судьбам Всевышнего, коему не угодно было венчать их подвиги полным успехом, Я признаю святою для себя обязанностью изъяснить и в сем случае от имени Моего и всей России живейшую признательность храброму гарнизону севастопольскому, за неутомимые труды его, за кровь пролитую им в сей, почти целый год продолжавшейся, защите сооруженных им же в немногие дни укреплений. Ныне, войдя снова в ряды армий, сии испытанные герои, служа предметом общего уважения своих товарищей, явят, без сомнения, новые примеры тех же воинских доблестей. Вместе с ними и подобно им, все наши войска, с тою же беспредельной верой в Провидение, с той же пламенной любовью ко Мне и родному нашему краю, везде и всегда будут твердо встречать врагов, посягающих на святыни наши, на честь и целостность Отечества, а имя Севастополя, столь многими страданиями купившего себе бессмертную славу, и имена защитников его пребудут вечно в памяти и сердцах всех русских, совокупно с именами героев, прославившихся на полях Полтавских и Бородинских».

W. Simpson
1856

Севастополь пал. Что дальше?

Итак, главная база русского Черноморского флота пала. Русские войска оставили Южную сторону города.

В Севастополь французы и англичане начали входить лишь 29 августа (10 сентября). Противник немедленно установил дальнюю артиллерию, которая открыла огонь по оставшимся русским судам, и ночью 31 августа (12 сентября) с них были сняты орудия и боеприпасы, а сами корабли — 10 пароходов и один транспорт — подожжены и затоплены. Оборона крепости закончилась.

Это был поединок невиданной до этого напряженности. В течение его обороняющиеся выпустили 1.027.000 снарядов, союзники — 1.356.000; русские израсходовали 16.560.000 патронов, союзники — 28.500.000; русские израсходовали 160.000 пудов пороха, союзники — 271.650 пудов, за всё время осады на поле боя у нас вышло из строя 102.669 чел., у противника — 54.000.

Несмотря на потрясшие воображение британских и французских политиков потери, это был крупный успех коалиции. Разрушенный Севастополь действительно представлял собой окровавленные развалины, но союзники сумели помародерствовать и там. Как всегда, на этом поприще прежде всего отличились французы. Как и в 1812 г. в Москве, они начали грабеж, но на этот раз грабеж руин и кладбищ. Была разграблена кладбищенская церковь, осквернены ее иконы. Французские пехотинцы вскрыли и ограбили даже могилы русских адмиралов, а колокол

Свято-Николаевского Морского собора был вывезен как трофей и установлен в соборе Парижской Богоматери (украденный колокол был возвращен в 1913 г. президентом Франции как свидетельство русско-французской дружбы в новых внешнеполитических условиях).

Последним действием коалиции стала атака крепости Кинбурн. 7 октября из Балаклавы и Камышовой бухты вышло 40 французских и 50 английских судов вместе с десантом — 5500 англичан и 4000 французов. Эти силы были выделены против небольшого и слабого форта, расположенного на косе у входа в Днепровский лиман. Крепость была перестроена из старого турецкого укрепления в 1793 г. В мирное время здесь могло расположиться не более 400 чел. В форте имелось около 100 старых и негодных к стрельбе орудий, 78 18- и 24-фунтовых пушек и 10 мортир. Пушки, обращенные к морю, имели запас в 150, а к лиману — 120 зарядов. В погребах не хватало положенного запаса бомб и ядер. Гарнизон состоял из 37 офицеров и 1427 солдат, большая часть из которых была необученными новобранцами.

Здесь впервые на практике прошли испытания пять броненосных плавучих батарей, выстроенных по приказу Наполеона III. Первоначально предполагалось использовать их в действиях на Балтике, но потом они были направлены на Черное море. 15–16 октября около 90 кораблей союзников обстреливали Кинбурн с дальних дистанций, 17 октября в бой на ближней дистанции вступили фран-

Малахов курган с остатками руинами круглой башни. 1855

цузские броненосцы, против которых русская артиллерия была беспомощна. Три плавающие батареи — «Девастасьон», «Лав», «Тоннант» — подошли на 375 сажень, каждая стреляла из 15 19,5-дюймовых орудий. Русские комендоры добились не менее 135 попаданий в два бронированных корабля, но ядра не нанесли им почти никакого ущерба. Противник потерял двоих убитыми и 25 ранеными, гарнизон — 20 убитыми и 60 ранеными. Исчерпав возможности сопротивления, крепость сдалась.

Условия были почетными: офицерам сохранялось холодное оружие, коменданту при выходе из крепости отдавались воинские почести, женщин отпускали на родину. Тяжелораненые были доставлены морем в Одессу — по сложившейся традиции, союзники не оказали им никакой помощи. Так как комендант принял решение о сдаче самовольно, без созыва военного совета, то по возвращению

из плена в марте 1856 г., он был отдан под суд и признан виновным. Никаких реальных последствий падение Кинбурна не имело, развивать свой успех в направлении Николаева на Буге или Симферополя англичане и французы не решились. Их попытки ограничились входом двух канонерских лодок в Бугский лиман. После обстрела русскими батареями и штуцерниками, они покинули его.

Реакция на падение Севастополя была болезненной. Впечатление было очень сильным — в Царском Селе солдаты и крестьяне плакали на улицах. «Самые черные слухи ходят о положении и расположении нашей армии», — отмечал сенатор К. Н. Лебедев, находившийся тогда в Москве. — Многие считают положение наше в Крыму невозможным. Многие ждут великих поражений до осени». Тем не менее, по донесениям австрийских дипломатов, после этого успеха союзников в России

не последовало ни отчаяния, ни голо-сов, призывавших к миру любой ценой. Пелисье после успеха под Севастополем категорически не хотел рисковать своими лаврами и противился планам любого наступления вообще и удаления от морских берегов в частности. Имея в Крыму 200-тысячную армию, союзники по-прежнему контролировали лишь занимаемые их войсками позиции. Наиболее воинственно по-прежнему был настроен Лондон. В известном смысле эти настроения были неизбежны.

В Европе распространилось убеждение, что британская армия слаба, лишена талантливых руководителей, а успехи в Крыму целиком принадлежат французам. Пальмерстон был уверен в успехе кампании 1856 г. — он намечал в качестве целей Херсон, Николаев, Гельсингфорс, Кронштадт и Петербург. Министр призывал к продолжению военных действий, предлагая перенести их на Балтику, создать там флот из 225 вымпелов и обещал в этом случае «расколотить русских» к октябрю 1856 г. Эти бодрые призывы не были поддержаны Наполеоном III. Ак-

тивность Пальмерстона была легко объяснимой — он по-прежнему мечтал выбить Россию из Крыма, Кавказа, Финляндии и конгрессовой Польши и минимизировать влияние Петербурга в послевоенной Европе. Впрочем, осенью 1855 г. ему было необходимо и восстановить военный престиж Англии, опустившийся в результате войны до весьма низкого уровня.

Решить столь сложные задачи самостоятельно британский премьер не мог. В любых более или менее масштабных активных операциях на земле ударной силой должны были выступать французы. Британия могла увеличить свои военные расходы, заказать строительство сотен паровых судов, обеспечить, наконец, свой экспедиционный корпус в изобилии палатками, одеялами, продовольствием и боеприпасами, но она не могла: 1) резко увеличить численность своей армии без существенных изменений законодательства и отказа от наемной системы комплектования своих вооруженных сил. Попытки компенсировать потери за счет вербовки иностранцев успеха не имели. В США, например, эта

Гарри Эджел. Британский лагерь в Кинбурне

деятельность в конце концов вызвала раздражение властей, один из агентов-вербовщиков был арестован; 2) вернуть довоенное качество потерянной в первую зимовку профессиональной армии без значительного периода подготовки; 3) вернуть войне с Россией популярность первых дней, потерянную под влиянием потерь в Крыму.

Джингоистские настроения в британском обществе ослабили, правительство так долго убеждало его в том, что падение Севастополя было основной целью войны, что мобилизовать потенциал своей страны для ее продолжения Лондон уже не мог.

Фактически Пальмерстон предлагал вести войну с Россией «до последнего французского солдата». Между тем воинственность Франции под влиянием потерь также значительно ослабела, а без французской армии сколько-нибудь серьезные действия были невозможны. Так, во всяком случае, считало британское правительство, ответив категорическим отказом на предложение Пальмерстона вести активные военные действия с помощью итальянцев, в случае если последует отказ помочь со стороны Франции. Последняя, кстати, также исчерпала те человеческие ресурсы, к которым можно было бы прибегнуть без отка-

London, Ward & Co 113, Fleet St. 25th Oct 1855

CHELSEA HOSPITAL, -

VETERANS OF THE BRITISH ARMY RECEIVING THE INTELLIGENCE OF THE FALL OF SEBASTOPOL.

Ветераны британской армии узнают о взятии Севастополя. 1855

за от конскрипции и введения призывной системы (отмененной еще Хартией 1814 г.), на что Вторая империя не смогла решиться за всё время своего существования.

До 1853 г. под знамена ежегодно призывалось 80 тыс., в 1853–1855 гг. — 140 тыс., и с 1856 г. — 100 тыс. чел., то есть приблизительно 1/5 всех мужчин 20-летнего возраста. Система делала выгодной сверхсрочную службу и связывала армию ветеранов с династией, но практически лишала страну обученного резерва. Гарнизоны во Франции, за исключением столицы и наиболее крупных городов, были практически полностью лишены пехоты и превратились в рекрутские депо и склады. Последнее неудивительно — вся французская пехота перед войной насчитывала 330 тыс. чел.

Война с самого начала была плохо организована — кадров для армии не хватало, офицеров и унтер-офицеров снимали из частей, оставшихся во Франции. Для сбора одного полка в Крым приходилось фактически приводить в беспорядок 4–6 остальных. Тылы были готовы не лучше. За время войны от холеры и тифа умерло около 63 тыс. французов, а общие их потери составили около 100 тыс. чел., то есть был потерян каждый третий из общего количества солдат, посланных Парижем на восток. Это означает, что практически вся французская армия прошла через Крым и треть оттуда не вернулась. Солдаты и офицеры, конечно, умирали не только в России. В декабре 1855 г. во французской армии в Крыму началась эпидемия тифа, продолжавшаяся до апреля 1856 г. Численность больных в тыловом госпитале в Константинополе быстро достигла 20 тыс. чел., смертность была весьма высокой. Война привела

к резкому росту цен на продовольствие, что делало ее продолжение очень непопулярным и в Париже, и в провинции. Правительство вынуждено было прибегнуть к займу в 1.500.000.500 франков, что привело к обострению недовольства.

Наполеон между тем мечтал о масштабной перекройке русских границ и о таких изменениях в европейском порядке, которые дали бы ему возможность присоединить левый берег Рейна. Его планы включали в себя уже не только восстановление независимости Польши, «Черкесии», возвращение Финляндии Швеции, а и начало дробления Австрии — выделение из нее самостоятельной Венгрии, обмен Ломбардо-Венецианской области на Дунайские княжества и т. п. Амбиции императора французов не совпадали с его возможностями. Режим, созданный в результате переворота, не мог позволить себе слишком долгой и тяжелой войны. Настроения французского общества исключали возможность дальнейшего активного сотрудничества французов с англичанами, и правительство не могло с этим не считаться.

Осенью 1855 г. Наполеон III в разговорах с иностранными дипломатами стал публично говорить о том, какое отвращение у него вызывает неизбежная жестокость войны. Не отказываясь от своих планов, он стал думать о возможности хотя бы частичной их реализации путем переговоров на мирном конгрессе, который обязательно должен был бы собраться в Париже и разрушить систему, построенную в 1815 г. в Вене.

Между тем война продолжалась. Достижения союзников были несколько смягчены ходом дел в Закавказье и Малой Азии.

и, по хитрому плану, пригласили
не только на веревки, за шпильки,
но и на деревянные колышки,
раки Карс-глы сарависки.

Карты Карсы
не только в Карсу, но и в
окрестностях Карсы.

Карсы:
и, по восточности, невидимые.
и, восточности, невидимые.

и, по восточности, невидимые.
и, по восточности, невидимые.

и, по восточности, невидимые.
и, по восточности, невидимые.

и, по восточности, невидимые.
и, по восточности, невидимые.

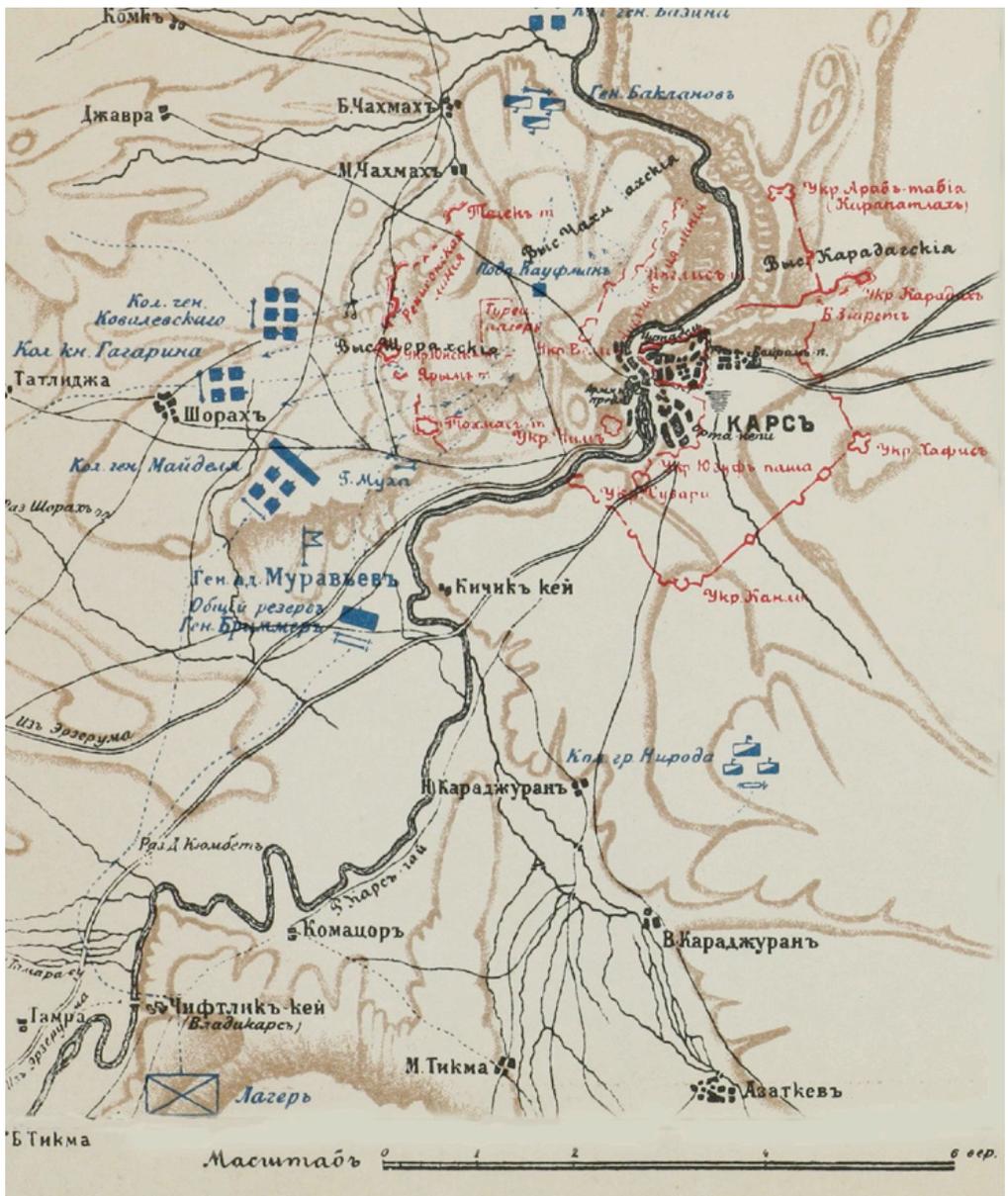
После Севастополя. Малая Азия и Закавказье в 1855 г. Неясное равновесие

Взятие Севастополя было важнейшим успехом коалиции, но оно никак не свидетельствовало о близости конца войны. Союзники по-прежнему были далеки от контроля над Крымом, и уж во всяком случае они и мечтать не могли о проникновении вглубь России. Более того, добившись уничтожения русского Черноморского флота и его базы, они не смогли обеспечить безопасность своего турецкого союзника в Азии. Достижения союзников в Крыму вскоре были несколько смягчены ходом дел в Закавказье и Малой Азии. Здесь до глубокой осени 1855 г. русские и турки боролись друг с другом, создавая угрозы своим ключевым пунктам — Тифлису в Закавказье и Карсу в Малой Азии. Установившееся летом 1855 г. равновесие вплоть до ноября было шатким.

Генерал Н. Н. Муравьев перешел в наступление в Закавказье еще весной 1855 г. 26 мая (7 июня) он издал воззвание к подданным султана: *«По повелению Великого моего Государя, вступая с вверенными мне войсками в землю Турецкую, я долгом поставляю объявить вам, жители Карского и всех других пашалыков Анатолии, что Русские войска, всегда страшные для одних только врагов, обходиться будут миролюбиво с жителями, которые останутся в домах своих, спокойно занимаясь хозяйством и сельскими работами. Пример прошлого г. у вас перед глазами: в то время, когда раздавался гром пушек, жители Шурагельского санджака спокойно занимались работами, не будучи никем потревожены. Вам бояться нечего; собственность ваша останется неприкосновенною, личная безопасность ваша и семейств ваших*

будет обеспечена, и я приму строгие меры для спокойствия и ограждения вас от всякого притеснения. Такова воля Великого Государя моего, которую я вам объявляю. Все мирные жители, спокойно в домах своих остающиеся, получают, чрез своих старшин, охранные листы, в силу которых они находиться будут под защитою и покровительством Русских войск, привыкших оказывать мирным обитателям помощь о человеколюбие».

Летом 1855 г. русские войска блокировали Карс. Город имел исключительно важное значение для жителей Малой Азии, он был своеобразным символом для целого региона. Первоначально действия русской армии на этом направлении не очень беспокоили союзное командование. Правильная осада этой крепости потребовала бы создания линии длиной в 50 верст, для чего у Муравьева не хватало сил. Линия обороны существенно удлинилась по сравнению с 1828 г. Противник сделал выводы из штурма Паскевича и не пожалел сил на укрепление господствующих высот вне стен старой крепости. Союзники планировали нанести удар по Тифлису турецкой армией из Абхазии и таким образом окружить русскую армию в Малой Азии. В районе Тифлиса предполагалось объединиться и с ополчениями горцев и вытеснить Россию из Закавказья. Блокада Карса продолжалась довольно удачно, попытки продовольственных караванов пробиться в крепость прерывались, иногда прямо под ее стенами. В виде исключения Муравьев иногда разрешал доставлять с парламентаром перехваченную личную почту.

План штурма Карса русскими войсками 17 сентября 1855 года

Карс имел запас продовольствия на 40 дней, уже в июле стал обнаруживаться его недостаток. В ноябре 1854 г. его гарнизон состоял из трех арабстанских, двух анатолийских, двух редифных пехотных полков, одного батальона султанской гвардии, двух полков арабской конницы, артиллеристов — всего 13.221 чел. На верках стояло 67 орудий, имелось 34 полевых орудия. С 1 (13) августа город был практически полностью окружен

русскими постами, что заставило коменданта сократить продовольственный паек в два-три раза. Гарнизон вырос за счет племенных ополчений лазов, население города — за счет собравшихся за стены жителей деревень. Впрочем, после начала блокады и голода и те, и другие начали разбегаться. В турецкой крепости стали проявляться признаки наступающего голода, начались эпидемии и дезертирство. Уже с середины августа из города еже-

дневно стали перебегать в русский лагерь солдаты, башибузуки, простые жители. Попытка прорваться на Эрзерум, предпринятая 2,5-тысячным отрядом в ночь с 22 на 23 августа (с 3 на 5 сентября), завершилась полной неудачей.

В сентябре уже сотнями падали от бескормицы лошади, количество беглецов росло с каждым днем. Вильямс поддерживал дисциплину в крепости строгими карательными мерами и распространением слухов о скорой помощи. Кстати, он запретил туркам рубить головы пленных, что немало их удивило. Запрет компенсировался добиванием раненых — турки не вызвали симпатий у своих английских руководителей. Постепенно надежда на выручку, о которой говорили командиры в крепости, покидала голодающих. К голоду быстро добавился и холод. Уже в сентябре началось похолодание, что сказалось и на лагере осаждающих — в русской армии появились первые признаки холеры. Для того чтобы исключить возможность облегчения положения осажденных, Муравьев приказал задерживать на аванпостах беглых и после допроса возвращать их назад, исключение делалось только для христиан, которых отправляли в русский лагерь.

По турецким планам, помощь должна была прийти из Аджарии. 2 (14) сентября в Батуме высадился 8-тысячный корпус Омер-паши, вскоре увеличенный до 25 тыс. чел. Русское командование ожидало, что естественной для него целью станет Ахалцих, ближайший к Батуму центр в тылу блокирующей Карс русской армии, и Абхазия, где турки рассчитывали получить помощь от горцев и значительно увеличить численность своей армии. Большие надежды они возлагали на Абхазию. Ее владетельный князь М. Г. Шервашидзе видел, насколько усилились турки, но не потерял веры в силы русских. Будучи человеком скрытным и осторожным, он делал всё возможное, чтобы усидеть на двух стульях. К счастью, ему это вновь не удалось сделать — черкесские племена категорически отказались подчиняться туркам, и тем более англичанам и фран-

цузам. Более удачно действовали англичане. Их офицеры активно работали и в тылу осажденного Карса, под Эрзерумом. Им даже разрешалось обещать местным христианам, что в будущем они получат равные с турками права (иначе невозможно было эффективно организовать работы по строительству укреплений).

Новость о высадке армии Омер-паши пришла в Карс практически одновременно с известием о падении Севастополя. Гарнизон крепости ликовал, моральное состояние его значительно улучшилось. Те же самые новости повлияли и на решение генерал-адъютанта Муравьева отказаться от первоначального плана — склонить крепость к сдаче осадой. Опасаясь угрозы с тыла и желая компенсировать впечатление, произведенное в Малой Азии и Закавказье новостью об успехах союзников в Крыму, он решил ускорить события. Приходилось учитывать и колебания Тегерана: в русский лагерь под Карсом стали приходиться слухи о высадке англичан в Персидском заливе. Кроме того, на решение, по мнению начальника штаба корпуса, повлиял и тот факт, что *«генералы, начальники полков и батарей и войска желали и домогались приступа. Муравьеву трудно было не уступить общему стремлению»*. Войска застоялись и ждали приказа начать штурм от своего начальника.

15 (27) сентября Муравьев созвал военный совет, на котором было принято решение атаковать крепость — он считал возможным появление Омер-паши под Карсом через неделю и не хотел оказаться между двумя вражескими армиями. Против атаки выступили единицы, как, например, генерал-майор Я. П. Бакланов.

Утром 17 (29) сентября 1855 г. начался штурм. Поначалу атака развивалась успешно, отлично действовала наша артиллерия, была взята первая линия укреплений противника, захвачено 12 орудий, два знамени, значки, но вскоре дела приняли дурной оборот. Успех наступления зависел от внезапности, между тем Вильямс держал гарнизон в постоянной готовности — большая часть его пехоты находилась на позициях, что, несомнен-

но, помогло туркам удержать оборону. Исключительно эффективно действовали турецкие артиллеристы и штурцеры. Русские войска шли вперед, не считаясь с потерями, что не замедлило сказаться на результате атаки.

Турецкий гарнизон отразил русский штурм с большими потерями для атакующих — было убито 74 офицера, ранено и контужено 174 офицера и 4 генерала, убито 2278 рядовых, ранено и контужено 4784, пропало без вести 164 чел., всего, таким образом, из строя вышло 7226 чел. — почти половина армии. Общие потери противника не превосходили двух тыс. чел. К счастью, в лагере перед штурмом был развернут подвижной госпиталь. Это существенно облегчило катастрофическую ситуацию после атаки. Раненых в госпитали приносили несколько дней, врачи и санитары буквально сбивались с ног. Через несколько дней раненых стали эвакуировать в тыл, в Александрополь. Благодаря внимательному и заботливому отношению удалось избежать больших санитарных потерь.

18 (30) сентября Муравьев докладывал Военному министру генерал-адъютанту князю В. А. Долгорукову: *«Не удался предпринятый мною вчера штурм Карских укреплений... Зная утвердительно о предпринятой Омер-пашою разработке дорог в нашу сторону и ожидая, при постоянно хорошей ясной погоде, в скором времени напора неприятеля к Гурии и Ахалциху (вероятно, в то же время и от Эрзерума), я решился штурмовать Карс. В надежде на успех, намерение мое было еще более усилить средства обороны Гурии и Ахалциха, действуя в то же время и к Вану. Полученное мною известие о покорении части Севастополя тем более побудило меня к атаке Карса»*. После отбитого штурма в Карсе ликовали — нашлись даже и те, кто увидел на небе поражающих «урусов» воинов в зеленых одеждах. Никто не сомневался, что осаде пришел конец. Успех противника, во многом достигнутый благодаря энергичному руководству полковника Вильямса, произведенного султаном в дивизионные генералы, вызвал ликование в Константино-

поле, Париже и Лондоне. На нашу армию провал штурма произвел самое тяжелое впечатление. Успех гарнизона произвел сильнейшее впечатление и в Закавказье.

Вильямс и офицеры его штаба были уверены в том, что Муравьеву неизбежно придется отступить и что это отступление закончится для его армии поражением при встрече со свежими войсками Омер-паши. Участник штурма генерал-адъютант А. М. Дондуков-Корсаков вспоминал: *«Штурм Карса — была полная неудача!... Последствия штурма были ощутительны только для нас. Положение неприятеля, при твердом решении главнокомандующего продолжать осаду, нисколько не изменилось. Одушевленные временно успехом, турки должны были впасть в большее уныние, видя настойчивость продолжения блокады. Продовольственных запасов ожидать они уже не могли»*. Муравьев осознал свою ошибку. Он был твердо настроен исправить ее и довести осаду крепости до конца.

Надежды противника на то, что после отражения штурма последует отступление русских войск, были очевидны. Эти надежды не сбылись. Наместник и его подчиненные проявили стойкость духа и продолжили осаду. Строительство обширного лагеря, названного Владикарсом, было ответом на ожидания гарнизона, приведшим его в уныние. Муравьев сразу же наладил снабжение армии, уход за ранеными и т. п. — это хорошо сказалось на морали войск. В пустынной, лишенной леса местности вырос город из теплых деревянных казарм и конюшен, солдаты получили зимнее обмундирование и полушубки. Это было весьма своевременное решение — зимовать в палатках было уже невозможно. В результате резко сократились случаи заболевания, холера пошла на убыль.

«Блокада Карса восстановлена по-прежнему; погода, к удовольствию моему, начинает портиться, — докладывал Долгорукову Муравьев, — отчего горы должны покрыться снегом и тогда я буду иметь надежду, что Омер-паша отложит наступление свое до другого времени». В Карсе не хватало

всего, в том числе и дров для отопления. Целый квартал деревянных домов был разобран, но этого не хватило надолго. Солдатский паек в начале ноября составил чуть более полуфунта в день, резко возросла смертность от голода и холода. Вильямс отпустил русских тяжелораненых, захваченных в плен после штурма. Это произвело сильное впечатление на осаждающих, но не спасло гарнизон. Каждую ночь он терял по несколько десятков дезертиров. *«Каждый день, — вспоминал участник осады, — казаки приводили к нам десятки дезертиров и эти несчастные положительно не имели человеческого образа; их изможденные лица, черные, как уголь, кожа, обтягивающая только одни кости, неверная походка, глухой, едва слышимый голос — всё свидетельствовало о страшных лишениях, которые испытывали гарнизон и жители».*

«Многие из выбегающих ныне из Карса турецкие солдаты, — отмечал корреспондент русской газеты, находившийся с войсками, — очень напоминают изнурением французов памятного 1812 года. В крепости цинга, и, кроме того, недостаток потребностей рождает болезни и смертность... Ожидаемая Карсом помощь не приходит; обещания скорого избавления не исполняются и гарнизон повергается в уныние. Но несмотря на это терпение турок не постижимо и составляет задачу, которую решить весьма трудно: скорее можно исчислить тщательно скрываемую от солдат тайну о количе-

стве остающегося продовольствия, нежели измерить это терпение, которое можно предположительно объяснить не возвышенностью духа, а совершенным равнодушием, отсутствием мысли о сдаче и слепую верою в предопределение, которую искусно пользуются английские эмиссары».

Беглецов-солдат направляли в лагерь для военнопленных, ополченцев отпустили по домам, гражданских кормили и возвращали назад как живое свидетельство того, что русские не расправляются с беззащитными людьми, как это утверждали офицеры из штаба Вильямса. Слухи о хорошем отношении к пленным каким-то образом проникли в крепость, что сразу же привело к росту числа беглецов. 30 сентября (12 октября) Муравьев всеподданнейше докладывал императору: *«Карс не взят; но неприятель потерпел значительный урон, ослабел и, вместо отступления нашего, которого он ожидал, видит себя по-прежнему окруженным в тесной блокаде».* 9 (21) октября под Карс из Тифлиса прибыл персидский посланник Касим-хан. Слухи о неудачном штурме достигли Тегерана. Несколько дней в русском осадном городке убедили посла в необоснованности известий о потерявшей надежду русской армии, и 11 (23) октября он вернулся назад.

В этом противостоянии должен был победить тот, у кого были крепче нервы — и Касим-хан понял, что Муравьев был этим человеком.

«Настоящий позор для коалиции». Карс взят

Шаткое равновесие в Закавказье и Малой Азии, установившееся летом и осенью 1856 г., не могло продолжаться долго. Каждая из противоборствующих сторон понимала, что еще одна победа, еще один успех может стать решающим для судьбы кампании. Карс или Тифлис — судьба этих городов стала символом кампании, завершение которой могло повлиять если не на исход войны, то уж точно на ее результаты.

Турки попытались деблокировать Карс из Трапезунда, где в начале октября был высажен 12-тысячный турецкий корпус, но его движение к блокированной крепости было остановлено русскими войсками. Омер-паша, получив известия о неудачном штурме Карса и подкреплении, перевезенные по морю союзниками, начал наступление на Кутаис. Турецкий главнокомандующий не торопился — расстояние в 70 верст по прямой дороге его подчиненные проделали за 20 дней. Противник наступал с 20 тыс. чел. при 37 орудиях, оставив около 10 тыс. чел. для обеспечения тылов и гарнизонов. Численность Гурийского отряда равнялась всего 4650 чел. русской пехоты при 28 орудиях, вместе с местными ополченцами отряд насчитывал 9 тыс. чел. Эти силы к тому же не были сконцентрированы на одном направлении. В этих условиях начальник отряда генерал-майор князь И. К. Багратион-Мухранский хотел избежать решающего сражения, не отдавая при этом инициативы противнику. По приказу генерала систематически пор-

тились дороги и мосты, в лесах устраивались завалы, деревни укреплялись и т. п.

Турки вновь призывали к действиям Шамиля. Султан отправил ему знамя и особую медаль и пообещал после взятия Тифлиса передать имаму во владение Закавказье. 19 (31) октября Омер-паша прибыл в Сухум, где он попытался склонить на свою сторону абхазов и их старейшин, за исключением князя Михаила, с которым Омер публично перекинулся только несколькими словами, и притом на русском. По приказу командующего турки расплачивались за все продукты деньгами, абхазам продемонстрировали 12 русских солдат, взятых в плен под Севастополем. От слов Омер перешел к делам. Он начал наступление на столицу Наместничества. 25 октября (6 ноября) 1855 г. на реке Ингури турецкую армию встретили 6 русских рот, 2 сотни казаков при 4 орудиях и несколько сотен мингрельских ополченцев. 2 тысячи оборонявшихся сдерживали наступление почти 20 тысяч турок, вооруженных к тому же и более совершенным стрелковым оружием. Бой носил исключительно упорный характер, 3 орудия пришлось оставить, так как лошади были перебиты. Командовавший русскими войсками Багратион-Мухранский в последний момент лично повел казаков в контратаку, что заставило турок прекратить наступление — они подумали, что к русским подошло подкрепление.

«Называть поименно храбрых, — докладывал Багратион-Мухранский, — значило бы представить списки всех офицеров, участвовавших в бою». Генерал

не был уверен в ополчении, значительная часть которого действительно разбежалась после боя, и счел за лучшее отступить. 7 (19) ноября турки взяли столицу Мингрелии Зугдиди, однако здесь они не встретили ожидаемого радушного приема. Вдовствующая княгиня Екатерина Дадиани, правившая княжеством в малолетство сына, была волевой женщиной. Наступление на Тифлис оказалось отнюдь не легким ударом по оголенному флангу Кавказской армии. Свою роль сыграли большие потери под Ингури, 25 ноября (7 декабря), ровно через месяц после этого боя, турецкое наступление остановилось. Турецкий успех на Ингури и взятие резиденции мингрельских князей Дадиани — всё это поначалу произвело весьма сильное впечатление в княжестве. Люди массами бежали прочь от наступающей

армии. Омер-паша попытался установить порядок в Зугдиди, под охрану была поставлена церковь, запрещены грабежи. Тем не менее несколько сотен добровольцев-башибузуков из Абхазии начали вырезать оставшихся крестьян и красть детей, которых они переправляли для продажи в Сухум. В Имеретии поначалу также началась паника. Резко упала стоимость бумажных денег и недвижимости, выросли цены на продовольствие.

Для того, чтобы усилить Гурийский отряд, Муравьев направил на помощь Мухранскому все свободные силы и объявил о сборе ополчения. Колебания жителей Мингрелии были преодолены, когда они увидели во главе ополчения свою княгиню и ее детей. В лесистых горах мингрельское ополчение оказало туркам упорное сопротивление. Княгиня игнорировала предло-

Уильям Симпсон. Оборона Карса

жения союзников присоединиться к ним и возглавить «независимую» Мингрелию (необходимо отметить, что при этом она была не в восторге от действий Багратиона-Мухранского, разорявшего пути движения турок). Гурийцы и имеретинцы были настроены твердо и решительно — они оставались верными России. Между тем в 1841 г. здесь имело место восстание. Причиной его были неумелые действия местной администрации по введению здесь картошки, совершенно ненужной в данном климате, и попытке замены натуральных податей денежными сборами — мера абсолютно бессмысленная при почти полном отсутствии торговли. Впрочем, оно было быстро подавлено и, по счастью, не имело последствий. Население Грузии бралось за оружие и помогало русским. Что касается черкесов, то они прислали на помощь Омер-паше 11 всадников. Турки были вынуждены остановиться.

Скверные дороги, дожди, грязь, эпидемии лихорадки и тиф — всё это, по воспоминаниям адъютанта турецкого командующего, исключало возможность быстрого движения. По тем же самым причинам в опасность быстрого движения противника в тылу Муравьев не верил. Сам путь, избранный Омером, то есть движение через Сухум, отделенный от Карса непроходимой для армии горной грядой, а не через Трапезунд, убедил русского генерала в том, что турки пытаются отвлечь его от осады простой демонстрацией. Местные условия исключали возможность создания реальной угрозы Тифлису, уход русской армии от Карса не делал неизбежным встречу с армией Омер-паши, так как она могла легко отступить к портам и даже эвакуироваться до подхода главных русских сил. В результате Муравьев предпочел продолжить осаду.

Что касается Омер-паши, то он остановился в 25 верстах от Кутаиса, который поначалу не имел никакого прикрытия. Багратион-Мухранский сумел правильно распорядиться временем. Вскоре сюда подошло небольшое подкрепление во главе с ген. Бебутовым. Небольшой городок с населением в 3,5 тыс. чел. наполнили

вооруженные люди. У Кутаиса собралось около 28 тыс. чел. при 30 орудиях — вполне достаточный для остановки турок отряд. Впрочем, Омер-паша не торопился. По шутивому замечанию одного из европейских офицеров его штаба, при средней скорости его движения по прямым дорогам, на которых турки не встречали сопротивления (имелся в виду путь от Сухума до Ингури), им понадобилось бы более 3 месяцев, чтобы пройти 215 верст от Очамчир до Карса. Впрочем, при плотности прикрытия тылов, уже через 20 верст у турецкого главнокомандующего не осталось бы в подчинении ни единого солдата. Реальной угрозы ни Кутаису, ни тем более Тифлису не было. Тем временем в гарнизоне и среди жителей Карса уже начались волнения. Лазы, солдаты из Сирии и Анатолии группами старались вырваться из крепости и уйти по домам. 15 (27) ноября 1855 г. крепость капитулировала.

Это была огромная по значению победа, коренным образом изменявшая стратегическое положение в Закавказье. *«Ваше Императорское Величество! — докладывал 16 (28) ноября Александру II наместник. — Божиею милостию и благословением Вашим, совершилось наше дело. Карс у ног Вашего Величества. Сегодня сдался военно-пленным, изнуренный голодом и нуждами гарнизон сей твердыни Малой Азии. В плену у нас сам главнокомандующий исчезнувшей тридцатитысячной Анатолийской армии, мушир Васиф-паша; кроме его, восемь пашей, много штаб и обер-офицеров и вместе с ними, английский генерал Вильямс со всем его штабом. Взято около 130 пушек и всё оружие. Имею счастье повергнуть к стопам Вашего Императорского Величества двенадцать турецких полковых знамен, крепостной флаг Карса и ключи цитадели.»*

Новость о капитуляции вызвала большую радость в Тифлисе и Кутаисе. Известие о победе пришло в столицу наместничества 20 ноября (2 декабря). На следующий день в Тифлисе начался огромный праздник. Ликование было всеобщим, все понимали — в войне в Закавказье наметился перелом. Новость об этой

победе пришла в Петербург 2 (14) декабря. Еще через два дня по улицам столицы под крики «Ура!» ее жителей и залпы орудий Петропавловской крепости пронесли трофейные знамена. *«Весть о занятии войсками нашими Карса, — отмечал в январе 1856 г. журнал «Отечественные записки», — была самою интересною, самою радостною вестью в жизни Петербурга, как и всей России в прошлом месяце».*

Накануне сдачи турецкий гарнизон начал расстреливать свои боеприпасы. Еще утром 15 (27) ноября из крепости шел шумный, но бесполезный огонь. Перед капитуляцией Вильямс попросил обеспечить проход венгров, поляков и итальянцев, служивших в турецкой армии — таковых оказалось 11 человек. Им дали возможность проехать через русский лагерь на Эрзерум. В полном порядке шел Арабстанский полк и два батальона стрелков. Остальной турецкий гарнизон подчинялся своим офицерам механически, солдаты шли, едва передвигая ноги. Выходя за верки, они бросали по дороге оружие и амуницию. Вся дорога была усыпана патронами, сумками, барабанами и т. п. Бессильные, упавшие по пути, замерзали — их товарищи не заботились о них. В этом небольшом пути 18 человек умерло от упадка сил. Дошедшие до лагеря пленные от голода и отчаяния поначалу вели себя вызывающе, но вид орудий и русской пехоты успокоили их. Для сдавшихся в лагере был подготовлен суп и хлеб, пленные *«истребляли пищу с ожесточением»*, голодные люди бросались на еду, некоторые через несколько часов умерли в конвульсиях.

«Итак, — сообщал в тот же день Военному министру князю Долгорукову Муравьев, — с падением Карса исчезли остатки Анатолийской армии, коей было в июне месяце до тридцати тысяч человек; иные побиты, часть распущена, многие разбежались, еще большее число вымерло от болезней и голода и около 10 т., в том числе и прежде взятые, попали к нам в плен». 30-тысячная анатолийская армия исчезла. 8677 человек сдались в плен (в том числе 12 пашей и 665 офицеров), 6500 чел. редифа

и ополчения были распущены по домам, 8500 погибли во время осады, 2000 перебежали к русским, 2000 находились в госпиталях и только 3000 успели пробраться в Эрзерум. В крепости было взято 136 орудий, 18 тыс. ружей и 1 тыс. штуцеров английского и французского производства, 20 тыс. пудов пороха. Офицерам, к огромной радости Вильямса, было возвращено их личное оружие. С пленными, по свидетельству английских офицеров и врачей, обращались весьма мягко и внимательно.

Позже, во время торжественного приема в Лондонском клубе, Вильямс вспомнил об этом и поднял тост в честь Муравьева, сказав: *«Это благороднейший, честнейший, храбрейший и лучший из людей».* Больных и измученных голодом солдат, у некоторых из которых не было сил дойти до русского лагеря, кормили и лечили. Гораздо меньше повезло тем, кто был отпущен. Ослабленные солдаты не были обеспечены продовольствием при движении по территории, контролируемой турками. До перевала Саганлуг их конвоировал батальон лейб-карабинеров, далее они шли сами. На перевалах лежал снег. До Эрзерума дошло около 200 человек. Больше повезло оставшимся. В городе немедленно начались работы по обеспечению санитарной безопасности — Карс освобождали от трупов людей и животных. На рынках царил дороговизна на всё, голодавшие люди прятались. *«В городе царствовало гробовое молчание. — Вспоминал русский офицер. — Жители, у которых было еще что-нибудь глотать втихомолку, не показывались на улицах».*

Начальником Карской области был назначен полк. М. Т. Лорис-Меликов. Главной задачей русских властей поначалу была помощь голодавшим и снабжение города продовольствием и фуражом. Сделать это было непросто — снежная зима мешала наладить подвоз. Тем не менее очистка дорог помогла решить эту проблему. Весьма тяжелыми и проблемными были отношения между разными общинами в пашалыке — больше всего жалоб поступало на курдов и карапа-

Томас Баркер. Сдача Карса, Крымская война, 28 ноября 1855. 1860

пахов со стороны турок и армян. Необходимо было восстанавливать порядок. Лорис-Меликов преуспел в этом. При передаче крепости и области турецким властям 26 июля 1856 г. он получил благодарственный адрес от жителей во главе с муфтием города, в котором говорилось: «Со вступления своего в управление краем, оказывал в нуждах и потребностях жителей всевозможное содействие; не допуская никакие притеснения, не оставляя без удовлетворения доходивших до его высокостепенства просьб». Благодарность принес и мушир Анатолийской армии, принимавший крепость: «Это обстоятельство (обращение жителей — А.О.), доказывает как человеколюбие ваше, так и высокое и точное знание своих обязанностей...»

Взятие крепости и уничтожение Анатолийской армии было не единственным успехом Муравьева. Уже 28 ноября (10 декабря) 1855 г. генерал-майор И. К. Баграцион-Мухранский доложил В. О. Бебутову: «25 ноября турецкий главнокомандующий внезапно переменил свой план действий. Артиллерия, за исключением горной, понтонный парк и все тяжести с величайшей поспешностью отправлены были назад за Техур; туда же последовали и главные силы, за исключением арьергарда из отборной пехоты и штуцерников, при нескольких горных

орудиях и отряде кавалерии, оставленных на Абаше. По полученным сведениям, это наступление без результатов и потом поспешное отступление чрез едва проходимую грязь привели в крайнее расстройство все перевозочные средства Турецкой армии: люди от недостатка провианта, теплой одежды и обуви пришли в совершенное изнурение».

Причиной действий Омер-паши была новость о сдаче Карса. «Это отступление, — писал его английский участник, — совершается в полном беспорядке: все бежали взапуски к морскому берегу, причем паши оказали такую ревность, какой до того в них никто не подозревал. Беспорядок был страшный, и появления какой-нибудь тысячи казачков достаточно было бы, чтобы это отступление превратилось в полное поражение». Еще 18 (30) ноября Муравьев писал ген. Бебутову: «Не Карс от Омер-паши будет зависеть, а Омер-паша от Карса». Теперь эти слова подтвердились на деле. В крепости был оставлен небольшой русский гарнизон, основная часть армии выводилась на зимние квартиры. Вскоре турки откатились назад до побережья Черного моря. Их преследовала немногочисленная русская кавалерия. Это было серьезное поражение коалиции, «настоящий позор для союзников», как назвала его королева Виктория.

ЕВРОПЕЙСКОЕ РАВНОВѢСІЕ

Русскій

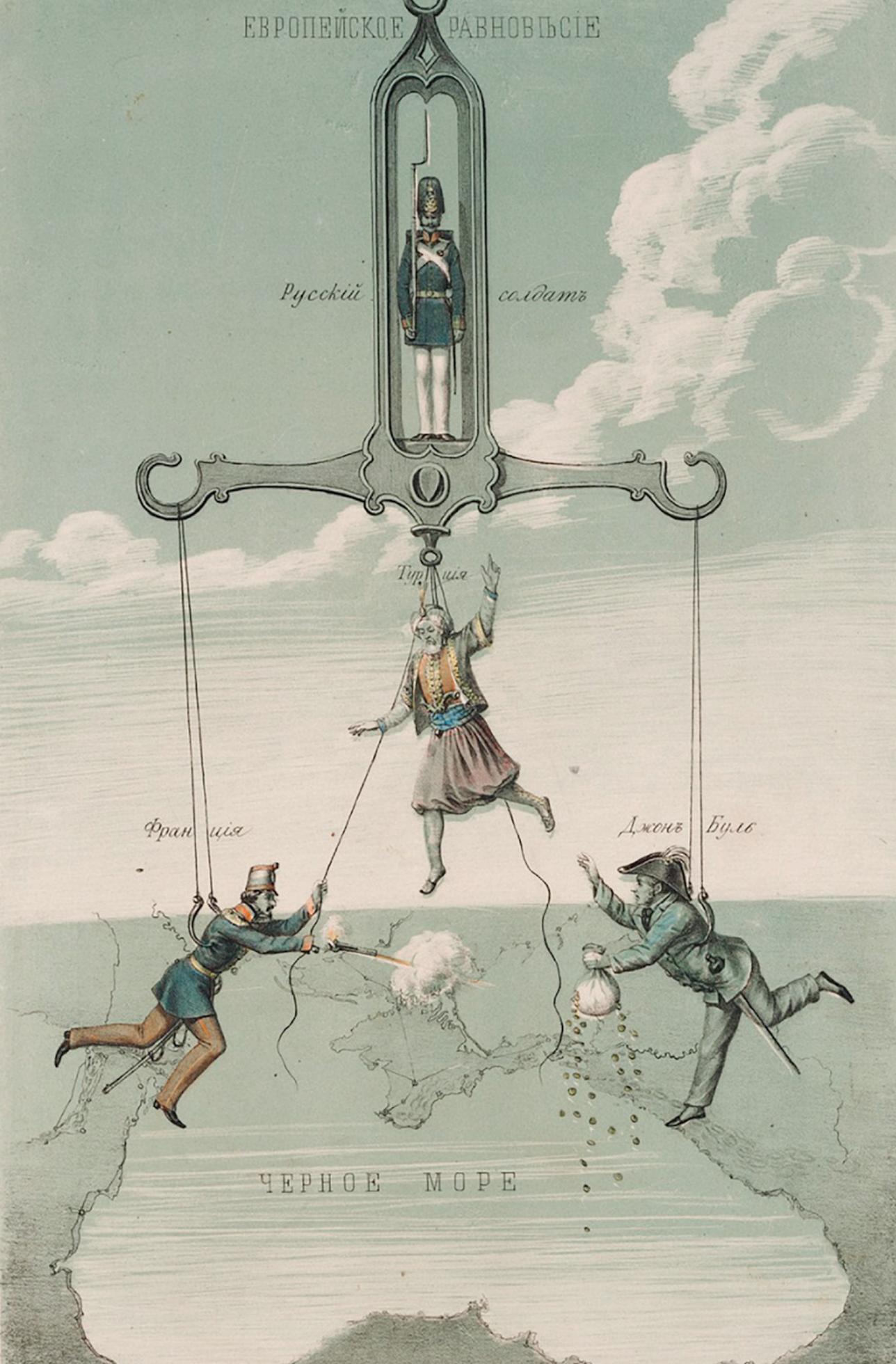
солдатъ

Турція

Франція

Джонъ Було

ЧЕРНОЕ МОРЕ

Баланс сил накануне мира

После Севастополя и Карса наступил момент истины. С одной стороны, потери и победы каждой из сторон делали возможным разговор о мире. С другой, Парижу и Лондону нужен был только победоносный мир, слишком уж дорогой была эта война, чтобы закончиться неопределенно. И, наконец, напряжение войны достигло такого предела, что перелом в военных действиях стал бы возможным только в случае расширения коалиции. Возможности России сопротивляться не были безграничными.

Осенью 1855 г. военные неудачи союзников в Малой Азии были компенсированы политическими успехами. 21 ноября 1855 г. был подписан оборонительный союз между Швецией, Англией и Австрией. По секретному приложению к этому документу Стокгольм обязался начать подготовку к военным действиям в Финляндии, для чего в 1856 г. предполагалось собрать в Швеции до 165 000 шведских, норвежских, французских, английских и даже датских солдат и офицеров. Трудно с уверенностью утверждать, насколько реален был этот план, но безусловно одно — северо-западный театр военных действий становился более опасным для России направлением. Проверить, насколько крепка была оборона там, где находились лучшие части русской армии, союзникам не пришлось, тем более что один из них, а именно Франция — твердо стремилась к достижению мира и отнюдь не была заинтересована в расширении географии войны. Пока английская дипломатия готовила в Стокгольме почву

для кампании 1856 г., французская в Вене прилагала усилия к тому, чтобы ее и вовсе не было. Австрийский посол в Англии докладывал своему правительству, что Наполеон хочет мира, и поэтому считает выступление Австрии наиболее быстрым способом его достижения.

6 декабря 1855 г., получив информацию об изменении позиции Швеции и Австрии, британское правительство отправило в Париж и Вену проект будущего мирного договора, состоявшего из 5 пунктов:

1) отмена русского покровительства над Дунайскими княжествами, введение взамен коллективного покровительства Великих Держав при сохранении существующих прав и привилегий Молдавии и Валахии при сохранении сюзеренитета султана, разрешение на создание новой оборонительной системы Княжеств, проведение новой границы в Бессарабии;

2) свобода судоходства по Дунаю, право Великих Держав иметь в устье Дуная по 1–2 легкому военному кораблю для охраны этого режима;

3) нейтрализация Черного моря, уничтожение на его берегах крепостей и военно-морских arsenалов, ограничение количества военных судов прибрежных государств, то есть России и Турции, легкими кораблями, количество которых будет оговорено позже. Море объявлялось открытым для торгового мореплавания, военные суда в него не допускались, гарантией для последнего условия стал принцип закрытия для военного флага Босфора и Дарданелл;

4) права и льготы христианских подданных султана должны быть обеспечены «без нарушения независимости и достоинства турецкого правительства», при участии всех Великих Держав, включая Россию;

5) «воюющие державы предоставляют себе право предъявить на общую пользу Европы особенные условия сверх четырех прежних».

Эти предложения Англии были поддержаны Францией и Австрией. 4 (16) декабря 1855 г. Буоль направил в Петербург проект мирного соглашения, сопроводив его недвусмысленной угрозой: *«Мы настоятельно просим российский Двор спокойно разобрать предложения, которые мы передаем ему на усмотрение. Мы не будем распространяться относительно тех серьезных последствий, которые повлек бы за собой отказ вступить на вторично предлагаемый нами путь к почетному примирению, отказ, вследствие которого на него обрушилась бы вся тяжесть громадной ответственности. Мы предпочитаем надеяться, что он благоразумно взвесит все шансы. Мы думаем, что в этом мы являемся выразителями пожеланий и насущных интересов Европы»*. 30 декабря 1855 г. (11 января 1856 г.) Австрия по соглашению с союзниками предложила русскому правительству проект мирного договора и, в ответ на возражения против некоторых его положений, потребовала принятия этого документа под угрозой объявления войны. Для принятия ультиматума было дано шесть дней. Россия оказалась в чрезвычайно сложной ситуации.

За пять дней до вручения ультиматума Фридрих-Вильгельм IV направил Александру II секретное письмо, в котором умолял его пойти на уступки союзникам и... спасти Пруссию. Свое государство он сравнивал с индейкой в пасти союзников, стремящихся разорвать его на части. Франция стремилась к Рейну, Австрия хотела вернуть Силезию, Англия мечтала об уничтожении прусской промышленности. Перспектива начала военных действий на Балтике и возможное восстание в Польше пугало Берлин. Перед лицом угрозы расширения коа-

лиции Петербург не мог рассчитывать на поддержку своего единственного соседа в Европе, который занимал благожелательно-нейтральную позицию в войне. После долгих колебаний и обсуждений, в ходе которых большинство их участников высказалось за уступки, 4 (16) января 1856 г. Александр II принял предложение Австрии. В тот же день Нессельроде известил об этом решении австрийского посла в России.

Военные действия прекратились. Под Севастополем, к немалой радости гарнизона и его противников, было заключено перемирие. Снабжение русской армии на полуострове по окончании военных действий вошло в фазу кризиса, к тому же в госпиталях начиналась эпидемия тифа. В феврале 1856 г. князь Г. А. Трубецкой отметил в своем дневнике: *«Положение Крымской армии в настоящее время можно описать одною чертою. Истребление перевозочных средств привело ее в то положение, в которое тщетно старались привести ее союзные, внешние враги. Она отрезана от России, от той страны, где еще есть люди здоровые и скот, могущий ходить и перевозить. С каждым днем эта пустыня, которая отделяет армию от России, всё более и более увеличивается. Что из этого будет, ежели это продолжится, страшно подумать»*.

Крымская война закончилась поражением, но отнюдь не разгромом России в столкновении в весьма сложных условиях. Лучшее описание их на совещании у императора 20 декабря 1855 г. граф П. Д. Киселев: *«В истории не было доселе примера союза двух великих морских держав, которые уничтожили действие нашего флота; что четыре союзные державы с 108 милл. населением и 3 миллиардами дохода, стоят против России, у которой 65 милл. населения, рассеянного на 3-й части земного шара, и только около 1 миллиарда дохода...»*

Война продемонстрировала несколько довольно очевидных истин. Прежде всего, то, что Россия, как бы сильна она ни была, не могла создать флот, превосходящий по силе флоты двух крупнейших морских держав, и армию, которая могла бы обеспечить победу при столкнове-

нии с армиями коалиции Турции, Англии, Франции, а в перспективе — и Австрии, из которых две армии — французская и австрийская — принадлежали к категории самых сильных в Европе. Именно перспектива вступления в войну Австрии и, как следствие, Швеции, то есть угроза распространения коалиции практически на всю пограничную с Россией Европу, привела Петербург к принятию ультиматума союзников, переданного Веной.

Казалось бы, планы, с которыми Пальмерстон и Наполеон III вступили в войну, имели все шансы быть реализованными, а Россия была обречена на системное поражение и изгнание с позиций, приобретенных за время ее успехов. Тем не менее ничего подобного не произошло.

Нельзя не заметить, что мобилизационный потенциал, созданный в правление императора Николая I, позволил, несмотря на потери и значительные недостатки, развернуть, вооружить, обеспечить и содержать колоссальную для XIX века армию. К 1 января 1856 г. в действующих войсках числилось 824 генерала, 26.614 офицеров, 1.170.184 нижних чинов, а в резервных частях — 113 генералов, 7.763 офицера, 572.158 нижних чинов. Вместе с ополчением под ружье было поставлено 2,3 млн человек, армия мирного времени была увеличена более чем в 2,5 раза. 260-тысячная армия охраняла побережье Балтики, 293 тыс. чел. находились в Царстве Польском и на Правобережной Украине, 121 тыс. чел. — в Бессарабии и на побережье Черного моря, 183 тыс. чел. — в составе Кавказской армии. Таков не полный перечень направлений и сил, прикрывавших их.

Сомнительно, что в Европе того времени нашлось бы государство, которое оказалось бы в состоянии в течение почти двух лет выдерживать подобное противостояние, учитывая к тому же необходимость сдерживать остальных своих соседей (Швеция, Пруссия, Персия) от выступления на стороне противника путем концентрации сил на дружественных и не очень дружественных границах. Подобное напряжение сил обошлось

очень дорого — общие человеческие потери (убитыми, умершими от ран и болезней, ранеными) составили до 500.000 чел., почти столько же, что у всех союзников (не считая 35.000 чел., умерших от болезней в отмотобилизованной, но не воевавшей австрийской армии). Безвозвратные потери России составили 153 тыс. чел., союзников — 156 тыс. чел. Следует также отметить, что это была единственная война, которую Россия в состоянии была вести не только без единого союзника, но и без крупных внешних займов. Военные расходы воюющих по подсчетам современных исследователей составили (в миллионах фунтах по курсу периода войны):

	1852	1853	1854	1855	1856
Россия	15,6	19,9	31,3	39,8	37,9
Франция	17,2	17,5	30,3	43,8	36,3
Великобритания	10,1	9,1	76,3	36,5	32,3
Турция	2,8	?	?	3,0	?
Сардиния	1,4	1,4	1,4	2,2	2,5

В 1854 г. в России в обращении находилось кредитных билетов на сумму в 311 млн рублей, при этом правительство имело металлический фонд в 123 млн рублей, что позволяло поддерживать курс бумажного рубля *al pari* по отношению к серебряному. По окончании войны металлический запас понизился до 119 млн рублей, а количество кредитных билетов возросло до 780 млн рублей. Дефициты бюджетов за годы войны составили: 108,829 млн руб. (1853 г.); 146,932 млн руб. (1854 г.); 282,635 млн руб. (1855 г.); 258,374 млн руб. (1856 г.). Общая же сумма военных дефицитов составила 796,77 млн руб. Реальные доходы Империи сокращались, в том числе и по причине роста недоимок. В 1850 г. недоимки равнялись 107,166 млн руб., в 1851 г. — 110,496 млн руб., в 1852 г. — 125,35 млн руб., в 1853 г. — 130,352 млн руб., в 1854 г. — 135,433 млн руб., в 1855 г. — 140,046073 млн руб. Государство дважды, в 1853 и в 1855 гг., было вынуждено обращаться к внешним займам, в результате у немецких банков удалось получить по 50 млн руб. под 5% годовых.

Но основными ресурсами войны для России были внутренние заимствования. Правительство вынуждено было увеличивать выпуск кредитных билетов. В 1853 г. их было выпущено на сумму 10 млн руб., в 1854 г. — на 58.964.276 руб., в 1855 г. — уже на 215.101.501 руб. К началу 1 (13) января 1856 г. общая сумма внешних и внутренних долгов за годы войны составила 533.273.782 руб. Между тем в 1856 г. военные расходы составили 228.999.796 руб., а общая сумма расходов — 593.833.068 руб., при том что доходы за тот же г. равнялись 264.925.321 руб. Общая сумма формального долга государства, включая довоенные внешние заимствования и разного рода внутренние долги, достигла к окончанию войны фантастически высокой суммы в 1,5 млрд рублей серебром. Эта мобилизация внутренних ресурсов весьма дорого обошлась стране и обусловила финансовый кризис первых лет правления Александра II. Тем не менее сама возможность такого напряжения отнюдь не свидетельствует о слабости империи Николая I.

В ближайшей перспективе главным победителем в войне стал Наполеон III, добившийся реванша за 1812 г. и укрепивший положение своей династии. Франция стала одним из главных кредиторов Османской империи и гарантов разоружения России на Черном море. Впрочем, через 14 лет этот порядок вещей рухнет вместе со своим создателем, а Турция откажется от государственного долга Франции. Война не привела к внешнеполитической изоляции России, как рассчитывал Лондон, она не остановила расширение ее владений в Азии, на дальних подступах к Индии, скорее наоборот. Единственным государством, сумевшим извлечь выгоду из Крымской войны и ее последствий, была Пруссия. В ответ на предложение британского дипломата Августа Лофтуса обсудить проблему вступления королевства в союз с Англией, Францией и Австрией прусский министр-президент Отто-Теодор фон Мантейфель резонно заметил, что для начала нужно выяснить его цели, добавив при этом: «Очень легко сказать:

«Ослабить Россию»; но означает ли это наступление на Москву?» В узком кругу глава прусского правительства высказывался о руководителях антирусской коалиции с большей откровенностью: *«Эти господа думают, что мы собираемся таскать им каштаны из огня. Отнюдь нет; это они будут их доставать, а мы их съедим».*

Показатели британского экспорта в Россию постоянно падали, за 1848–1852 гг. они сократились на 43 %, составив в 1852 г. лишь 1/78 часть всего экспорта Великобритании. С другой стороны, из России на острова ввозилась 1/6 часть потребляемой там пшеницы и 1/3 овса. Это были существенные цифры, и заменить такой объем импорта Лондон не мог. В связи с этим в начале войны там было принято решение установить блокады русских портов, не допускать плаванья судов под русским флагом, ограничить вывоз товаров промышленного производства, которые могли бы иметь военное применение (напр., паровые двигатели для морских судов), но отказаться от захвата товаров противника на нейтральных судах. В Англии опасались негативной реакции со стороны государств Германии и особенно Соединенных Штатов. Опасения были небезосновательными, а интересы, которые не решились потревожить, — весьма серьезными. В ходе войны Пруссия активно занималась реэкспортом продукции русского сельского хозяйства в Англию, увеличив в 1854 г. вывоз сала почти в 5 раз, конопли — более чем 10 раз, льна — более чем в 2,5 раза и т. п. Через территорию Пруссии в Россию перевозились товары, объявленные военной контрабандой — порох, бельгийские винтовки, паровые машины и запасные части к ним.

Английскими кораблями было захвачено только несколько торговых судов под датским и тосканским флагами, которые не удалось секвестрировать ввиду отсутствия законных на то оснований. Что касается Пруссии, то ее роль в посреднической торговле на Балтике не составляла секрета для Лондона, в 1854 г. там даже обсуждались меры по введению блокады

побережья королевства или демонстрации силы у его берегов, но английские политики так и не решились пойти на это. Методы периода борьбы с континентальной блокадой Наполеона остались в истории. Принцип действий британского правительства был сформулирован следующим образом: *«Непосредственные интересы и очевидные угрозы важнее прецедентов»*. Правда, весной 1855 г. Пруссия, Ганновер, Дания, Гамбург и Любек издали ряд документов, ограничивающих нейтральную торговлю, но их значение было столь мизерным, что все поняли — речь идет только о косметических мерах, принятых с целью успокоения британской общественности.

В результате блокада русской торговли нанесла большой урон торговле британской, превратив прусский торговый флаг в основного перевозчика на Балтике, а Мемель, по меткому замечанию Лофтуса, превратился в это время в русский порт. К концу 1855 г. невыгоды торговой полу-блокады России стали ясно осознаваться в Лондоне, который вынужден был признать крах этой политики, так и не отыскав, к счастью для таких государств, как Пруссия, замену ей. Англия попыталась принять более угрожающий тон в отношении королевства, но пруссаки игнорировали его вплоть до последнего момента, когда реальной показалась перспектива начала крупномасштабных военных действий на Балтике. В Берлине не собирались отказываться от внезапно возникших преимуществ посреднической торговли между воюющими странами. Впрочем, все экономические выгоды, которые принесла Пруссии война, конечно, абсолютно несравнимы с последствиями ее «нейтрального нейтралитета», заложившего основы русско-прусского сближения в 1864–1870 гг.

В 1896 г. бывшие союзники по Крымской войне отмечали сороковую годовщину ее окончания. Один из наиболее ярких и последовательных противников России — лорд Роберт Сесил, третий маркиз Солсбери поразил многих своим заяв-

лением в парламенте. Вспоминая о 1854–1856 гг., он сказал: *«Мы поставили наши деньги не на ту лошадь»*. В поздний период правления королевы Виктории Крымскую войну обычно называли «преступлением» (игра слов «Crimean war» и «crime»), так как она не решила внешнеполитических задач, зато доставила Англии массу проблем во внутренней политике и легла тяжелым бременем на бюджет. Общие военные убытки обошлись Лондону в 69.277.694 фунта, из которых 46% выпало на займы, сделанные преимущественно на внутреннем рынке. Для многих из тех, кто по-прежнему смотрит на эти события сквозь призму ленинских оценок и определений (*«Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России»*), подобная позиция останется совершенно непонятной. В самом деле, слова Солсбери звучали бы странно, если бы война показала всю гниль и всё бессилие самодержавия, и ничего более.

«Франция вынесла гигантскую борьбу; стоять одной, как она стояла тогда и неоднократно потом, против всей Европы, — большой подвиг. Тем не менее, можно сказать, что, подобно тому, как Соединенные Провинции показали невозможность успешной борьбы для нации, хотя бы деятельной, но малочисленной и бедной по размерам территории, если она опирается только на внешние ресурсы, так и Франция показала, что нация не может бесконечно опираться только на себя, как бы ни велика была она численно и как бы ни были сильны ее внутренние ресурсы». Эти слова выдающегося американского военно-морского теоретика и историка контр-адмирала Альфреда Мэхэна, посвященные оценке событий так называемой Аугсбургской войны, полностью могли бы подойти к оценке событий другой, Крымской войны при условии замены (естественно, с небольшими условностями) Франции на Россию, а Соединенных Провинций — на Великобританию. Условности эти, впрочем, не будут иметь слишком большого значения, так как в принципе верным останется метод.

Мир как результат и продолжение войны

После падения Севастополя русский посол в Австрии князь А. М. Горчаков заметил: *«Мы лишились возможности говорить, но ничто не мешает нам слушать»*. Слова последовали вскоре. 20 января (1 февраля) 1856 г. венская конференция подписала протокол о съезде уполномоченных для заключения мира в Париже. Пять пунктов, предложенных Англией и Францией при поддержке Австрии, были приняты за предварительные условия мира. Союзная дипломатия приложила максимум усилий, чтобы подготовить благоприятную для себя почву до начала переговоров. Еще в ходе войны султан издал ряд законов, направленных на развитие положений Гюльханейского хатт-и шерифа. В 1855 г. был отменен харадж — специальный налог, которым облагались не-мусульмане, и султан разрешил допускать их для службы в армию. Последнее положение имело особый смысл, так как ношение оружия традиционно рассматривалось как исключительная привилегия представителей господствующей конфессии. Эти законы были восприняты исключительно негативно. 18 февраля 1856 г. султанским рескриптом (хатт-и хумаюн) было декларировано равноправие христианских подданных Порты.

Являясь по форме продолжением политики танзимата, этот рескрипт, навязанный султану союзной дипломатией, формально исключал необходимость особого покровительства его христианским подданным со стороны какого-либо иностранного государства. Это был

исключительно необычный для оттоманских законов документ. В нем не было ни ссылок на Коран, ни на время былого могущества и величия империи Османов. На торжественной церемонии объявления нового курса шейх-уль-ислам фактически отказался дать свое благословение этой политике («О Аллах! Помилуй народ Мухаммеда»). И среди христианской, и среди мусульманской общины империи были недовольные, но, естественно, среди мусульман их было больше. Мусульманская община была недовольна отменой хараджа и не хотела допускать иудеев и особенно христиан в армию. Что касается последних, то они отнюдь не стремились к реализации права на службу в турецкой армии, а православные христиане — тем более, так как шла война с единоверной Россией. Вскоре выход был найден путем введения «бедель-и аскерие» — откупа от военной службы, который фактически заменил харадж, так как прежде всего им пользовались не-мусульмане.

Русскими представителями на конгрессе, который должен был собраться в столице Франции, были назначены граф А. Ф. Орлов и барон Ф. И. Бруннов. 30 января (11 февраля) Нессельроде направил Орлову инструкции относительно тактики действий русской делегации в Париже. Канцлер предлагал использовать то положительное впечатление, которое, после долгой и тяжелой войны, произвело в Европе принятие Александром II предварительных условий союзников, а также разногласия между ними. Цель этих усилий была определена точно: «...изъ-

ять из редакции прелиминарных условий всё то, что носит унижительный для России характер». Нессельроде до последнего момента не был полностью убежден в благополучном исходе переговоров. *«Существенно важным для нас, — инструктировал он Орлова, — является следующее: либо добиться того, чтобы мир был заключен на Парижской конференции, либо, если против всякого ожидания это нам не удастся, выявить перед всем миром лояльность и искренность намерений, руководивших нашим Августейшим Государем в его благородном решении, так, чтобы не оставалось никаких сомнений в правоте дела, которое нам пришлось бы еще защищать, и для того, чтобы отнять у наших врагов возможность вооружить против нас Европу ради своих целей».*

Бруннов по прибытии в Париж практически сразу получил аудиенцию у Наполеона III, тот демонстративно высказал свое сожаление по поводу смерти Николая I («Это был великий государь!»). Морни в частной беседе сообщил русскому дипломату о том, что Франция желает мира и не поддерживает воинственной позиции Лондона. Прибывший позже Орлов также получил весьма теплый прием у императора французов. Канцлер предписывал Орлову сохранять особую осторожность при попытках сближения с Наполеоном и ни в коем случае не принимать на себя обязательств в отношении будущей внешней политики России, которые могли бы связать ее с Францией. 11 (23) февраля, по приезде в Париж, Орлов был принят императором, в ходе аудиенции были обговорены основные контуры будущих переговоров и вопросов, в которых русская делегация могла рассчитывать на поддержку французов. Наполеон III сразу же предложил перейти к вопросам, которые интересовали его в отношении ближайшего будущего. Нессельроде оказался прав — разговор пошел о перспективе пересмотра Венской системы и возможном сотрудничестве России и Франции в этом направлении. Император с самого начала затронул два вопроса, вызывавшие его особый интерес: итальянский и польский. Как и следовало ожи-

дать, Орлов не сказал ничего об Италии и категорически возражал против вмешательства со стороны в польскую политику Петербурга.

Таким образом, зондаж позиций с самого начала выявил и возможность сближения двух стран и те пределы, за которыми оно станет невозможно. Но пока что в определенном сотрудничестве были заинтересованы и Франция, и Россия. В тот же день, 11 (23) февраля, еще не зная о состоявшейся в Париже беседе, Нессельроде подал на Высочайшее имя мемуар, в котором предупреждал о невозможности союза со Второй империей. Ценой сотрудничества с Наполеоном III могло быть лишь согласие на реализацию его планов относительно левого берега Рейна, то есть фактически о совместных действиях против Пруссии — единственной на том момент не враждебной России державе. Естественно, что русский канцлер не считал подобную комбинацию возможной.

«Сверх того, — продолжал он, — со времени раздела Польши, между Россией, Австрией и Пруссией существует взаимосохранение интересов, соблюдение коего из этих трех держав, наименее необходимо именно для нас. Польское восстание послужило достаточным тому доказательством. Да и в последнее время, коалиция, вызванная под предлогом восточного вопроса, не угрожала ли сплотиться еще сильнее приближением к нему и вопроса Польского? Итак, прежде чем стать в разрыв с политической системой, которой держались не по особому предпочтению или по блажи, а по непреодолимой силе принципов и обстоятельств, мы должны хранить в уме, что, на почве политики, всякое тесное сближение равносильно обязательству. Но, кроме того, не представляется ли неосторожным и несвоевременным, основывать политическую систему на тесном союзе со страной, которая, с 1813 г., и помимо всех европейских гарантий, была поприщем трех революций, одна другой неистовее и демократичнее, среди которых обрушились в 24 часа две династии, тверже, по видимому, установленные, чем наполеоновская. В заключение повторим уже сказанное: в разумных интересах Рос-

Буоль-Шауэнштейнь. Гюбнеръ. Кларендонъ. Бруновъ. Гр. Гацфельдъ. Мантейфель.
 Гр. Валуевскій. Али-паша. Вилларина. Орловъ. Буркии. Коули. Бенедетти.
 Парижскій конгрессъ 1856 года.

Участники Парижского конгресса 1856 года

сии, политика наша не должна переставать быть монархической и антипольской. Этим двум основным началам должно быть подчинено наше сближение с Францией, как средство к тому, чтобы расторгнуть сплотившуюся против нас коалицию и не допустить ее пережить войну. Сближение это может со временем перейти и в более тесный союз, но лишь в том случае, если бы того потребовали благоприятные обстоятельства».

12 (24) февраля 1856 г. начал работать Парижский конгресс, в котором участвовали Англия, Франция, Сардиния, Турция, Австрия, Пруссия и Россия. Орлову и Брунову удалось использовать противоречия между победителями и на основе некоторого сближения с Францией добиться смягчения условий мира. Победа коалиции была очевидной, однако до планируемого разгрома России было весьма далеко, и поэтому ее потери отнюдь не соответствовали ожиданиям союзни-

ков. Конгресс начинался тяжело, дискуссии были весьма трудными. Когда англичане столкнулись с требованием России оставить Карс в случае исправления границы в Бессарабии, они пришли в ярость. В конечном итоге всем пришлось идти на уступки. Глава британской делегации Дж. Кларендон заметил: *«Я предпочел бы скорее лишить себя правой руки, чем подписывать этот договор».* Несколько раньше, 11 марта, так же скептически высказался и Наполеон III: *«Жертвы войны не были в соответствии с теми выгодами, которые можно было из нее извлечь».* И тем не менее Парижский мирный договор был подписан на заключительном заседании 18 (30) марта 1856 г., в годовщину сдачи Парижа союзникам в 1814 г.

Парижский трактат состоял из 35 статей и присоединенных к трактату конвенций о Проливах, Аландских островах и о числе русских и турецких легких во-

енных судов на Черном море. Карс возвращался Турции (ст. 2) в обмен на Севастополь и другие города, захваченные союзниками в Крыму (ст. 3). Участники договора обязались сохранять независимость и целостность Оттоманской империи (ст. 7), в случае возникновения «несогласия» между участниками договора и Турцией предполагалось посредничество остальных для того, чтобы избежать столкновения (ст. 8). Черное море объявлялось нейтральным (ст. 11) с запрещением России и Турции иметь арсеналы и военные корабли, за исключением необходимых для сторожевой службы (ст. 12–14) (по 6 паровых водоизмещением по 800 тонн и 4 других по 200 тонн). Судходство по Дунаю переходило под контроль международных комиссий (ст. 17), Россия обязывалась не возводить укреплений на Аландских островах в Балтийском море (ст. 1 Приложения), передавала княжеству Молдавия часть южной Бессарабии, теряла монопольное право покровительства над Дунайскими княжествами (ст. 21), автономия которых, а также и Сербии гарантировалась договором (ст. 22–24; 28). Кроме того, в договоре содержалось и упоминание о хатт-и хумаюне 1856 г. (ст. 9), что в известной степени делало его положения более обязательными для султана.

Александр II известил о договоре страну манифестом «О прекращении войны», изданном 19 (31) марта 1856 г. Император счел необходимым особо подчеркнуть, что декларированные его отцом задачи войны были решены (имелся в виду хатт-и хумаюн 18 февраля 1856 г.). О потерях, вызванных войной, говорилось в обтекаемых формулировках: «Будущая участь и права всех христиан обеспечены. Султан торжественно признает их, и вследствие сего действия справедливости, Империя Оттоманская вступает в общий союз государств европейских. Россияне! Труды ваши и жертвы были не напрасны. Великое дело совершилось, хотя и иными, непредвиденными путями и мы ныне можем с спокойствием в совести положить конец сим жертвам и усилиям, возвратив драгоценный

мир любезному Отечеству Нашему. Чтобы успокоить заключение мирных условий и отворотить, даже в будущем, самую мысль о каких-либо с нашей стороны видах честолюбия и завоеваний, мы дали согласие на установление некоторых особых предосторожностей против столкновения наших вооруженных судов с Турецкими в Черном море и на проведение новой пограничной черты в южной ближайшей к Дунаю части Бессарабии. Сии уступки не важны в сравнении с тяготами продолжительной войны и видами, которые обещает успокоение державы, от бога нам врученной». Строго говоря, русские потери в Южной Бессарабии ограничились 21 казенным поселением, большая часть жителей которых предпочла переселиться за Дунай в Россию.

Очевидно, возможности, которые имела русская политика на Востоке вообще и в районе Балкан в частности, если не в 1856 г., то в обозримом будущем, по-прежнему вызывали подозрения у победителей, и для охраны нового политического порядка в Европе 3 (15) апреля 1856 г. между Англией, Францией и Австрией был подписан договор, гарантировавший соблюдение Россией условий Парижского мира («Крымская система»). 5 (17) апреля, еще не зная об этом, Несельерде писал Орлову: *«Мирный договор, заключенный в Париже, положив конец войне и, следовательно, коалиции, образовавшейся против России, оставляет нас — не надо скрывать это от себя — в неизвестности относительно наших будущих отношений. После испытаний пережитого кризиса России нужно собраться с силами и стремиться к тому, чтобы исправить бедствия войны совокупным развитием своих внутренних ресурсов. В течение неопределенного периода времени внешняя политика России должна содействовать выполнению этой спасительной и благодетельной задачи, устраняя возникновение каких-либо препятствий извне. Эта идея и должна быть по необходимости положена в основу нашей политики, и на ее осуществление должны быть направлены усилия всех агентов императора. Какой бы простой не казалась эта задача, она не будет легкой. Россия находится в новом положении по от-*

ношению к Европе. Кризис, пережитый ею, глубоко видоизменил ее прежние отношения. Союз трех держав, который так долго служил противовесом союзу морских держав, порвался. Поведение Австрии разрушило тот престиж, благодаря которому этот союз импонировал Европе. С другой стороны, Швеция на севере, Турция на юге оказываются по отношению к нам в новых и щекотливых условиях. Англия, наш настоящий и упорный противник, выходит из этой войны с чувством недовольства и озлобления. Причины, вызвавшие коалицию, продолжают существовать».

Продолжало существовать и сильнейшее разочарование внешнеполитическим курсом Николая I в обществе. П. А. Валуев еще накануне падения «мученика Севастополя» подверг критике тот курс, который завел политику России в тупик и оставил ее без союзников. Господствующие настроения в оценке положения внутренних дел описывались следующим образом: «Сверху — блеск, снизу — гниль. В творениях нашего официального многословия нет места для истины: она затаена между строками». Подобные настроения были чрезвычайно устойчивыми. Через 10 лет после Парижского мира генерал-майор Н. Н. Обручев напишет: «Не Крымская ли война обнаружила наше богатство? Но союзники, в особенности Англия, не успели еще развернуть всех своих сил, как мы должны были уже сознать свое истощение». Выхо-

дом из тупика единодушно признавались реформы во внутренней политике и пересмотр внешнеполитического курса.

Последнюю задачу начал решать еще министр Николая I. Будущее русской внешней политики Нессельроде видел в балансе дружественных отношений с Парижем, но «без вовлечения нас в предприятия, пойти на которые проявил бы склонность монарх Франции», и с Берлином, так как прошедшая война продемонстрировала тот очевидный факт, что Пруссия оставалась единственной державой, которая не была враждебной России. Симпатии Нессельроде, безусловно, склонялись в сторону Пруссии. Все его документы этого периода буквально пропитаны недоверием к Наполеону III. Правда оценок старого николаевского министра быстро оправдала себя. 18 (30) апреля граф А. Валевский известил Орлова о заключенном 3 (15) апреля англо-франко-австрийском договоре. Это соглашение глубоко изумило Орлова, надеявшегося на возможность продолжения русско-французского диалога в будущем. Что касается Александра II, то, получив 18 (30) апреля 1856 г. сообщение от Орлова, император провидчески заметил: «Это поведение Франции в отношении нас не особенно добросовестно и оно должно нам служить нормой относительно степени доверия, которое Луи-Наполеон нам может вселять».

Результаты

Главной задачей русской дипломатии в период с 1856 по 1870 г. станет борьба с Крымской системой за отмену ограничительных статей Парижского мира. Глубокое недоверие императора Александра к Франции не помешало главе русского МИДа с завидным упорством добиваться союза с Наполеоном III. Внешне, казалось бы, расчеты кн. А. М. Горчакова были логичны. В Европе этого времени сложилась весьма специфическая ситуация — две великие державы континента Франция и Россия — были стеснены положениями конгрессов — 1815 и 1856 гг., подводившими черту под их военными поражениями. Наполеон III стремился к достижению так называемых естественных границ Франции, то есть к Альпам и Рейну, и превращению Второй империи в центр союза латинских народов. Особое значение в его планах занимало вытеснение Австрии из Италии и политическое переустройство Апеннинского полуострова под эгидой Франции. Горчаков ожидал, что в обмен за благожелательное отношение Петербурга к возврату Франции к границам, существовавшим до Венского конгресса, Наполеон III согласится отказаться от своих гарантий положений Парижского или как минимум способствовать отмене его ограничительных статей. Последнее было особенно важным, так как Горчаков считал необходимым добиться возвращения России полноты прав на Черном море без войны. Русский министр иностранных дел говорил, что «ищет человека, который поможет ему аннулировать условия

Парижского договора в отношении черноморского флота и границы Бессарабии, что он ищет его и найдет». Найти такого человека в императоре французов Горчакову не удалось.

Россия и Франция сближались, обсуждая условия возможного союза, но не приближаясь к нему. Первая русско-французская Антанта 1858 г. оказалась недолгой. Уже в результате войны 1859 г. обе стороны остались недовольны друг другом, но вновь сохранили видимость сотрудничества. Оно устраивало Горчакова, который надеялся в будущем перейти от видимости к реальному и взаимовыгодному партнерству, считая, что *«Франция, проникнутая сознанием своих насущных интересов, была бы всегда лучшей союзницей России»*. Судя по всему, Александр II начал сомневаться в возможности достижения такой перспективы. «Доверие мое к политическим видам Людовика-Наполеона очень поколеблено,» — отметил он в разговоре с Киселевым в октябре 1859 г. На замечание Ф. И. Бруннова о том, что лучше всего было не иметь французского императора «ни среди друзей, ни среди врагов», Александр возразил следующими словами: *«Для наших интересов, без сомнения, полезнее иметь его среди союзников, если бы мы могли положиться на него»*.

Польское восстание 1863–1864 гг. довольно ясно продемонстрировало, что надеяться на императора французов нельзя. Крымская война показала и то, что ставка на Австрию, как на ведущее государство Германского союза, не оправдала себя. Начиная с 1864 г. Россия поддержала Прус-

Егор Иванович Ботман. Портрет князя Александра Михайловича Горчакова

сию в войнах за объединение Германии. Рост политического влияния и военной мощи Берлина не мог не волновать. Уже после австро-прусской войны 1866 г. в Петербурге начали задумываться о том, что чрезмерное усиление Пруссии в Германии может зайти слишком далеко. Наполеон III попытался прозондировать возможность согласия с Россией по германскому вопросу, однако эти его попытки были встречены с недоверием — французская дипломатия опять ожидала от России действий, не затрагивая вопрос об отмене ограничительных статей. 3 августа 1866 г. Горчаков писал Александру II, что Наполеон хотел бы «вовлечь нас в свою орбиту» и использовать «русскую откровенность», чтобы «поставить Пруссию между двух огней в то время, когда это будет отвечать его видам. Или же чтобы отдать нас на произвол Пруссии, если он пожелает поднять новое движение в Польше». Кроме этих малоприятных соображений Петербург должен был учитывать и другую опасность, также исходившую от Парижа, а именно возможность сближения Франции с Австрией в Восточном вопросе или территориальной компенсации Вены на Балканах. Не исключалось, что подобная комбинация могла быть поддержана и Пруссией. У русской дипломатии не оставалось выбора, политика Горчакова, нацеленная на достижение соглашения с Францией, вызывала всё больше нареканий. Под нажимом своих оппонентов он вынужден был признать, что «серьезное и тесное согласие с Пруссией есть наилучшая комбинация, если не единственная».

7 августа 1866 г. в Петербург со специальной миссией был отправлен генерал-адъютант прусского короля барон Эдвин фон Мантейфель. 9 августа он прибыл в столицу России и в тот же день был принят Александром II. Генерал изложил императору программу будущего переустройства Германии, которая произвела на него тяжелое впечатление. Александр II считал, что свержение малых династий станет подрывом «монархического принципа», а в созыве общегерманского парламента видел «революцион-

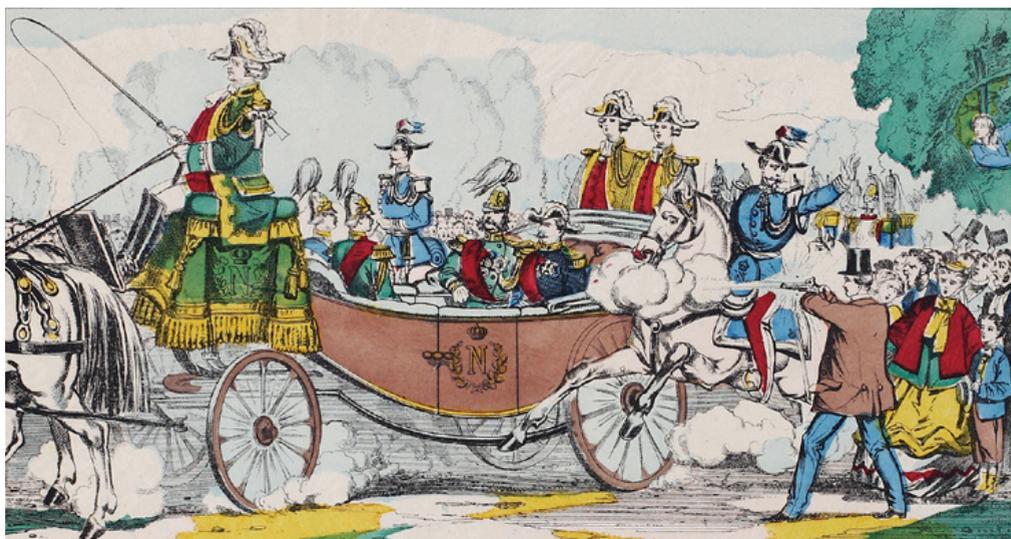
ную опасность». 10 августа Мантейфель встретился с Горчаковым и обсудил возможную программу компенсаций России за ее согласие на изменение политического устройства Германии. Представитель Бисмарка обещал поддержку русским действиям в Средней Азии, в Дунайских княжествах, было предложено и изменение границ в районе Галиции. Горчакова не заинтересовали эти предложения, и тогда Мантейфель затронул проблему Парижского договора. *«Это другое дело. — Ответил Горчаков. — Этот договор нежизнеспособен. Он умрет своей естественной или квазиестественной смертью, и когда речь будет идти о том, чтобы похоронить его, мы убеждены, что Пруссия, которая не имеет никаких непосредственных интересов в этом вопросе, тогда как он задает наше национальное чувство, даст нам сердечно и со всей решимостью свой голос».*

Переговоры продолжились, и уже 12 августа в личном письме к Вильгельму I Александр II заверил его в том, что Россия ни при каких обстоятельствах не поддержит противников Пруссии. Петербург продолжил оказывать Берлину дипломатическую поддержку, что имело большое значение в сложившихся обстоятельствах. Более того, по распоряжению Бисмарка Мантейфель впервые прозондировал и вопрос об отношении Петербурга на случай столкновения с Францией. Эти действия были успешны. Мантейфель телеграфировал Бисмарку: *«Зондировал. Князь Горчаков не дал никаких определенных обещаний, но, Ваше превосходительство, можете уверенно действовать против Франции».* Русско-прусское сближение, которому так не сочувствовал Горчаков, стало фактом. Однако оно так и не было оформлено в союз, что позволяло Горчакову надеяться на реализацию своей старой программы путем достижения договоренности с Францией.

Между тем русские и французские интересы не совпадали решительно нигде. Русский министр иностранных дел в очередной раз попытался использовать возможность договориться с Наполеоном III при личной встрече с императором.

Всемирная выставка 1867 года в Париже с высоты птичьего полета (фрагмент). 1867

Покушение на Александра II 25 мая 1867 года. Иллюстрация из газеты «d'Epinal» от 6 июня 1867 года

Александр II и Горчаков посетили всемирную выставку в Париже. Это было событие колоссального, невиданного ранее масштаба. В 1862 г. в Лондоне было выставлено 28.653 экспоната, выставку посетили тогда 6.211.000 человек. В Париже было выставлено 50.226 экспонатов, выставку посетили 10 млн человек. Столица Второй империи превращалась в столицу мира — средоточие финансов, достижений техники и производства. Именитые гости привносили с собой и элемент политики. Император и вице-канцлер находились в Париже с 1 по 11 июня 1867 г. На границе с Францией Горчаков заявил: «Я привез с собой целую канцелярию, чтобы делать дела». Он верил, что канцелярия пригодится.

Въезд Александра II в Париж был весьма торжественен — на вокзале императорский поезд был встречен Наполеоном III, сопровождаемым высшими сановниками Второй империи, резиденция Александра II была расположена в Елисейском дворце. Однако никаких «дел», которых ждал русский министр иностранных дел, не последовало. На русско-французские отношения опять легла печать польского вопроса. Перед отъездом императора во Францию по предложению шефа жандармского корпуса генерала графа П. А. Шувалова была объ-

явлена амнистия участникам восстания 1863 г. Это была так называемая «Вержбовская амнистия» (по месту подписания на пограничной станции Вержбово (современный гор. Вирбалис, Литва), в 5 км от русско-прусской границы). Александр II подписал ее 17 (29) мая 1867 г., перед тем как отправиться во Францию. По амнистии все неоконченные следственные дела, относившиеся к восстанию 1863–1864 гг., прекращались (кроме дел по обвинениям в тяжких уголовных преступлениях — убийстве, грабеже, поджоге и проч.), запрещалось начинать новые по обвинению в принадлежности к мятежу. Уроженцам Царства Польского, высланным в административном порядке, разрешалось вернуться на родину. Высланным в административном порядке уроженцам западных губерний разрешалось переселение в Царство Польское. Оба разрешения не распространялись на высланное католическое духовенство.

Эта мера была предпринята в расчете на лучший прием во Франции с ее полонифильскими симпатиями и значительной польской общиной. Эти ожидания не оправдались. Французское правительство, по меткому замечанию русского современника, «не знало пределов своему высокомерию и самообольщению». Не отставало от него и общество. 4 июня 1867 г.

при посещении Александром II Дворца Правосудия в Париже он был встречен демонстративными выкриками «Да здравствует Польша!» адвоката Шарля Флоке. Еще через два дня, 6 июня, в Булонском лесу на Александра II было совершено покушение А. И. Березовским, суд над которым превратился позже в демонстрацию симпатий французской общественности к польским революционерам. И, хотя покушавшийся был приговорен 15 июля к пожизненной каторге, это никак не сказалось положительным образом на русско-французских отношениях. Протокольные мероприятия — огромный парад 6 июня, в котором принимало участие около 60 тыс. человек, торжественные встречи русского и французского императоров и прусского короля — не смогли смягчить неприятного ощущения от пребывания Александра II в Париже. Не были обнадеживающими и результаты переговоров Горчакова с Наполеоном III, которые состоялись 3 июня 1867 г. О самом важном для России вопросе — отмене ограничительных статей — не было сказано ни одного слова. Обращение к Критскому вопросу привело к очередной констатации

разных позиций двух стран на востоке. Таким образом, поездка Александра II и Горчакова в Париж не привела к улучшению русско-французских отношений. Россия продолжила сближение с Пруссией.

Франко-прусская война привела к быстрому падению Второй империи. 2 сентября 1870 г. она капитулировала. В плен сдалось 83 тыс. французских солдат и офицеров во главе с императором Наполеоном III, с учетом сдавшихся в ходе боев 29 августа — 1 сентября в плен попало 104 тыс. чел. Узнав об этом, Ф. И. Тютчев дал удивительно верную оценку случившемуся: «*Все потеряно, и главным образом честь*». Уже после первых неудач Наполеону предлагали вернуться в столицу, но он так и не решился сделать это до решающего сражения. Император хотел прибыть в Париж победителем.

Официальный орган русского МИДа — *Journal de St. — Petersbourg* — отреагировал на новости с театра военных действий статьей, автор которой, с одобрения Горчакова, подводил итоги случившегося. Россия не может поздравить себя с переворотом в европейском равновесии, но «слова тут не помогут», ибо

Иван Айвазовский. Крымский Пейзаж с парусником. 1874

Франция расплачивается за свои политические ошибки и свои «национальные пороки» — она не давала Европе «жить спокойно» со времени Наполеона I и «это 1807 г. породил 1870».

19 (31) октября 1870 г. русское правительство циркулярной депешей А. М. Горчакова возвестило, что ввиду многих нарушений Парижского мира 1856 г., совершенных другими державами, Россия не считает себя более связанной его ограничительными статьями. *«Пятидесятилетний опыт доказал, — говорилось в ней, — что это начало (нейтрализация Черного моря — А.О.), от которого зависит безопасность границы Российской империи с этой стороны во всем ее протяжении, имеет лишь теоретическое значение. В самом деле: в то время, как Россия разоружалась в Черном море и даже, посредством декларации, включенной в протоколы конференции, прямодушно воспрещала самой себе принятие действительных мер морской обороны в прилежащих морях и портах, Турция сохраняла право содержать в Архипелаге и в проливах морские силы в неограниченном размере;*

Франция и Англия могли по-прежнему сосредотачивать свои эскадры в Средиземном море... По отношению к праву, наши Августейший Государь не может допустить, чтоб трактаты, нарушенные во многих существенных и общих статьях своих, оставались обязательными по тем статьям, которые касаются прямых интересов его империи».

Россия возвращала себе право вооружения на Черном море, не возражая против восстановления такого же права у султана и заверяя всех, что не имеет ни малейшего желания возбудить Восточный вопрос. Как и предсказывал на Царскосельском совещании Горчаков, реакция на это заявление ограничилась «войной на бумаге». Разгромленная в 1866 г. Австрия, превратившись в Австро-Венгрию, не желала новых войн, Великобритания не могла себе позволить войну с Россией без мощного союзника на континенте. Наиболее болезненное наследие Крымской войны — ограничительные статьи на Черном море — ушли в область истории.

Оглавление

Предисловие	3
Расчеты и просчеты русской дипломатии после революций 1848–1849 гг.	7
1853 год. На пути к нежелательной войне. Миссия Меншикова	17
Весна и лето 1853 года. Расклад сил	25
1853 год. Русско-турецкая война началась	31
Крымская война как война с Турцией. Первые столкновения на море и суше	37
Война с Турцией перерастает в войну с Англией и Францией	47
Судьба Финляндии, Польши, Грузии и Крыма	57
Осада Силистрии, борьба за союзников и морские коммуникации	63
Первые действия флота союзников и их последствия	69
Вчерашние друзья — худшие враги	77
Война в Закавказье. 1854 год	85
Война с июля по сентябрь 1854 г. Направление главного удара	93
Первые дни после Альмы. Судьба Севастополя — цель войны	105

Первые бои под Севастополем	111
Неудачи союзников и их отражение в Европе	117
Первая военная зима. 1854–1855	125
Война на окраинах России. Меры мобилизации	133
1855 год. Смерть императора Николая, бои в Крыму и сражения дипломатов	139
Бои в Крыму и вокруг него	145
Лето 1855 — союзники и русские. Неудачи и разочарование	153
Август 1855. Падение Севастополя. Неизбежность, которая стала очевидной	159
Севастополь пал. Что дальше?	169
После Севастополя. Малая Азия и Закавказье в 1855 г. Неясное равновесие	175
«Настоящий позор для коалиции». Карс взят	181
Баланс сил накануне мира	187
Мир как результат и продолжение войны	193
Результаты	199

Олег Айрапетов

Крымская война

Популярный очерк

Корректор
Ф. М. Колеров

Дизайн и верстка
Д. Р. Муллагалиев

Подписано в печать 13.11.2017. Формат 70x108 1/16
Бумага офсетная. Гарнитура «Альдин 401». Печать офсетная
Усл. печ. л. 18,2. Тираж 1500 экз. Заказ №NNNN

Информационное агентство REGNUM
119072, г. Москва, Берсеневский пер., д. 2, стр. 1

Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди»
119049, г. Москва, Ленинский проспект, д. 4, стр. 1 А